

НОВАЯ ПОЛЬША

№4₍₁₉₎

2001

Ежи Яроцкий: ГРОТОВСКИЙ В МОСКВЕ

Гжегож Пшебинда: ПОРТРЕТ РУССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА

ЕЖИ СТЕМПОВСКИЙ О ПОЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

СТИХОТВОРЕНИЯ ЯНА ТВАРДОВСКОГО

о. Станислав Опеля: РОССИЯ НЕ БУДЕТ КАТОЛИЧЕСКОЙ

Ян Стшалка о прозе Асара Эппеля

Лешек Шаруга о литературе последнего десятилетия

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

НОВАЯ ПОЛЬША

ISSN 1508-5589

№ 4(19)

2001

АПРЕЛЬ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

	Ежи Яроцкий
ОСТАНОВКА МОСКВА	3
	НА ЗАПАД
<i>Беседа с Богданом Цихомским</i>	9
	Виктор Кулерский
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	12
	Гжегож Пшебинда
В ПОИСКАХ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	19
	Ежи Стемповский
ПОЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЕЕ СУДЬБЫ...	24
	НАШИ ЛЮДИ
Я ПРИШЛА С КРАСИВЫМИ «А» И «О»
<i>Беседа с Ниной Андрич</i>	30
	РОССИЯ НЕ БУДЕТ КАТОЛИЧЕСКОЙ
<i>Беседа с отцом Станиславом Опелей</i>	37
	Андрей Базилевский
«НЕВОЗМОЖНОЕ НЕИЗБЕЖНО»	43
	ВЕЧЕР ПОЭЗИИ ЯНА ТВАРДОВСКОГО В СМОЛЕНСКЕ	43
	Ян Твардовский
ОЧЕРЕДЬ В НЕБО	45
	Станислав Грабовский
СВЯЩЕННИК ЯН ТВАРДОВСКИЙ — ПОЭТ	48

Лешек Шаруга 55
ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ
Ежи Помяновский 61
УЧЕНый, СОЛДАТ И ПОЭТ

Антоний Кучинский 63
О ПОЛЯКЕ, КОТОРЫЙ СИБИРЬ ОПИСАЛ
И С ПУГАЧЕВЫМ ВОЕВАЛ

Ян Стшалка 67
ЛОВУШКА ДЛЯ МУХ

Лешек Шаруга 71
ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Янина Куманецкая 74
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Переводчики: Н.Адельгейм, А.Базилевский, Н.Горбаневская, Я.Горбаневский, С.Филипчак, Е.Шиманская, В.Щукин.
Корректура: Е.Марчикевич

Фото ©: Jan Zych („Przekrój”) (стр. 3), Z.Raplewski (стр. 5), J.Kott (стр. 24), Anna Lewandowicz (стр. 30), Grzegorz Rogiński (стр. 43),
Архив (стр. 56, 61, 74, 75, 76).

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
Станислав Филипчак
(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
телефоны: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ: Издательство МИК, Москва, ул. Большая Переяславская, д.5, кв.49
Тел.: 280-83-52
e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

**WIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

По поручению
Министерства Культуры
и Национального Наследия
Республики Польша

Ежи Яроцкий

ОСТАНОВКА МОСКВА

Ежи Гротовский появился в Москве осенью 1955 г. с направлением на первый курс режиссерского факультета ГИТИСа.

Через несколько дней он передал мне письмо от своей матери, но не хотел, чтобы я открывал его при нем. Из письма я впервые узнал, что Юрек, как мы обращались к Гротовскому, серьезно болен хроническим воспалением почек, а врачи обеспокоены тем, как прогрессирует болезнь, и что, собственно, главная причина его приезда в Москву — надежда попасть в знаменитый санаторий в пустыне Кара-Кум в Туркмении, где, как говорят, можно эффективно вылечить или хотя бы подлечить эту болезнь.

Пани Эмилия, мать Гротовского, обращалась ко мне, тогда уже гитисовскому старожилу и коллеге Юрека по краковской Актерской школе, с просьбой помочь и проследить за этим делом. Соответствующие выписки с диагнозами, рекомендациями и прочие бумаги от краковских врачей были у Юрека на руках.

Я искренне полюбил его, и за несколько месяцев, проведенных в Москве, мы подружились — сегодня уже можно сказать — на всю жизнь. Порой судьба и профессиональная необходимость разлучали нас на годы, но время от времени мы ощущали потребность встретиться, поговорить и тогда звонили, ехали друг к другу, невзирая на расстояние.

Насчет санатория обещал помочь через своих знакомых в министерстве здравоохранения мой наставник в ГИТИСе М.Н.Горчаков, помогал и шеф Юрека Юрий Завадский. По моим наблюдениям, и сам Юрек проявил в этом деле немалую активность.

Дело, вопреки предположениям, оказалось вовсе не таким простым. Говорят, тогда существовали всего два лечебных центра с такой специализацией, весьма эффективные благодаря своему расположению и климату (сухому и жаркому): в Египте и Туркмении. Санаторий в Туркмении был доступен лишь советской верхушке: министрам, генералам и в порядке исключения — заслуженным западным коммунистам, таким как Долорес Ибаррури или Луиджи Лонго. Так что шансы Юрека были ничтожны, но, как потом оказалось, все же были.

Россия и Москва — какими они были в то время? Уже немного иными, нежели те, что я увидел четырьмя годами раньше.

В отличие от деревни, от северных и восточных областей (на юге и на Кавказе было вообще по-другому), в Москве уже спустя 4-5 лет после войны голода не было. Мне было дано испытать это лично, но и Юрек еще увидел остатки великолепия «гастрономической» Москвы. В «Гастрономах» прилавки гнулись под тяжестью всякого рода копченостей: грудинки, ветчин, рулетов, всевозможных колбас, сосисок. Дешевле всего был холодец и шестикопеечные «микояновские» котлеты [до 1961 г. 60-копеечные. — *Ред.*]. Были также грузинские и армянские вина — в ассортименте, советское шампанское, великолепное пиво, разливное и в бутылках: «Останкинское», «Московское», «Жигулевское», «Юбилейное». Полно было вкуснейших консервов (печень трески, крабы, икра) и очень дешевых устриц. Организм социализма достиг своей вершины. Когда я туда приехал, социализму было 35 лет.

Василий Аксенов в своей «Московской саге» пишет, что, наконец, удалось достигнуть оптимальной общественной структуры: 25 миллионов в лагерях, 10 миллионов в армии, столько же в КГБ и других службах, охраняющих систему. Остальное население занято напряженным трудом.

Кажется, даже крали тогда меньше, потому что за мешок колосков, собранных на стерне, можно было схлопотать срок.

Ежи Яроцкий

Юрек приехал в Москву через полтора года после смерти Сталина. Гастрономически все было еще похоже, но политически это была уже несколько иная Москва, чем та, которую пришлось видеть мне. Теперь в Кремле правил Хрущев. Однако до его доклада на XX съезде оставалось еще полгода.

ГИТИС менялся медленно, это был бюрократический колосс со многими факультетами: актерским, режиссерским, музыкального театра, театроведения, со многими национальными студиями, готовившими актеров для будущих театров в Киргизии, Узбекистане, Дагестане и т.п. Саркастические русские говорили об этом институте: «Политический вуз с театральным уклоном». Но все зависело от того, каков начальник или наставник. Вокруг исключительных, выдающихся личностей сосредотачивалась интересная художественная жизнь, возникали анклавы творческой работы.

Юрий Завадский считал себя учеником Станиславского и Вахтангова. Его лучшие времена были уже позади, однако в театральной среде он пользовался особым авторитетом, и вокруг него всегда крутилось множество красивых женщин. Был известен его роман с Улановой (великой, гениальной балериной; мне довелось несколько раз видеть, как она танцевала). Завадский ходил в Большой театр на все ее выступления, у него было постоянно абонированное кресло в партере — с табличкой, где была выгравирована его фамилия. Несмотря на возраст, он был все еще красив, хорошо одевался, обладал безупречными манерами и был в меру независим. В меру — ибо время от времени (кажется, раз в два года) он, как и другие художники, актеры и режиссеры, должен был сдавать экзамен по марксизму-ленинизму. Завадский предстал перед комиссией из множества членов, сидевшей за столом, крытым зеленым сукном, и отвечал на вопросы.

Ходил такой анекдот. В 50-е гг. Завадский, которого в очередной раз допрашивала комиссия, сидел перед столом и, как обычно, забавлялся, перебирая свою коллекцию цветных карандашей (он обожал цветные карандаши и часть своих сокровищ всегда носил с собой). Из президиума раздается вопрос: «Какие ошибки Бухарина повлекли за собой его исключение из партии?» Тишина. Завадский какое-то время перебирает карандаши, после чего решительно отвечает: «Это я знаю. Какой следующий вопрос?» Поставить ответ под сомнение никто не решился. Так Завадский сдал экзамен — больше вопросов не было. Юрек Гротовский, решительно выделявшийся среди своих однокурсников умом и эрудицией, скоро стал любимцем Завадского. Маэстро позволил ему войти с собой в приятельские отношения — вроде тех, которые установились у меня с Горчаковым.

Горчаков выхлопотал мне свободный доступ в «спецхран» Ленинской библиотеки, потому что только там можно было читать «крамолу» — запрещенные книги и журналы, устраненные из читательского оборота и доступные лишь узкому кругу привилегированных ученых.

У Горчакова был там свой «агент», знакомая еще с дореволюционных времен дама — уже весьма пожилая; она работала в читальном зале через день. Много лет я раз в два дня ходил туда и с пылающим лицом поглощал информацию о Мейерхольде, Михоэлсе, Михаиле Чехове — обо всех, кого убили или «ухали» из СССР. О Таирове на занятиях еще кое-что рассказывали — как о формалисте; о прочих — ни слова. А еще там можно было, просматривая подшивки газет времен революции и 20-30-х годов, заглянуть в страшную пропасть истории.

Теперь, когда я вспоминаю наши разговоры, меня удивляет, что Юрек не использовал этот источник, не принял предложения ходить в библиотеку по моему билету, который был без фотографии. Может, у него были другие источники, о которых я не знал? Но уж наверняка таким источником не мог быть спецфонд ГИТИСа.

В своих рассказах о гитисовских «архивах» Юрек слегка присочинил: там была обычная библиотека с читальным залом, давно очищенная от всякой «крамолы», и не было речи о том, чтобы там что-то тайно читать по ночам. ГИТИС по ночам запирали наглухо и зорко стерегли, как все государственные учреждения. Однако надо отдавать себе отчет в том, что, когда Юрек приехал, уже вовсю шла (с начала 1955 г.) кампания за реабилитацию Мейерхольда. Письма по этому поводу писали тогда в Главную военную прокуратуру Б.Пастернак, Д.Шостакович, С.Юткевич, Н.Эрдман и другие. Я упоминаю об этом в связи с рассказами Юрека (которые часто цитируются), будто за упоминание на занятиях имени Мейерхольда ему угрожало преследование и он, по совету Завадского, вынужден был два месяца прятаться у меня, в моей комнате в общежитии на Трифоновке.

Тогда о Мейерхольде уже можно было спрашивать на лекциях, а ответ зависел только от смелости, положения, ну и от вкусов педагога. Помню, как Охлопков в Доме литераторов и ВТО на вполне открытых встречах делился своими, сенсационными по тем временам воспоминаниями о Мейерхольде.

Юрек действительно иногда ночевал у меня на Трифоновке, но совершенно по другим причинам, и никогда не оставался дольше, чем на несколько дней. Иногда мы вместе возвращались поздно ночью из кино или театра, а ко мне было ближе, чем к нему; иногда ему просто хотелось поговорить. Либо надо было послушать Би-Би-Си или «Свободную Европу» (у меня в комнате был привезенный соседями, двумя немцами из ГДР, прекрасный приемник). Прием, кстати, был идеальный: в Москве передачи на польском языке почти не глушили. Разумеется, все эти ночные визиты были возможны лишь тогда, когда была свободна кровать моего третьего соседа — Анджея Б. К счастью, Анджей частенько ночевал у своей великолепной русской возлюбленной — «свистуньи» по профессии (так можно было прочитать в ее удостоверении, выданном Московской эстрадой: профессия — «художественный свист»).

Мы оба завидовали Анджею Б.: в его распоряжении была роскошная двухкомнатная квартира с ванной и первым советским телевизором, тогда как жилищные условия в обоих наших общежитиях оставляли желать лучшего. У Юрека в коридоре, правда, была душевая, но у меня на Трифоновке — это были несколько бараков, построенных еще в 1916 г. для немецких военнопленных, — мало что изменилось со времен постройки. Разве, что появилось центральное отопление, батареи были новые, и зимой мы не мерзли. Помнится, были там очень странные нужники: фаянсовые унитазы, окруженные металлическими подмостками, на которые приходилось влезать, чтобы пристроиться на корточках. А чтобы как следует вымыться, надо было отправляться за железнодорожные пути (Трифоновка находилась в непосредственной близости от Рижского вокзала), в ближайшую баню, которая одновременно служила путевой «вошебойкой». Я ходил туда вместе с русскими коллегами, стараясь не попасть в понедельник, когда там мыли, стригли и дезинфицировали беспризорников и детей, пойманных в поездах. Юрека я туда повести не отваживался.

Но вот в превосходную — кстати, самую обычную — районную баню, которая была чуть дальше, на Третьей Мещанской, я его однажды взял. Тут уж были иные обычаи и церемонии. В просторном зале были расставлены многочисленные каменные лавки, подогреваемые снизу. На них отдыхал народ в самых разных позах — сидя, лежа, время от времени обливаясь холодной водой из ведра или шайки.

В другом зале можно было встать под душ или даже лечь в одну из трех ванн, установленных посреди зала. Между отдельными помещениями не было стен, но мало что было видно в клубах пара, заполнявших залы, как только кто-нибудь обливался водой.

Достопримечательностью этой бани были калеки и инвалиды войны, безрукие и безногие. Они часами отлеживались тут, подремывали после пары кружек пивка (продававшегося в буфете в предбаннике) или более крепких (принесенных с собой) напитков. Как правило, они были не агрессивны, только порой кто проревет куплет из какой-нибудь песни или вручит тебе веник и потребует: «Хлещи по спине и по ногам, докрасна». Юреку не понравилось в атмосфере «чистилища», как он выразился, через несколько минут он ушел и больше никогда туда со мной не ходил.

Пора вернуться в стены ГИТИСа. Вторым педагогом, к которому все мы относились с симпатией, был Н.М.Тарабукин. На нашем курсе он преподавал всеобщую историю искусств, от Египта до современности. Старый, еще дореволюционной закалки профессор, человек необычайно разносторонних знаний, он был строг и беспощаден к тупицам и неучам, но отменно расположен к понятливым и охочим до науки студентам.

Тарабукин боялся. Боялся доносов и обвинений. Он экзаменовал и принимал пересдачи всегда в присутствии свидетелей — студентов должно было быть хотя бы двое. Если являлся только один, он не принимал. Я был свидетелем забавного случая. Покончив со мной, профессор велел мне остаться и принялся за другого студента, известного лентяя. Начал Тарабукин с того, что показывал ему картинки в книжках, которые принес с собой. Вот он закрыл линейкой подпись под фотографией, повернул книгу к экзаменуемому и просто спросил:

Ежи Гротовский

— Что это?

Мой коллега долго вглядывался в фотографию (на ней был сфинкс из Гизы), пытался слегка подкорректировать положение книги, чтобы из-под линейки показалась подпись, и, наконец, прошептал:

— Лев... — и посмотрел на Тарабукина, который все время мигал одним глазом (у него был тик).

— Наверняка лев? — переспросил профессор.

— Вроде лев, — подтвердил студент.

— Нет, это тигр, — ответил Тарабукин и вписал ему что-то в зачетку. В коридоре оказалось, что двойку.

Мой замечательный профессор Горчаков тоже боялся. Просил не задавать ему на лекциях неудобных вопросов. Поговорить по душам приглашал к себе домой. В 1956 г. не выполнил своей обязанности — принять мой дипломный спектакль по «Балу манекенов» Бруно Ясенского в Катовице, потому что, как он признался мне, боялся туда ехать после польского Октября. Опасался вопросов, которые могли ему задать, и своих ответов, за которые пришлось бы отчитываться в Москве. Небольшие, как нам тогда казалось в Польше, различия в степени свободы слова, доступности источников — с московской перспективы обретали иные очертания.

После смерти Сталина, но до хрущевского доклада уже можно было жаловаться, даже критиковать — к примеру, так: «Не очень-то хорошо, а может, даже плохо, когда дело в неподходящих руках, когда нарушаются ленинские нормы». Только так и было можно — дальше начиналось «критиканство».

Понемногу, изредка мы узнавали из печати, что тот или иной деятель или писатель реабилитирован (разумеется, посмертно) и, что скоро выйдет книга его произведений, соответствующим образом отобранных. Так мы узнали о реабилитации Бруно Ясенского, расстрелянного в 1940 году. Вскоре приехала из лагеря на Камчатке его жена Анна Абрамова-Берзинь. Я начал с ней встречаться в связи с постановкой «Бала манекенов».

Уже на втором курсе ГИТИСа (осенью 53-го) преподаватель актерского мастерства Андрей Гончаров делал с нами сцены из «Бега» Булгакова. На третьем — я получил разрешение ставить Брехта.

Был 1955 год, незадолго до приезда Юрека. В Театре киноактера я три месяца анализировал «Исключение и правило» Брехта, вел студийную работу, выстраивал с актерами цикл этюдов, прорабатывал варианты, приближаясь к премьере. Это была странная и нервная работа — актеров в любой момент могли вызвать на съемки фильма: кого в Одессу, кого в Архангельск. Это происходило постоянно, так что я репетировал все время с новыми актерами. Возникли и другие знаки вопроса. Пьеса Брехта была снабжена музыкой Пауля Дессау (так называемое «совместное произведение»). Я послал Дессау письмо с просьбой прислать ноты к зонгам. Он прислал их тут же, очень обрадовавшись, что спектакль пойдет в Москве (русская премьера и первый Брехт после войны). Написал точную инструкцию, как должно быть препарировано фортепиано: «Положить на струны листочки бумаги, чтобы удары молоточков извлекали искусственный, диссонансный звук». Ознакомившись с инструкцией, мой музыкальный наставник от ГИТИСа (фамилии не помню) сходу запретил мне эти приемы и вообще всю музыку Дессау. И велел немедленно пригласить кого-нибудь из студентов консерватории, чтоб написал «приличную музыку».

Мне попался невероятно способный парень (который уже тогда нелегально издавал в Париже свои сочинения). Он написал замечательные зонги, которые вызвали фурор среди молодых исполнителей из Театра киноактера и моих коллег, увидевших представление.

Все это, конечно, отступления, но они неспроста: ведь это тоже было темой наших разговоров с Юреком в Москве.

Юрек кинулся в вихрь занятий на факультете, который назывался режиссерским, но на пятьдесят процентов там учили актерскому ремеслу. Как и я за четыре года до того, Юрек начал интенсивно репетировать. Это были этюды и сценки — он должен был то играть, то режиссировать. Вскоре он уже тащил меня на репетицию «Двух театров» Шаняевского (помню, я удивился, что играют по-русски), где сам исполнял, кажется, роль Мальчика из Дождя.

Юрек пережил тот же шок, что и я, когда с меня буквально сдирали театральные шаблоны краковской школы. Естественно, поиски «правды», органичного поведения велись по образцам так называемой школы Станиславского, но сколько было педагогов — столько и толкований этого метода. Топорков, Попов, Кнебель, Горчаков — каждый немного по-иному — делились с нами своим пониманием того, что именно хотел сказать Константин Сергеевич.

«Кажется, я уже знаю, в чем тут дело, но, похоже, это не для меня», — сказал Юрек как-то вечером, после занятий. Мне казалось тогда, что он приехал в Москву, наивно веря, что сам сумеет заниматься этим ремеслом и что его мечта — актерская работа, а не режиссура. Со временем он нашел в своих актерах из Лаборатории, особенно в Теслике, того медиума, через которого он осуществлял свои грезы, еще детские. Пожалуй, этот тезис подтверждает то, что сказал в разговоре со мной в Старом театре 13 февраля 1994 г. Людвик Флашен. Цитирую с небольшими сокращениями: «Со временем [Гротовский] пришел к концепции «целостного акта», в котором актер — его исполнитель [...] обретает своего рода предельный опыт. Благодаря этому театральное представление могло существенным образом приблизиться к обряду инициации или к мистерии. [...] По-моему, где-то в Гротовском это жило — как тайный порыв к занятиям театром».

Достоверным свидетельством актерских возможностей Гротовского в то время могут служить слова его однокурсницы Зоси Куц (цитирую по Збигневу Осинскому): «Когда он играл Петра в «Мещанах» Горького, мы все стонали от отчаяния. У нас болели зубы и животы. Ничего более неуклюжего и беспомощного я в своей жизни и по сей день не видела». А вот — защита такой игры, проведенная Юреком в его теоретической дипломной работе под названием «За конкретность вдохновения»: «Если конечный результат моей работы можно назвать художественным, то процесс этот был осуществлен на дипломном курсе. [...] Это была работа вдохновенная, то есть целенаправленная, сосредоточенная, с внутренним творческим настроением на огромную тему».

Важнейшим достижением Юрека, вынесенным из ГИТИСа, было новое понимание себя, новое сознание, позволившее ему ликвидировать самоцензуру собственного критицизма и направить свой «тайный порыв» на поиски актерского метода для других, помочь им на трудном пути в театр. Вопрос З.Куц (из уже цитированного высказывания): «Как ему удалось стать одним из столпов мирового авангарда?..» — не должен остаться без ответа.

«Мне нравится [...] думать, что если что-то не удастся, то бунт и отчаяние создают страшную энергию, и так можно прийти к чему-то существенному».

В таких словах Флашен (во время разговора в Старом театре) согласился со мной, что у истоков творческого пути Ежи Гротовского были в некоторой степени бессилие, неумение, нехватка. Но бессилие это у Юрека высвободило энергию — бессилие высвободило силу! Повторением этого процесса был начальный этап театра «13 рядов» в Ополе. Я имел возможность посмотреть на это вблизи, но об этом в другой раз.

Возвращаясь к моему рассказу: кажется, в декабре 1955 г. Юрек получил известие о том, что ему выделена путевка на лечение в санаторий в Туркмении. Он поехал в апреле 1956 г., не помню, какого числа, а вернулся так поздно, перед самой сессией, что сдача экзаменов вдруг оказалась проблемой. Из Туркмении он прислал мне две или три открытки с видами, без всяких подробностей о том, как идет лечение.

По возвращении из санатория у Юрека было мало времени на рассказы, так как ему пришлось срочно настроиться на подготовку к июньской сессии. Он собрал необходимые книги. Заранее решил, что должен прочесть сам, а что ему может кто-нибудь пересказать. Кое-что просил рассказать и меня. Расспрашивал об особенностях педагогов, с которыми мне уже приходилось иметь дело, пропал на несколько дней кряду, не приходил на занятия — наверно, отсыпался, потому что по ночам готовился, — и, наконец, сдал все экзамены с большим шиком и блеском. После одного из таких экзаменов мы встретились в «Праге», ресторане поблизости от ГИТИСа, куда мы чаще всего ходили. Юрек, возбужденный, раскрасневшийся, потный, рассказывал, что ему удался невероятный номер. При ответе на вопрос о современных теориях театра он выдумал двоих несуществующих западных теоретиков, которым наскоро дал имена, и кратко изложил их теории! «И ты знаешь, Мочульский после экзамена пожал мне руку и сказал: «Спасибо, Ежи, вы приоткрыли перед нами железный занавес»». Я онемел от изумления, потому что Мочульский (у нас-то он преподавал, а у Юрека, кажется, нет) был специалистом по западной литературе и театру. Юрек заказал две кружки пива и добавил: «А знаешь, что в этом еще более невероятно? То, что на билете, который я вытянул из кучки, не было вопроса о современных теориях и я, рискуя, сам его придумал». Я тогда поверил каждому его слову — он излучал подлинное, искреннее торжество и эйфорию. Гротовский обладал невероятной способностью — импровизируя, строить связанные логические цепочки и интеллектуальные конструкции.

Много лет спустя, в Катовице, я сам подвергся такой «процедуре». Он приехал из Ополо с «Идиотом» Достоевского в постановке Вальдемара Кригера. Публика была исключительно юная, наверно

лицейсты, после спектакля — дискуссия. Молодежь в основном крутила носом, не очень понимая, что к чему. Дело шло к разгромной оценке спектакля, ребята явно раззадорились. И тут берет слово Гротовский. Он держал речь полчаса, импровизировал, но с железной логикой объяснил все тонкости романа, инсценировки и спектакля, а также причины, по которым и представление, и режиссера, и актеров следует оценивать лишь в превосходной степени. Ему аплодировали. Молодежь вышла из театра в убеждении, что смотрела шедевр и слушала пророка.

Той лихорадочной сессии во время нашей московской учебы сопутствовали не менее будоражащие политические события. Это была другая важная тема наших встреч. 25 февраля 1956 г. начался XX съезд. Через три дня в «Правде» появился подробный отчет, но сведения просачивались еще много месяцев. Пока что мы узнали, что был культ личности и ошибки в идеологических и экономических оценках... О преступлениях мы слушали по радио «Свободная Европа» на моей Трифоновской улице. В апреле вышел из тюрьмы Гомулка, в июне Циранкевич «отрубил руки» контрреволюции в Познани. Юрек хотел поскорее вернуться в Польшу. Будущее он видел в розовом свете. «Теперь не до театра, надо использовать шанс, который дал съезд и большая оттепель в Польше». Он уговаривал меня прервать учебу, ехать вместе с ним в Польшу и включаться в политическую кампанию. К этому он меня склонить не смог, но я начал переводить диалог Александра Блока «О любви, поэзии и государственной службе» — одноактную пьесу, написанную в 1905 г., которая накануне польского Октября могла прозвучать довольно провокационно.

Когда в июле я приехал в Краков и показал текст Юреку, он отнесся к нему с энтузиазмом и предложил помочь опубликовать его — к примеру, в еженедельнике «Жиче литерацке». Других идей у меня не было, я охотно согласился и отдал текст Юреку.

Месяца два я не знал, что с этим текстом. Наконец, когда я уже был опять в Москве, Юрек через кого-то прислал мне экземпляр газеты от 7 октября 1956 г., где на первой полосе был мой перевод Блока. Среди прочих забавных диалогов там можно было прочесть следующее:

«ПОЭТ. Неужели нельзя накормить этих нищих?

ШУТ. Ваша прямолинейность удивляет меня. Разве вы не видите, что мы делаем все, что можем.

ПОЭТ. Вы откладываете дело в долгий ящик.

ШУТ. Вы все еще не понимаете сути дела. До чего вы несовременны! Здравый смысл хорош тогда, когда он согласуется с требованиями политической экономии.

ПОЭТ. Никакая наука не заставит людей голодать!

ШУТ. Кроме самой тонкой науки. [...]

ПОЭТ. Это — мерзость, а не здравый смысл!»

Это был мой переводческий вклад в так называемый польский Октябрь.

Как цензура пропустила этот текст в печать, невзирая на явную издевку над марксистской экономикой и наукой, — до сих пор ума не приложу. Может, ее сбила с толку фамилия русского поэта, ассоциировавшаяся скорее с поэмой «Двенадцать». Каково было участие в этом Юрека, который заявил мне в Кракове: «Махеека [главного редактора «ЖЛ». — *Ред.*] я беру на себя», — не знаю.

Я собирал последние отметки в зачетную книжку и материалы к «Балу манекенов», который собирался ставить как дипломный спектакль. Юрек с головой ушел в политику, о чем я узнавал в основном из польских газет или из кратких телеграмм: «Не мог бы твой брат принять меня в Варшаве на несколько ночей? Обнимаю — Юрек».

Он включился в это полностью, вошел в правление нового союза молодежи. Ссорился с Гомулкой и не собирался возвращаться на учебу в Москву. К счастью, в тот год в краковской Государственной высшей театральной школе был создан новый факультет.

Знал ли Гротовский, когда ехал в Москву, что едет всего на год? Этого я от него так и не узнал. Да никогда и не спрашивал. Однако достойна внимания «отсрочка», отмеченная Збигневом Осинским в его замечательной книге «Гротовский: истоки, вдохновения, контексты». Дело в том, что, как и все мы в то время, Юрек получил «распределение» на работу в театре на три года, до 31 августа 1958-го. Между тем, «отсрочка» по просьбе заинтересованного лица, связанная с поездкой в Москву, дана была только на год, то есть в точности на тот срок, который Юрек использовал.

Возможно, это стечение обстоятельств...

«NOTATNIK TEATRALNY»

Печатается с небольшими сокращениями

НА ЗАПАД

Беседа Ежи Домагалы с Богданом Цихомским

Богдан Цихомский — социолог, руководитель крупнейшей в Польше программы по изучению общественных преобразований.

— Вы тот человек, который знает о поляках больше всех. Правильно я вас представляю?

— Вот уже почти десять лет вместе с коллективом из трех человек я провожу исследования, которые позволяют наблюдать и описывать происходящие изменения, а также сравнивать нас с другими обществами. Польский всеобщий общественный опрос (ПВОО), финансируемый Комитетом научных исследований, — это исследовательская программа, осуществляемая Институтом социальных исследований при Варшавском университете. Ежегодно мы по одной и той же методике задаем около 800 вопросов большой — в 2500 человек — группе анкетированных.

— Чем эти вопросы отличаются от тех, которые задают Центр исследования общественного мнения, Центр изучения публичного мнения и другие социологические службы?

— Они не касаются оценки текущих событий и злободневных проблем, например, конкретных действий правительства, а сформулированы так, чтобы их можно было поставить и через сто лет. Благодаря этому мы можем наблюдать механизмы и направление перемен.

— И каковы ваши выводы?

— Мы настолько интересная страна, что американские университеты используют наши данные как основу для изучения преобразования обществ. Движение таких показателей, как оценка своего жизненного положения, шансов, притязаний, на стабильном Западе не превышает 2-3% в год. У нас в течение нескольких лет наблюдается динамика до 17%. Я не знаю другого столь же динамичного общества.

— И что же — к лучшему мы меняемся или к худшему?

— Ответ опровергает многие стереотипы и расхожие мнения, высказываемые средствами массовой информации и политиками — хотя бы в ходе недавней избирательной кампании.

— Какие стереотипы?

— Например, будто преобразования вызвали обострение общественного неравенства. Просто частный сектор, в котором заработки выше, сильнее дифференцирует оплату в зависимости от квалификации. Высшее образование оценивается там вдвое выше, чем в государственном секторе. Рыночная цена образования в Польше уже почти так же высока, как на Западе. Это огромный сдвиг.

— Почему государственный сектор отстает?

— Еще шесть лет назад неравенство и там было довольно высоким. Теперь происходит выравнивание. Причина — нажим профсоюзов. В результате исчезает дифференциация доходов по критерию квалификации. У нас в капиталистической Польше есть анклав социализма, который укрепляет свои позиции.

— Говорят: преобразования привели к тому, что богатые становятся богаче, а бедные — беднее.

— Неправда. Если взять доходы на душу населения, с 1992 г. 10% самых бедных располагают 38% того, что получает половина поляков. И этот показатель неизменен: беднейшие остаются столь же бедными по сравнению с остальным обществом. Однако доходы растут — поэтому им живется лучше, чем десять лет назад.

— А что с богатыми?

— Если в 1995 г. у них было в два с половиной раза больше, чем у половины общества, то в 1999-м — втрое больше. Так что богатые стали только немного богаче.

— *Забастовки свидетельствуют о том, что общество ожидает от власти выравнивания различий. А от политиков мы слышим: мы — общество необоснованных претензий...*

— Очередной стереотип. Его опровергают данные другой программы, которую мы осуществляем в Институте социальных исследований. ПВОО тесно связан с Международной программой социального наблюдения. Эта программа возникла в конце 80-х, когда несколько европейских государств и США заключили соглашение о том, что ради сравнительных целей будут исследовать разные общества на основе одинаковых методик, критериев и показателей. Вопросы одинаковы в каждой из 33 стран-участниц — а среди них почти все западноевропейские и посткоммунистические страны; в числе прочих — США, Канада, Япония, Австралия, Бангладеш, Новая Зеландия. Так что можно сравнивать. Необычно, что результаты исследований доступны всем пользователям Интернета, причем представлены в такой форме, что любой может сам проводить собственные расчеты и сопоставления.

— *Так насколько же наши претензии выше, чем у других?*

— Мы выбрали десять сфер, в которых правительство может активно действовать, в частности обеспечение всеобщей занятости, контроль цен, гарантированное здравоохранение, снижение различий в доходах между богатыми и бедными. Респондентов в более чем 20 странах спрашивали: является ли обязанностью правительства обеспечить все это или нет? Позиция страны определялась по шкале от 0 до 100%. Уровень ожиданий, связанных с государственным вмешательством, повсюду очень высок. Средняя величина — около 70% и ста.

— *А как в Польше?*

— Вместе с Чехией и Венгрией мы в конце списка восьми посткоммунистических стран: примерно 80%. Требование государственного вмешательства среди этих стран сильнее всего в России — 86%. Но в Испании этот показатель еще выше — целых 88%! Ожидания, близкие к нашим, — в Норвегии, Израиле, Франции.

— *А в США?*

— Разумеется, ниже всего — 60%.

— *Тот же немало.*

— Да. Исследования показывают, что нынешний капитализм — это уже не либеральный капитализм XIX века, когда каждый живет как может, а государство лишь контролирует правила игры. Сегодняшние общества — это до известной степени общества благосостояния: есть некий совместно произведенный продукт, который мы согласны отдавать в виде налогов, и мы хотим, чтобы государство делило эти средства по справедливости. Быть может, в начале XXI века мы приступили к поиску идеологии, соединяющей веру в рыночную экономику с надеждой на справедливое перераспределение ее плодов.

— *Социализм на горизонте?*

— Ну нет. При социализме государство распределяло весь продукт. Сегодня никто не хочет, чтобы оно, к примеру, определяло уровень доходов. Доходы должны зависеть от того, что каждый заработает сам. Общество не согласно с тем, чтобы государство определяло цены. Предполагается лишь контроль: чтобы они не были слишком высокими, например, когда их взвинчивает монополист. Я думаю, наши респонденты заинтересованы в том, чтобы правительство перестало быть политической элитой и стало профессиональным, надежным проводником интересов простых людей.

— *Но где государство должно брать на это средства?*

— Мы спрашиваем так: если бы у правительства был выбор между снижением налогов и повышением расходов на социальные нужды, что ему следовало бы делать? Разброс мнений огромен — как в Западной Европе, так и в посткоммунистических странах. Повышения социальных ассигнований, даже если бы это означало рост налогов, хотели 54% британцев, но лишь 19% французов. Так что капиталистические системы не выработали единого представления о роли государства в перераспределении национального дохода.

— *А как на этом фоне выглядят посткоммунистические страны, в том числе Польша?*

— Тот же громадный разброс. За увеличение социальных ассигнований — 50% болгар, но только 25% поляков (столько же, сколько в западных землях Германии). Половина поляков не знает, как ответить на этот вопрос. И почти половина русских. В западных странах «не знаю» звучит втрое реже.

— *Что это значит?*

— Таков результат несовершенной информационной политики и отчуждения общества от политической дискуссии.

— *О чем говорят другие ваши опросы?*

— Мы спросили: каковы в нашей стране налоги — слишком высокие, слишком низкие или как раз такие, какие должны быть? Повсюду 70-80%, а в Италии даже 90% считают, что налоги, которые платят самые бедные, слишком высоки. В Польше — 86%. Другой вопрос: занижен или завышен налог с тех, кто зарабатывает много? В среднем лишь около 20% полагают, что завышен. Но поляки считают иначе: 36% придерживаются мнения, что богатые платят слишком много. Так же считают жители США и Израйля.

— *Стало быть, капитализм в Польше утвердился?*

— Не совсем. Вот мнения о формах собственности в классических отраслях экономики. Вопрос звучит так: государственными или частными должны быть электростанции, банки и больницы?

У нас на частные электростанции согласны 17%, а в США — 72%. В России — неполных 5%. Сходные показатели — по больницам. У частных банков в западных странах высокая поддержка — в среднем 60%, в США — 70%, а в посткоммунистических странах — вдвое или втрое ниже. В России же — лишь 10%. Польша — в посткоммунистическом авангарде: 28%.

— *В какой степени в Польше утвердилась демократия?*

— Формулировку «Демократия эффективно действует, но требуются определенные изменения» выбрали 52%. Это самый высокий показатель одобрения системы среди стран бывшего соцлагеря. Он вдвое выше, чем в Венгрии и... в Италии. В четыре раза выше, чем в России. Сходную с нами картину дают Испания, Франция, Швеция.

— *Откуда же мнения о том, что итогом преобразований стали несправедливость, коррупция, хаос? Почему так невелико доверие к власти?*

— Эти оценки неравнозначны критике системы. Они касаются конкретных ситуаций, событий, личностей, команд. Общее убеждение таково, что демократия действует уже довольно эффективно, и большинство не хочет ее менять.

— *Значит, власть может спать спокойно?*

— Нет, конечно. Вера в демократию не означает доверия к власти. Хотя, если митинги и демонстрации считает допустимыми намного больше половины граждан западных стран, то среди поляков таких — лишь 20%. Это меньше, чем во всех прочих странах, в том числе и в посткоммунистических. В последних вообще акции протеста менее приемлемы для общества.

— *Почему?*

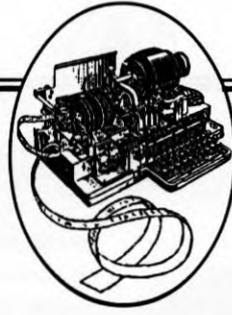
— Потому что в традиционно демократических странах выработан способ выражения убеждений и мнений путем митингов, демонстраций и забастовок. Это часть системы, которая не ставит под угрозу систему в целом. У нас же люди всегда выходили на улицу, чтобы протестовать против системы. В своих опасениях мы пока что дети той системы.

— *То есть не вполне выросли из коммунизма...*

— На Западе две трети граждан одобряют публикацию книг, выражающих антиправительственные взгляды. У нас — одна треть. Признание свободы слова и свободы мнений еще не так прочно, как на Западе. Все еще доминирует убеждение, что это угрожает системе.

— *Так какое же мы общество?*

— Наши опросы разрушают стереотипное представление о том, что мы общество неоправданных претензий. Такие же ожидания — ожидания того, что правительство гарантирует социальную защищенность, — наблюдаются во всех странах. Затем мы и построили демократическое государство, чтобы оно о нас заботилось. В некоторых отношениях мы такие же, как западные общества; по другим критериям в этих странах уровень претензий даже выше, чем у нас. Вывод? Польша эволюционирует в сторону современного общества западного типа.

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

❖ «Книга десятилетия независимой Польши. 1989-1999», издание, подготовленное 369 авторами, 378 фотографиями и 30 художниками-графиками с использованием архивов 177 учреждений, насчитывает 1143 страницы и содержит 415 статей и 4283 иллюстрации. Весит том более 11 кг. «Мы хотели показать свет и тени минувшего десятилетия без апологетики, но и без излишнего пессимизма», — сказал Вальдемар Кучинский, автор замысла и редактор книги. Издание финансировали частные меценаты. Первые три тысячи экземпляров будут посланы в школы и библиотеки. Прообразом книги была «Книга десятилетия возрожденной Польши. 1918-1928», изданная в 1929 году. (*«Впрост»*, 25 февраля)

❖ Проф. Вацлав Вильчинский: «Куда ведут польские преобразования? (...) 11 лет спустя их будущее не вырисовывается достаточно ясно (...) мы вступили на «третий путь», ведущий в никуда. (...) Официально польские преобразования не идут «третьим путем». Мы приватизируем (...) однако в действительности у нас налицо все проявления «третьего пути», а не либерализм. Налицо государство-опекун, на которое у нас нет средств. Нерыночный сектор превратился в копилку без дна. (...) Разрастаются центральная администрация и регулирование. У нас враждебное государство-опекун, то есть высокий уровень отчуждения граждан от государства, которое они не считают своим. (...) Продолжать прежнюю политическую практику чрезвычайно опасно для Польши». (*«Впрост»*, 25 февраля)

❖ Согласно опросу ЦИОМа, 48% поляков — противники реприватизации, а 38% — сторонники. (*«Жечпосполита»*, 15 февраля)

❖ По данным Польского национального банка, в 2000 г. прямые иностранные капиталовложения достигли суммы 9,3 млрд. злотых (в 1999-м — 6,3 млрд.). (*«Впрост»*, 11 марта)

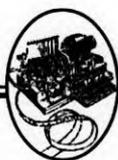
❖ В 2000 г. польский экспорт в США впервые превысил порог миллиарда долларов. Благодаря одновременному падению импорта из США торговое сальдо оказалось для Польши положительным, составив свыше 280 млн. долл. (*«Впрост»*, 11 марта)

❖ В середине 2000 г. уже 41% молока, скупаемого в Польше, отвечал санитарным требованиям ЕС. На протяжении года число хозяйств, производящих такое молоко, возросло с 90 до 160 тысяч. (*«Газета wyborча»*, 16 февраля)

❖ Из опасения завезти в Польшу ящур введен запрет на ввоз продовольственных продуктов животного происхождения. На границе продукты конфискуются. Во время пересечения границы машины должны проехать, а люди пройти по матам, пропитанным дезинфицирующим веществом. (*«Жечпосполита»*, 6 марта)

❖ Европейская комиссия рекомендовала совету ЕС завершить переговоры с Польшей о таможенном союзе. Это значит, что, по мнению Брюсселя, польские таможенники в состоянии успешно контролировать свыше 1100 км границы с Россией, Украиной и Белоруссией — будущей восточной границы Европейского союза. По мнению чиновников Европейской комиссии, успех стал возможен благодаря работе председателя Главного таможенного управления Збигнева Буяка. (*«Жечпосполита»*, 9 марта)

❖ «С местным самоуправлением были связаны большие надежды (...) однако со временем, особенно в городах, органы самоуправления стали местом партийной борьбы. Общественники проиграли партийным активистам. Аппарат самоуправления (...) разросся до невообразимых размеров (...) От настоящей самоуправляемости остались лишь воспоминания. При этом растрачены огромные деньги — на командировочные, зарплаты, помещения, служебные машины». (*Кшиштоф Готтесман, «Жечпосполита»*, 15 февраля)

❖ По словам замминистра внутренних дел и администрации Юзефа Плосконки, личный состав государственной администрации и органов местного самоуправления в 1993 г. составлял в общей сложности 238 074 человека, а в 2000-м — 305 802. (*«Жечпосполита», 22 февраля*)

❖ Сейм изменил законы о местном самоуправлении. В 2002 г. число депутатов органов самоуправления уменьшится на четверть, и они не смогут совмещать свои функции с функциями парламентариев. (*«Тыгодник повшехный», 25 февраля*)

❖ Проф. Мария Янион: «Почти все мы поддались иллюзии, что прораставшее в короткий период „Солидарности” и во время военного положения гражданское общество заговорит в свободной Польше в полный голос. (...) Хотя почти все называют себя учениками „Культуры” и Гедройца, над его концепцией Речи Посполитой не подумали как следует. (...) Зато налицо ужасающая деградация публичной жизни. Политику (...) ограничивают социотехникой, если не сказать манипуляциями. Без какого бы то ни было культуротворческого смысла, даже без подобных намерений». (*«Газета wyborча», 15 февраля*)

❖ «Удалось создать инфраструктуру польско-восточных контактов. Тысячи студентов, сотрудников органов самоуправления, политиков, представителей администрации, деятелей культуры, членов неправительственных организаций посещают Польшу, учатся здесь, знакомятся с польским опытом преобразований и т.п. Создается прочная основа двусторонних отношений, особенно польско-украинских. Их состояние поразительно на фоне наследия польско-украинских конфликтов военных лет». (*Богумила Бердыховская, «Тыгодник повшехный», 4 марта*)

❖ 117 украинских учителей изучают в Польше английский язык. (*«Газета wyborча», 1 марта*)

❖ Растет число прошений о политическом убежище в Польше. В 2000 г. их было подано 4506, на 40 с лишним процентов больше, чем в 1999-м. 1089 прошений подали чеченцы. Среди просящих убежища — беженцы из 65 стран. После чеченцев самые многочисленные — армяне, румынские и болгарские цыгане, а также монголы. Число прошений вьетнамцев по сравнению с 1999 г.

возросло в 4 раза. Центры приема просителей убежища переполнены. Месяц пребывания каждого их жителя обходится Польше более чем в 1600 злотых. (*«Жечпосполита», 24-25 февраля*)

❖ Власти Познани не дали разрешения комитету «Свободный Кавказ» на проведение демонстрации под лозунгом «Свободу Чечне» перед российским консульством. Полиция разогнала демонстрантов и задержала четверых из них. (*«Газета wyborча», 13 февраля*)

❖ Союз белорусских политических беженцев в Польше создается в Белостоке. По словам председателя учредительной группы Яна Абадоуского, в Польше находятся уже несколько десятков человек, которые выехали из Белоруссии, опасаясь преследований за оппозиционную деятельность. (*«Жечпосполита», 26 февраля*)

❖ Главный редактор «Московских новостей» Виктор Лошак: «По-прежнему существует советский человек, и по-прежнему существует человек-поляк, который советского человека простить не может. Для нас это по-прежнему живые проблемы. Но уже для наших детей они будут абсолютно безразличными». (*«Газета wyborча», 28 февраля*)

❖ Российские власти в третий раз отказали в визе о. Станиславу Опеле, иезуиту, секретарю конференции епископов Российской Федерации. В июле прошлого года о. Опеля приехал в Польшу на отдых. С тех пор католическая Церковь в России безуспешно пытается пригласить его в Москву. До этого, в результате усилий о. Опели Конституционный суд РФ постановил, что министерство юстиции не имеет права отказывать в регистрации иезуитскому Ордену в России на тех условиях, на которых он действует там с 1992 года. (*«Жечпосполита», 8 марта*)

❖ «Страны Центральной и Восточной Европы обеспокоены ростом российского экономического влияния в регионе. Российские фирмы, особенно в энергетическом секторе, располагают массой денег, а способы, какими они пользуются, делая капиталовложения за границей и заключая контракты, возбуждают подозрения. (...) Польские власти беспокоит также деятельность посредников, работающих на русских в нефтяной промышленности. Две потенциальные опасности — это возможность приобретать влияние с помощью подкупа политиков и чиновников и блокирование уси-

лий, направленных на умножение поставок энергии из разных источников. (...) В настоящее время Польша импортирует 80% необходимого ей газа из России». (*«Жечпосполита»*, 20 февраля, по данным британского журнала *«Экономист»*, 17-23 февраля)

❖ В Варшаве побывал глава «Газпрома» Рем Вяхирев. В переговорах с заместителем премьер-министра Польши Янушем Штейнхофом была достигнута договоренность о том, что Польша получит возможность влияния на польский отрезок Ямальского газопровода. В Варшаве состоялась также конференция «Газ для Европы». Представители правительств и газовых фирм обсуждали проект удвоения экспорта российского газа на запад и юг континента. (*«Тыгодник повшехный»*, 4 марта)

❖ «Союз демократических левых сил требует, чтобы Верховная контрольная палата проверила, справедливо ли правительство стремится организовать поставки газа из Норвегии. (...) Политика одного правительства за другим привела к тому, что Польша целиком зависит от поставок российского газа. (...) правительство Бузека старается изменить это положение и ведет переговоры о поставках газа из иных источников, чем российские, и о пересмотре договора с Россией. (...) Это обеспокоило СЛДС». (*«Газета wyborча»*, 3-4 марта)

❖ Как показал опрос, проведенный Центром исследования общественного мнения 2-5 марта, если бы парламентские выборы проходили в марте, 44% избирателей отдали бы голоса коалиции СЛДС с «Унией труда», 12% — «Гражданской платформе», 9% — Избирательному действию «Солидарность» (ИДС), 7% — ПСЛ (крестьянской партии), 6% — «Унии свободы». (*«Жечпосполита»*, 10-11 марта)

❖ Григорий Явлинский сказал в интервью: «Наше руководство непредсказуемо. Все возможно. Будьте готовы ко всему». (*«Впрост»*, 25 февраля)

❖ «Если бы оказалось, что во имя сохранения власти (...) Кучма готов идти на уступки России — например, в вопросе передачи российским фирмам украинских газопроводов, что усилило бы влияние РФ на Украине, — это стало бы в равной степени поражением как Украины, так и Польши». (*«Тыгодник повшехный»*, 25 февраля)

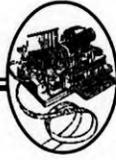
❖ По мнению Станислава Лема, «на востоке все отчетливей заметно возвращение имперского ваньки-встаньки. Видны усилия Путина консолидировать всех прежних советских клиентов: Ирак, другие арабские страны, Кубу и т.д. (...) Мы даже не локальная держава; Польша — всего лишь пешка на шахматной доске. Поэтому у нас нет большого выбора: мы не должны ни дразнить Россию, ни отмежевываться от Украины. (...) Мы должны заниматься тем, что называется балансированием на грани». (*«Тыгодник повшехный»*, 22 марта)

❖ Апелляционный суд в Белостоке утвердил приговор окружного суда в Сувалках, подтверждающий право трех крестьян из деревни Росохатый Рог на ловлю рыбы в озере Вигры на территории Вигерского заповедника. Правом рыбной ловли в этом озере наделил жителей деревни царь Александр II в 1869 г., а Польша — правовое государство и чтит непрерывность правовых актов. Так обосновал свое постановление суд. (*«Жечпосполита»*, 16 февраля)

❖ 11 марта литовское меньшинство в Польше праздновало годовщину восстановления независимости Литвы (1990). Во всех школах с литовским языком обучения прошли юбилейные торжества. По данным организаций литовского меньшинства в Польше, в стране живут 20-25 тыс. литовцев. (*«Жечпосполита»*, 16 февраля)

❖ Бывший немецкий военный, присвоивший во время II Мировой войны картину Ежи Коссака «Отступление наполеоновской армии от Москвы», вернул ее польскому посольству в Берлине. Картина уже находится в краковском Национальном музее. (*«Газета wyborча»*, 7 марта)

❖ Делегация жителей немецкой деревни Грудерсби нашла в Польше Генрика Барона, во время войны вывезенного на принудительные работы в Германию и работавшего на молокозаводе этой деревни в 1944 году. Ингрид Келлер и Плациц Гюстнер вручили Генрику Барану 2 тыс. марок, собранные всеми сорока семьями этой деревни по собственной инициативе. Жители деревни призвали всех немцев следовать их примеру, раз их правительство и промышленность тянут с выплатой компенсаций за рабский труд. (*«Газета wyborча»*, 12 марта)

❖ Гданьское отделение Института национальной памяти начало расследование по делу о приблизительно ста убийствах заключенных-немцев, совершенных польской милицией в 1945 г. в Александрове-Куявском. Такие убийства происходили и в других местах бывшего Нешавского повята. (*«Жечпосполита»*, 21 февраля)

❖ Институт национальной памяти начал выдавать анкеты лицам, желающим ознакомиться с досье, которые вели на них спецслужбы ПНР. Доступ к досье они получают не раньше, чем через полгода. (*«Тыгодник повсехний»*, 18 февраля)

❖ Все еще продолжают споры вокруг книги Яна Томаша Гросса «Соседи», которая спустя 60 лет извлекла из забвения зверское уничтожение во время войны (4 июля 1941 г.) еврейского населения городка Едвабне. Неопровержим факт, что стариков и детей, мужчин и женщин в Едвабне с невероятной жестокостью убивали поляки. (*«Новая Польша»*, 3(18) 2001)

❖ Президент Института национальной памяти Леон Керес, побывав в нью-йоркском музее Катастрофы еврейского народа, сказал: «Я хочу выразить горечь в связи с тем, что у меня на родине творились такие подлые дела. В Едвабне евреи погибли от рук поляков». (*«Тыгодник повсехний»*, 25 февраля)

❖ Примас Польши кардинал Юзеф Глемп: «Сожжение живьем еврейского населения, насильно согнанного поляками в овин (в Едвабне - ред. „НП“), неопровержимо. (...) В высшей степени желательно, чтобы мы как Церковь вместе с приверженцами иудейского вероисповедания просили у Бога прощения за грехи против истины, явленной в Библии. Прося у Бога прощения, мы должны также благодарить его за «праведников» — тех людей из обоих народов, которые, не колеблясь, приносили жертвы во имя справедливости, причитающейся каждому человеку». (*«Газета выборча»*, 5 марта)

❖ В специальном заявлении премьер-министра Бузeka говорится: «Убийство в Едвабне не было совершено ни от имени польского народа, ни от имени польского государства. Польша была тогда оккупированной страной. Однако, если мы имеем право гордиться теми поляками, которые,

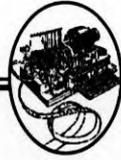
рискуя собственной жизнью, а иногда и погибая, спасали евреев, то нам следует также признать вину тех, кто принимал участие в их уничтожении». (*«Газета выборча»*, 7 марта)

❖ 120-страничная книга Яна Томаша Гросса «Соседи. История уничтожения еврейского местечка» о массовом убийстве в Едвабне вызвала цепную реакцию. «Соседи» вышли в мае прошлого года тиражом всего в две тысячи экземпляров. До 1 марта нынешнего года в польской печати появилось 150 откликов на эту книгу. Свыше половины из них — письма читателей. Общий тираж газет и журналов с публикациями о едвабненском деле составил более 50 млн. экземпляров. Сколько упоминаний о нем пришлось на долю телезрителей и радиослушателей, даже не сосчитать. Все десять важнейших польских порталов Интернета дали возможность бесплатно прочитать книгу Гросса и откликнуться на нее. Возникло несколько сот дискуссионных групп и чат-румов, посвященных едвабненскому делу. Оно стало своеобразным тестом, показывающим, что существуют две Польши, два типа польской души, две формы польской совести. (*«Впрост»*, 18 марта)

❖ Примас Польши кардинал Глемп не собирается поехать в Едвабне 10 июля, в 60-ю годовщину истребления тамошних евреев. По его мнению, истребление евреев поляками в Едвабне было локальным делом. (*«Газета выборча»*, 28 февраля)

❖ Митрополит Люблинский архиепископ Юзеф Житинский сказал о едвабненском деле: «Безумием было бы предполагать, что могут существовать какие-то оправдания массовому сожжению людей в овинах. (...) Смерть невинных людей нельзя низвести до ранга эпизода. Сегодня нам нужно молиться за жертв этого убийства, проявляя солидарность духа, которой нам не достало в час их расставания с землей отцов, на которой они жили». (*«Жечпосполита»*, 6 марта)

❖ Президент Александр Квасневский объявил, что 10 июля, в 60-ю годовщину уничтожения евреев в Едвабне, поляки попросят прощения за это злодеяние: «Это дело заставляет нас с горечью обратиться к собственной совести. Это был геноцид, совершенный поляками по отношению к их еврейским соседям. Поэтому сегодня следует поклониться и просить прощения. Я надеюсь, что

после такого акта поляки станут лучше». (*«Жечпосполита», 3-4 марта*)

❖ По опросам ЦИОМа, самые популярные польские политики — президент Квасневский (ему доверяют 78% поляков), министр юстиции Лех Качинский (67%), Яцек Куронь (65%), Анджей Олевский, лидер «Гражданской платформы» (56%), Ярослав Калиновский, лидер ПСЛ (54%). Доверие к Брониславу Геремеку, председателю «Унии свободы», за месяц упало с 50 до 39%. (*«Тыгодник повсехный», 3 марта*)

❖ Министр юстиции Лех Качинский нарушил много негласных надпартийных сговоров и интесов. Ударил он и по польской мафии — системе, мозгом которой были бывшие офицеры спецслужб ПНР; в следующем за ними ряду стояли шантажируемые или купленные ими политики, чиновники, сотрудники полиции и органов правосудия, а третью линию занимали темные фигуры, в короткое время ставшие предпринимателями, парламентариями, чиновниками. В Центральном следственном бюро говорят, что среди наемных убийц появился «заказ» на «высокого чиновника органов правосудия». Многое указывает на то, что речь идет о министре Качинском. (*«Впрост», 11 марта*)

❖ Обвинение в коррупции предъявила окружная прокуратура в Варшаве депутату Избирательной акции «Солидарности» Казимежу Познаньскому. Прокуратура обратилась к министру юстиции с предложением внести в Сейм запрос о лишении депутата парламентской неприкосновенности. После того, как министр обещал это сделать, депутат сам отказался от иммунитета. (*«Газета выборов», 28 февраля*)

❖ Варшавская прокуратура возбудила следствие в отношении чиновников канцелярии бывшего президента Леха Валенсы, подозреваемых в получении взятки за помилование преступника. (*«Тыгодник повсехный», 25 февраля*)

❖ В Польше насчитывается около 8 тыс. судей. В дисциплинарный суд было подано 110 предложений о рассмотрении дисциплинарных дел судей. 52 из них уже рассмотрены: 17 судьям назначены дисциплинарные наказания, трое уволены, а по делам пятерых дисциплинарный суд дал разреше-

ние привлечь их к уголовной ответственности. (*«Жечпосполита», 5 марта*)

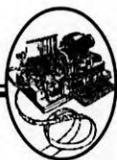
❖ К судам и судьям с доверием относится лишь пятая часть граждан, причем доверие это постоянно падает — примерно на один процент за квартал. Хуже рейтинг только у правительства, Сейма, Сената, органов здравоохранения и сборной Польши по футболу. (*«Впрост», 11 марта*)

❖ «В последнем докладе Всемирного банка на тему Польши судьбы названы одной из групп, особенно податливых на коррупцию. (...) После падения ПНР судьбы не подверглись верификации. Нынешнее положение показывает, сколь наивно было ожидать естественного самоочищения этой среды». (Бронислав Вильдитейн, *«Жечпосполита», 20 февраля*)

❖ В докладе, посвященном соответствию Польши требованиям ЕС в области внутренних дел и правосудия, Европейская комиссия констатировала, что размах коррупции, организованной преступности и отмыwania грязных денег ставит под вопрос введение в Польше принципов общего рынка. Комиссия считает необходимым повышение затрат на полицию. (*«Жечпосполита», 21 февраля*)

❖ Ежедневно бандиты угощают в Польше свыше 200 автомобилей. Полиция находит не более трети угнанных машин. 80% угонов совершаются по заказу, чтобы получить от владельца выкуп или разобрать машину на части. Каждый пятый угон из тех, о которых сообщают полиции, оказывается результатом сговора между владельцем машины и угонщиками, чтобы получить страховку. Угонщики все чаще применяют насилие: при нападении можно потерять не только машину, но и здоровье, и даже жизнь. Чаще всего угощают «Мерседесы», БМВ, «Фольксвагены», «Форды», «Опели», а также большие джипы-вездеходы и машины класса «С». (*«Впрост», 25 февраля*)

❖ В 1990 г. в Польше было совершено три налета на банки, в 2000-м — 91. В 2001 г. произошел самый кровавый налет: налетчики застрелили трех кассиров и охранника. (*«Жечпосполита», 5 марта*)

❖ По данным Главного статистического управления, в январе 2001 г. безработица в Польше достигла 15,7%. Свыше 2,8 млн. поляков не имеют работы, большинство из них уже потеряли право на пособие по безработице. Самую большую группу составляет молодежь: треть безработных — младше 24 лет. 44% безработных (1,2 млн.) живет в сельской местности; 70% составляют лица без среднего образования. («Жечпосполита», 21 февраля)

❖ Ежедневно миллион поляков проезжает несколько десятков, а то и сотен километров, чтобы добраться до своего рабочего места. Во времена ПНР так ездили в основном рабочие крупных заводов и комбинатов — они и низшие чиновники составляли тогда 80% лиц, приезжавших на работу издалека. В настоящее время свыше 50% составляюткоквалифицированные специалисты. По данным ЦИОМа, поляки из года в год проявляют все большую мобильность. («Впрост», 4 марта)

❖ Сейм сократил рабочую неделю до 41 часа с 2002 г. и до 40 часов — с 2003-го. («Тыгодник повсехный», 11 марта)

❖ Профсоюзы добиваются все новых нагрузок на предпринимателей, и это им по-прежнему удастся, хотя их члены составляют менее одной шестой от общего числа занятых во всем народном хозяйстве. В частных компаниях с государственным участием члены профсоюза составляют меньше одной десятой, а в частных фирмах их численность не превышает 2%. Однако если в 1990 г. в Польше прошло 250 забастовок, то в 1999-м — 920. Профсоюзы обладают властью, несоизмеримой с их реальным весом. («Впрост», 11 марта)

❖ Министр финансов Ежи Бауц: «У поляков слишком высокие зарплаты. Наши южные соседи зарабатывают меньше, хотя их ВВП выше нашего. (...) Членство в Европейском союзе означает свободное передвижение материальных благ, капиталов, людей, технологии. Наши фирмы столкнутся с конкуренцией, какой они до сих пор не знали. Если мы не хотим, чтобы это кончилось рецессией и безработицей, то уже сегодня надо сосредоточиться на повышении конкурентоспособности наших фирм». («Газета wyborча», 10-11 марта)

❖ Как показала проверка, проведенная Государственной трудовой инспекцией в 58 из 211 действующих в Польше супермаркетов, их работники не получают отпусков и положенных выходных, им не оплачивают сверхурочных. («Жечпосполита», 22 февраля)

❖ Анджей Олеховский, лидер «Гражданской платформы»: «Окончив школу, молодой человек готов пойти на работу к кому-нибудь, однако, не готов создать пусть скромное, но свое предприятие. Он изучает биологию, географию, профессиональные дисциплины, но не учится тому, как вести бухгалтерию, правильно заполнить заявку на кредит, составить счет, изучить местный рынок». («Впрост», 25 февраля)

❖ Как вытекает из европейских обследований, проводившихся в польских школах, 26% учащихся выпивают и курят, почти пятая часть глотает транквилизаторы, а каждый десятый пробовал наркотики. («Жечпосполита», 20 февраля)

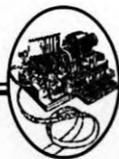
❖ По просьбам директоров школ полицейские с овчарками ищут в школах наркоманов. («Жечпосполита», 15 февраля)

❖ В Польше свыше миллиона человек зарегистрированы в диспансерах для алкоголиков, и это лишь верхушка айсберга: не все алкоголики идут в диспансеры. («Впрост», 25 февраля)

❖ Увеличился спрос на верховых лошадей и пони. В Скаршеве под Радомом началась ежегодная конская ярмарка: на продажу выставлено свыше тысячи лошадей. Цены достигают 14 тыс. злотых (около 3,5 тыс. долл. США - ред. «НП») за жеребца-производителя с лицензией. Традиция конских ярмарок в Скаршеве восходит к 1432 г., когда разрешение на них выдал король Владислав Ягайло. («Газета wyborча», 6 марта)

❖ Доцент Ромуальд Дембский из Общества развития семьи: «Бесплодие затрагивает в Польше 20% супружеских пар, а лечение могут себе позволить лишь люди состоятельные». («Жечпосполита», 16 февраля)

❖ 46% женщин и 62% мужчин в Польше испытывают трудности в половых связях. В кабинеты сексологов все чаще обращаются молодые люди с

нарушениями в половой сфере. (*«Жечпосполита», 26 февраля*)

❖ По данным социолога проф. Яцека Курчевского, в 1988 г. 48% поляков признавали право загораживать голышом на общих пляжах; в 2001-м их число возросло до 60%.

❖ По данным доклада «Польша и постановления климатической конвенции», подготовленного Институтом экоразвития, польское правительство не интересуется проблематикой охраны климата, а предприятия не стараются уменьшать выброс газов, дающих «парниковый эффект». (*«Жечпосполита», 22 февраля*)

❖ Известный польский актер Петр Фрончевский рассказывает по телефону о дурном обращении с животными. По этому номеру звонили уже более 10 тыс. человек, благодаря чему было собрано 70 тыс. зл. на помощь животным. Общество опеки над животными считает, что в Польше ежегодно происходит до 3 млн. случаев мучительства животных. Из-за недостатка средств в 1999 г. Общество смогло помочь лишь в 7 тыс. случаев. В 2000 г. это число возросло до 10 тысяч. Сбор денег на помощь страдающим животным при помощи платного телефона продолжается. (*«Жечпосполита», 23 февраля*)

❖ Как сообщил Збигнев Вейцман из Объединения-центра волонтерства, в 2001 г. общее число волонтеров в Польше превысило три миллиона человек, т.е. составило около 10% общества. Волонтеры действуют в рамках 40-50 тыс. неправительственных организаций. (*«Тыгодник повсехний», 4 марта*)

❖ На острове посреди Вислы полицейские нашли привязанную к кустам собаку и успели ее спасти, прежде чем остров залило наводнение. «Мы не хотим отдавать собаку в убежище. Если никто из читателей „Газеты“ не захочет ее взять, то ее возьмет к себе один из наших коллег», — сказал дежурный из речного отделения полиции в Варшаве. (*«Газета выборча», 13 февраля*)

❖ «Большие споры в Польше вызывает инсталляция Катажины Козыры „Пирамида животных“, сделанная из четырех чучел: лошади, собаки, кошки и петуха. Художница неоднократно шокировала публику, в подробностях рассказывая о том, как создавалось это произведение: как усыпляли животных, как их потрошили...» (*«Газета выборча», 13 февраля*)

❖ По опросу, проведенному Национальной библиотекой, 46% поляков не читают, а 59% — не покупают книг. Только 5% опрошенных покупают более 20 книг в год. Чаще книги читают женщины — 57%. Самое распространенное чтение — энциклопедии, справочники, профессиональная литература, составляющие в общей сложности 26%. На втором месте чтение по школьной программе — 19%. Далее следуют: остросюжетная литература — 14%, романы — 12%, книги для детей и молодежи — 11%. (*«Жечпосполита», 13 февраля*)

❖ Скончавшийся недавно Эдмунд Нойштейн, владелец знаменитого польского книжного магазина в Тель-Авиве, в интервью, данном незадолго до смерти, сказал, что «мир в общем делится на две части — на людей, которых тянет к книге, и на тех, кого книга не интересует. Мне повезло: я всю жизнь встречался с первой, лучшей частью». (*«Газета выборча», 13 февраля*)

Гжегож Пшебинда

В ПОИСКАХ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Опубликованная в Москве на пороге XXI века толстая книга научных статей и публицистических очерков «Русская интеллигенция. История и судьба» («Наука», 1999) затрагивает почти все вековечные вопросы, о которых на протяжении XIX и XX столетий беседовали «русские мальчики» очередных поколений и всевозможных идеологических направлений. Следовательно, в этой современной аналитической книге о русской интеллигенции говорится и о социализме, и об анархизме, и об отношении России к Европе, и о «переделке всего человечества по новому штату», и даже о том, «есть ли Бог и есть ли бессмертие»... Еще одно доказательство того, что история русской культуры и философской мысли неразрывно связана с судьбой русской интеллигенции. И все-таки нельзя сложные приключения этой последней отождествлять с историей русской мысли.

Совершенно прав Ричард Пайпс, утверждая в своей книге «Россия при старом режиме», что «интеллигент — это тот, кто не поглощен целиком и полностью своим собственным благополучием, а хотя бы в равной, но предпочтительно и в большей степени печется о процветании всего общества и готов в меру своих сил потрудиться на его благо. По условиям такого определения, образовательный уровень и классовое положение играют подчиненную роль. Хотя образованный и обеспеченный человек, естественно, лучше может разобраться в том, что же не так в его стране, и поступать сообразно с этим, совсем не обязательно, что ему придет охота это сделать. В то же самое время простой полуграмотный рабочий человек, пытающийся разобраться в том, как действует его общество, и трудящийся на его благо, вполне отвечает определению интеллигента. Именно в этом смысле в конце XIX в. в России говорили о «рабочей интеллигенции» и даже о «крестьянской интеллигенции»».

Пайпс пишет и еще об одной отличительной черте русской интеллигенции у истоков ее возникновения, т.е. сразу после смерти Петра I: «На всем протяжении русской истории „группы интересов“ боролись с другими «группами интересов» и никогда с государством. Стремление к переменам должно было вдохновляться не личным интересом какой-то группы, а более просвещенными, дальновидными и великодушными мотивами, такими, как чувство патриотизма, справедливости и самоуважения».

ДВЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В XIX ВЕКЕ

Формулируя свою дефиницию, Пайпс полемизирует, на мой взгляд очень убедительно, с двумя определениями интеллигенции — **широким** и **узким**, — существующими в России примерно со второй половины XIX века. В **широком** смысле «интеллигенцией» называют тех, кого французы нарекают «les notables». Пример такого понимания дает И.С.Тургенев в «Странной истории» (1869): герой рассказа, приехавший по долгу службы в провинциальный город, слышит из уст местного помещика, что на предстоящем в дворянском собрании большом балу можно будет увидеть «всю нашу интеллигенцию», т.е. и городского врача, и учителя... Такая **широкая** дефиниция интеллигенции постепенно вышла из употребления в царской России, чтобы вновь воскреснуть в Советском Союзе. Коммунистический режим не мог согласиться с существованием интеллигенции как отдельной социальной категории, поскольку это не укладывалось бы в «марксистскую классовую схему»; с другой стороны, новый режим не мог и выкинуть этого понятия из русской речи и традиции. Поэтому в новой действительности термином «интеллигенция» начинают определять категорию «образованных профессионалов» (в Европе — «белые воротнички»). Здесь Пайпс резонно констатирует: «В силу такого определения председатель КГБ и академик Сахаров оба являются представителями советской интеллигенции».

Традиция узкого понимания слова «интеллигенция» имеет свои корни в 70-х годах XIX века, когда этот термин, до тех пор обладавший свойствами объективно-описательного характера, принял черты субъективно-нормативные. В 1870-х на русской почве появилась сильная группа молодых людей — атеистов, социальных и политических радикалов, «критически мыслящих личностей» и террористов, — которые начинают утверждать, что право носить титул «интеллигента» принадлежит им и только им.

Именно этот **узкий** термин «интеллигенция» использовали почти все авторы сборника «Вехи» (1909), предостерегая перед последствиями умственного творчества и практической деятельности русских атеистов, материалистов и радикалов второй половины XIX века. В сборнике «Вехи» наиболее характерна статья П.Б.Струве «Интеллигенция и революция», отвергающего все другие определения «интеллигенции», кроме узкого: и вышеупомянутое тургеневское («публика, бывающая на балах в дворянском собрании»), и «интеллигенцию как образованный класс», т.е. людей умственного труда (intellectuals): «В этом смысле интеллигенция существует в России давно, ничего особенного не представляет и никакой казаческой миссии не осуществляет». Для Струве «интеллигенция» — это категория политическая, начавшая существовать в русской жизни в эпоху реформ Александра II и окончательно проявившая себя в революции 1905-1907 гг. Идеальная форма ее существования, по мнению Струве, — «безрелигиозное отщепенство от государства». В таком случае интересно было бы узнать у автора, кто на русской почве является «интеллигентом», кто только носит модный «интеллигентский мундир», а кто никогда в России интеллигентом не был и стать им не может. «Великие писатели, — пишет Струве, — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Чехов не носят интеллигентского лика»; «Владимир Соловьев вовсе не интеллигент»; «Даже Герцен, несмотря на свой социализм и атеизм, вечно борется в себе с интеллигентским ликом»; «Толстой стоит вне русской интеллигенции»; «Салтыков вовсе не интеллигент», точно так же, как и все представители русского либерализма, которые только «считают своим долгом носить мундир русского интеллигента». И вот, наконец, умозаключение Струве: «Восприятие русскими передовыми умами западноевропейского атеистического социализма — вот духовное рождение русской интеллигенции в очерченном нами смысле. Таким первым русским интеллигентом был Бакунин (...). Достаточно сопоставить Новикова, Радищева и Чаадаева с Бакуниным и Чернышевским для того, чтобы понять, какая идейная пропасть отделяет светочей русского образованного класса от светочей русской интеллигенции. Новиков, Радищев, Чаадаев — это воистину Богом упоенные люди, тогда как атеизм в глубочайшем философском смысле есть подлинная духовная стихия, которою живут и Бакунин в его окончательной роли, и Чернышевский с начала и до конца его деятельности».

Струве в своем узком понимании русской интеллигенции формально идет по следам тех, кого он так сильно критикует: здесь меняется только аксиология, а не содержание понятия. Что у революционеров-народников и революционеров-социалистов было «единственно хорошим и желанным», у Струве делается «самым дрянным». Однако список представителей интеллигенции остается и у Бакунина, и у Струве один и тот же: сюда включаются Чернышевский, Михайловский, Лавров, Ткачев и даже Нечаев, а бесповоротно исключены Чаадаев, Достоевский, Владимир Соловьев и Лев Толстой...

Этому воистину «партийному мнению» противоречат, однако, многие другие высказывания авторов «Вех». Джованна Калевич Креацца в своей книге ««Вехи» и проблема русской интеллигенции» (М., «Континент», 1993) остроумно замечает, что Петр Струве, Николай Бердяев, Семен Франк, Сергей Булгаков, Александр Изгоев, когда они прогнозируют *будущее интеллигенции в России*, начинают частично противоречить сами себе: «...авторы «Вех», — пишет Креацца, — рассчитывают на духовное перерождение и перевооружение той русской интеллигенции, к которой обращена их жестокая критика. ...в этом и состоял смысл их проповеди и обращения — они и сами ведь еще вчера только были плоть от плоти и кровь от крови ее». Бердяев пишет, что на русскую авансцену должна выйти сейчас «интеллигенция с новой душой», а Булгаков убежден, что после своего духовного перерождения может возникнуть «церковная интеллигенция, которая подлинное христианство соединит с просвещением и ясным пониманием культурных и исторических задач». Тем временем Франк, говоря о потребности перехода от «противокультурного нигилистического морализма» к «созидающему культуру религиозному гуманизму», выражает желание, чтобы на смену существующей пришла «новая интеллиген-

ция», религиозная и европейская, отвергающая насилие и революцию. Из статьи Бердяева «Философская истина и интеллигентская правда» явно вытекает, что родоначальниками этой «новой интеллигенции» — а к ней надо присоединить и самих авторов «Вех», которые прошли путь от марксизма к идеализму, а потом еще и к «неохристианству», — надо считать Петра Чаадаева, Владимира Соловьева, Бориса Чичерина, кн. Сергея Трубецкого, Николая Лосского. Все они почитаются как «религиозные западники», т.е. мыслители, которые пытались найти общий путь для России и Европы на основе союза веры с разумом, христианства с гуманизмом, Афин и Рима с Иерусалимом, Киева и Москвы с Варшавой, Краковом, Прагой, Берлином и Парижем...

ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ?

Самой интересной из теоретических статей московского сборника можно считать текст И.В.Кондакова «К феноменологии русской интеллигенции». Автор описывает здесь несколько способов толкования термина «интеллигенция», прижившихся в русской традиции. О первом понимании, узком, т.е. революционно-атеистическом, мы уже говорили в связи с русским народничеством, социал-демократией и сборником «Вехи». Вторая традиция ищет генезис русской интеллигенции в екатерининском XVIII веке и связывает его с тогдашним вольномыслием («вольтерьянство» и масонство), культурным европеизмом, развитием просвещения и специализированных форм культуры. Здесь родоначальниками русской интеллигенции оказываются Радищев и Новиков. Третья традиция связывает ее истоки с временами петровских реформ и личностью самого Петра, который, следовательно, считается «первым русским интеллигентом». Четвертая — начинает свои поиски чуть ли не с «призвания варягов» и «потопления Перуна» и находит корни интеллигенции в истории Древней Руси: по Георгию Федотову, первые «русские интеллигенты» — это православные священники, монахи и книжники Киевской и Московской Руси.

Чтобы не заблудиться в этой многослойной классификации, надо снова обратиться за помощью к Ричарду Пайпсу, который в книге «Россия при старом режиме», прежде чем адекватно определить содержание понятия «интеллигент» («человек, приверженный общественному благу»), сумел еще установить его объем и генезис. Все началось отнюдь не с Древней Руси, даже не с Нила Сорского, не с Максима Грека, не с князя Андрея Курбского, не с Ивана Хворостинина (жившего в начале XVII века и хранившего в своей библиотеке латинские книги, царя называвшего деспотом и, как пишет С.М.Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен», приставшего «к польским и литовским попам и полякам») и не с первого великого «русского протестанта», протопопа Аввакума...

Интеллигенция зарождается в России лишь после смерти Петра I вследствие облегчения государственной службы дворян. Именно тогда и складывается «праздный класс» (leisure class), т.е. элита дворянства, которая находит все больше времени для умственных и духовных занятий. Следующей вехой на этом пути был изданный в 1762 г. «Манифест о вольности дворянской» Петра III, уже вполне освобождающий дворян от государственных повинностей. В 1775 г., при Екатерине II, появляется в русском переводе первый том основного произведения Монтескье «О духе законов», где говорится о принципе разделения властей и «необходимости тесного сотрудничества между короной и знатью». Дух западных сочинений, Монтескье и Беккариа, сильно чувствовался в известном «Наказе» Екатерины II и в работах созданной ею в 1767 г. Комиссии для сочинения проекта нового уложения (конституции). Так видит и описывает Пайпс — и трудно с ним не согласиться — исторические причины возникновения русской интеллигенции.

И все-таки в его заключении о том, что «всемогущее русское государство сумело создать даже свою противодействующую силу» (интеллигенцию), не хватает одного очень существенного момента. Ведь интеллигенция оказывается истинно русским явлением не только потому, что императоры XVIII века решили «раскрепостить дворянство», но еще и потому, что они в то же самое время закрепили крестьянство. Петербургский период русской истории характеризуется быстрой европеизацией дворянства и еще более молниеносной «азиатизацией» (порабощением) крестьянства. Первые русские интеллигенты из дворян, Новиков и Радищев, будут очень серьезно заниматься именно крестьянской

проблемой, точно так же, как и самые умные среди декабристов — Николай Тургенев и Никита Муравьев. Если уж искать истоков большевистского переворота в XVIII веке, то среди главных его причин надо видеть не европеизацию страны Петром Великим, не влияние западных идей, пришедших в Россию через Петербург («окно в Европу»), а роковое затягивание решения крестьянского вопроса... Вот широкое поле деятельности для всей интеллигенции — славянофилов и западников, левых и правых, либералов, революционных и христианских демократов, нигилистов, социалистов, народников, марксистов и большевиков.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СОВЕТСКАЯ И АНТИСОВЕТСКАЯ

Описанная И.В.Кондаковым очередная традиция трактовки интеллигенции в России возникла постепенно, вместе с развитием и приходом к власти русского марксизма, или, точнее говоря, его большевистского варианта. Автор подчеркивает, что на первом этапе революции большевизм впитал в себя идеологию В.К.Махайского, автора антиинтеллигентской работы «Социалистическая наука как новая религия» (1905-1906). В «махаевщине» интеллигенция объявлена классом враждебным и паразитическим, в то время как основой народной революции сочтены «деклассированные элементы», «люмпен-пролетариат», всякого рода босяки и хулиганы... Как иначе, если не актом «большевистской махаевщины», можно назвать изгнание из Советской России мыслителей и литераторов на «философском пароходе» (1922) или показательные процессы «буржуазных спецов»? Но в большевизме течет и другая струя отношения к интеллигенции — великая мечта о создании нового, пролетарского ее варианта. В теории «пролетарской культуры» А.В.Луначарского и в «тектологии» А.А.Богданова утверждается, что новую советскую интеллигенцию надо строить по классовым принципам... Интеллигенция как служанка революции...

И вот примечательный вывод Кондакова: «Ирония истории состояла в том, что искусственно выращиваемая «советская интеллигенция» во многом воспроизводила основные черты дореволюционной русской интеллигенции: рефлексирование культурных ценностей и смыслов само по себе способствовало формированию интеллигенции как (...) общности людей культуры (...) В то же время интеллигенция несла в себе огромный потенциал духовного противостояния тоталитаризму. (...) Страшное испытание ГУЛАГом, выпавшее на долю русской интеллигенции в эпоху сталинского тоталитаризма, предельно сблизило опыт «простого народа» и интеллигенции, привело к уникальному в мировой истории «слиянию опыта» верхнего и нижнего слоев общества. Не случайно потрясение этим опытом породило в среде русской интеллигенции двух великих протестантов, своей деятельностью приблизивших конец тоталитаризма во всем мире и обусловивших крах русского коммунизма, — Солженицына и Сахарова».

Этого героического момента, конечно, недостаточно для полного описания истории интеллигенции в СССР. Как заметил философ-диссидент 60-70-х годов В.Ф.Кормер, в ее среде существовал также довольно стойкий принцип «двойного сознания». Советский интеллигент новой эпохи заигрывал с властью, избегая при этом прямого участия в зле, что особенно ярко проявилось после хрущевской оттепели у «шестидесятников», мечтавших о «социализме с человеческим лицом» (здесь, может быть, лучший пример — личность Ю.В.Трифонов), и в брежневское время.

Следующий вопрос сборника «Русская интеллигенция. История и судьба» — это проблема так называемой «образованщины», затронутая в перепечатанном здесь одноименном классическом тексте Солженицына. Нужно сразу же отвергнуть популярный и довольно простодушный тезис, согласно которому «советская образованщина» — это детище русской революционной интеллигенции XIX века. Ничего подобного! Уже к 1953 г. в СССР давно вымерли, если не погибли в сталинских лагерях, все дети, пасынки и даже внуки русской революционной интеллигенции XIX века. Солженицын не раз доказывает, что в этическом и культурном смысле современная «образованщина» в массе своей намного ниже интеллигенции — даже в узком смысле — XIX века. «Образованщина» — это даже не интеллигенция («под этим словом, — писал Солженицын в 1974 г., — понимается в нашей стране теперь весь образованный слой, все, кто получил образование выше семи классов школы»), а служебно-чиновный класс. Численное умножение «интеллигенции» в советское время — это, не только по Солженицыну, ее «растворение и смыкание с бюрократией».

В этом контексте внимания и солидной полемики заслуживает текст К.В.Соколова «Мифы об интеллигенции и историческая реальность», который не принимает дефиниции интеллигента, данной Пайпсом, а заодно отвергает и «формулу Лихачева», звучащую следующим образом: «...интеллигенты — это не просто люди, занятые умственным трудом, имеющие знания или даже просто высшее образование, а воспитанные на основе своих знаний классической культуры, исполненные духа терпимости к чужим ценностям, уважения к другим. Это люди мягкие и ответственные за свои поступки, что иногда принимается за нерешительность. Интеллигента можно узнать по отсутствию в нем агрессивности, подозрительности, комплекса собственной неполноценности, по мягкости поведения». Все это, по мнению Соколова, только нереальные мифы, созданные самой интеллигенцией для собственной выгоды. Автор утверждает, что предметом трудов русской интеллигенции всегда была забота о победе такой «картины мира», которая могла бы привести ее к участию во власти: «Как только власть принимает сторону одной из борющихся групп «интеллигентов-экспертов» с ее картиной мира, конкурирующие картины мира ликвидируются властью-государством». А это всегда делается — как утверждает Соколов, ссылаясь на известное утверждение Чехова, что притеснители интеллигенции выходили из ее же недр, — руками самой интеллигенции.

Конечно, всякое бывало в истории русской интеллигенции... Ломоносов донес на историка Миллера, который усомнился в факте пребывания в России апостола Андрея, будто бы он «оскорбил императора Петра, учредившего орден Андрея Первозванного». Белинский писал несправедливые слова о Тарасе Шевченко, Мережковский уговаривал Муссолини начать всемирную борьбу с коммунизмом, коллеги-писатели с большим успехом травили Пастернака и Солженицына, во время обстрела Ельциным Верховного совета большинство русской интеллигенции (даже Окуджава!) поддержало кровавую акцию... Да и теперь «народные писатели» организуют свои съезды в Чечне, чтобы «спасти страну»... Все это было, и долго еще будет... Можно ли, однако, говорить, что это есть суть русской интеллигенции, что Соколов сформулировал здесь единственную истину, а остальные определения — лишь мифы?... Где тогда Солженицын, где Сахаров, где Надежда Мандельштам, где Буковский, где Шаламов, где рабочий интеллигент Марченко, где Галансков и Даниэль? Где Аверинцев, Гаспаров (автор предисловия к сборнику), Лотман и Топоров? А где цвет русской интеллигенции в изгнании: Берберова, Максимов, Синявский, Бродский, Струве, Горбаневская, Галич, Гинзбург, Иловайская-Альберти?

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА...

Редакция сборника приглашает своих читателей прислушаться к полифонии мнений авторов: Ю.С.Степанова, В.М.Петрова, В.В.Кожина, Б.Ф.Егорова, Т.В.Романовской, Т.К.Шах-Азизовой, И.Л.Вишневской, Н.И.Балашова, Р.М.Байбуровой, Н.П.Матхановой, В.С.Жидкова, В.Н.Дмитриевского, Г.С.Кнабе, В.К.Кантора, В.Б.Катаева, Н.М.Зоркой, М.А.Ульянова, — «отражающих взгляд русской интеллигенции конца XX в. на саму себя». Некоторые авторы утверждают, что интеллигенция в новой России скоро вымрет или сделается «классом интеллектуалов», зарабатывающих на хлеб насущный умственным трудом. О том же самом может частично свидетельствовать факт, что многие тексты сборника подготовлены в рамках научных проектов, финансируемых различными фондами.

Однако на самом видном месте книги, на суперобложке, редактор решил опубликовать фрагмент из «мировоззренческого очерка» Вяч. Вс. Иванова «Интеллигенция как проводник в ноосферу»:

«Интеллигенции в том виде, как она сложилась и вопреки всем гонениям и испытаниям все еще сохраняется в России, удалось сквозь века притеснений пронести несколько простых и важных истин. К ним относятся прежде всего принципы общечеловеческой морали, одинаково чуждые циничным политикам и дельцам любой ориентации. Отличие интеллигента от лиц других групп состоит не в наборе политических убеждений и не в какой-то определенной религии или ее отрицании. Во всех этих сферах существует полная свобода выбора из многих возможностей. Но сам по себе интеллектуальный выбор и многообразие этих возможностей существуют благодаря интеллигенции».

И пусть так останется...

Ежи Стемповский

ПОЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЕЕ СУДЬБЫ В 1914–1939 ГГ.

Ежи Стемповский

Пишущий о польской интеллигенции сразу же сталкивается с определенными методологическими трудностями. Действительно, с 1914 года не только сам предмет наших размышлений испытал столь значительные трансформации, что мы не уверены, что говорим об одном и том же явлении, [но] даже термины, используемые для его обозначения, весьма существенно изменились. Поэтому правильнее всего будет, если мы попытаемся представить ситуацию польской интеллигенции в 1914 году, а затем рассмотрим последовательные изменения, которые принесли с собой последующие годы.

В начале XX столетия термин «интеллигенция» вошел в широкое употребление, проникнув почти во все языки. Само слово возникло в русском языке и использовалось для обозначения определенных общественных групп, характерных для стран Восточной и Центральной Европы. Во французском или английском языке слово «intelligentsia»¹ употребляется обычно в кавычках, зачастую с ироническим оттенком, служащим для того, чтобы подчеркнуть определенную экзотичность явления, неизвестного на Западе. В этом смысле оно относится прежде всего к явлению, возникшему в XIX

веке в России и других странах, входивших в то время в состав Российской Империи.

В условиях самодержавного строя зажиточная буржуазия, а особенно представители «свободных профессий», создали своего рода элиту, сравнительно оторванную от прочих слоев общества. Эта элита отмежевывалась от правящих кругов, в отношении которых она неизменно находилась в оппозиции, что сопровождалось даже своего рода общественным бойкотом. От народа – то есть крестьянства, рабочих и мелкого купечества – ее отделяла классовая дистанция и в еще большей степени неграмотность, характерная для огромного большинства населения. Мы использовали здесь термин «элита», чтобы подчеркнуть исключительный характер тогдашней интеллигенции. Принадлежность к этому кругу не определялась автоматически – ни уровнем доходов, ни занимаемой официальной должностью или профессиональными занятиями, ни даже наличием университетского диплома. Здесь действовали иные критерии: образование, но только в сочетании со знакомством с последними течениями в общественной и художественной жизни, чтение литературных ежемесячников, либеральные и гуманистические взгляды и, наконец, соблюдение определенного неписаного нравственного кодекса, вытекающего из этих взглядов. Алкоголик вполне мог считаться интеллигентом, но это было совершенно невозможно, например, для антисемита. В ряды интеллигенции мог быть принят без особого разбора голодающий, опустившийся человек, но за дверями оставался царский министр или генерал.

¹ М.Л.Гаспаров («Записи и выписки», М., «НЛЮ», 2000, стр. 91) раскрыл «европейское» определение слова «intelligentsia» как «слой общества, воспитанный в расчете на участие в управлении обществом, но за отсутствием вакансий, оставшийся со своим образованием не у дел», что объясняет его оппозиционность существующей власти. – Пер.

Свою весомую роль тогдашняя интеллигенция могла играть в первую очередь благодаря многочисленности и материальной независимости. Так, например, интеллигенция при помощи своих собственных средств, не прибегая к помощи банков или крупной промышленности, материально содержала значительную часть ежедневной и периодической печати, которая стояла на чрезвычайно высоком моральном и литературном уровне. Исключительным детищем интеллигенции была вся художественная литература, которая в славянских странах имела значительно большее влияние на формирование общественного мнения, чем в старых странах Запада. В кругах интеллигенции почти целиком сосредотачивалась интеллектуальная и художественная жизнь. Прежняя интеллигенция была главным носителем политических идей и культуры Запада, которая через ее посредство проникала в восточную часть европейского континента. Несмотря на сопротивление властей, в ее руках находилось большинство высших учебных заведений, воспитывавших новые поколения интеллигенции. Из этих предпосылок возник социальный парадокс, вызывающий обычно удивление сторонних наблюдателей: в условиях наиболее самодержавного режима в Европе зародилось и поддерживалось на протяжении нескольких поколений самое либеральное и лишенное предрассудков общество.

Несмотря на свою доминирующую роль в культурной жизни, интеллигенция на территории Российской Империи была полностью отстранена от участия в политической власти. Правительство относилось к ней, как к опасной оппозиционной стихии, которую невозможно обуздать с помощью административного аппарата. Для сторонних наблюдателей и части социалистов интеллигенция была сборищем прекраснодушных идеалистов, оторванных от жизни и неспособных сыграть какую-либо политическую роль. Эта суровая оценка прежней интеллигенции распространилась сегодня благодаря последующим событиям, в особенности же благодаря тому, что русская интеллигенция впервые получила возможность участвовать во власти в неблагоприятных условиях, в которых действовало злополучное правительство Керенского. Провал этой попытки перенести в Восточную Европу западные политические образцы, в которые так долго верила довоенная интеллигенция, имел далеко идущие последствия не только для оценки, но и для дальнейших судеб интеллигенции.

Описанные выше общие черты объединяли в довоенный период интеллигенцию русскую с польской интеллигенцией Царства Польского со столицей в Варшаве и бывших Восточных территорий Речи Посполитой. В рамках этих общих характеристик польская интеллигенция обладала несколькими особенностями, которые не остались без влияния на ее дальнейшие судьбы.

Участие в политической власти и государственной администрации для польской интеллигенции исключалось в еще большей степени, чем для русской, в связи с тем, что от

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Эссе Ежи Стемповского (1893–1969) было написано в конце 1938 года и опубликовано под заголовком «Die polnische Intelligenz gestern und heute» [«Польская интеллигенция вчера и сегодня»] в издававшемся в Чехословакии превосходном журнале «Slavische Rundschau» [«Славянское обозрение»]. Эссе было напечатано в последнем номере журнала (1–2/1939), вышедшем в свет перед самым вступлением немецких войск в Прагу. Польский текст, публикуемый здесь впервые, взят из черновой авторской рукописи, сохранившейся в довоенном архиве Стемповского в Библиотеке Варшавского университета. Он полностью соответствует тексту немецкого перевода и даже содержит мелкие замечания, предназначенные для переводчика.

Проблемы польской интеллигенции неизменно интересовали Стемповского. Он неоднократно обращался к ним в своих эссе. В тридцатые годы он написал очерк «Польская интеллигенция в условиях диктатуры» (сохранился лишь фрагмент рукописи). Эта тема часто возникала

и в его письмах. «Я размышлял об этих проблемах всю жизнь, – писал автор 15 июня 1947 г. в письме к Кристине Марек, – но не высказывался, потому что мне всегда казалось, что говорить об этом просто некому». Особое раздражение – столь редко встречающееся у Стемповского – вызвали у него статьи о польской интеллигенции Юзефа Халасинского, напечатанные в журнале «Кузница» в 1946 г. (он назвал их «симптомом болезни»), а также развернувшаяся вокруг них дискуссия. В ней, в частности, приняли участие Стефан Киселевский, Кароль В. Заводзинский, Стефан Кеневич и Ольгерд Гурка. Стемповский тогда написал пространное письмо своему отцу, Станиславу Стемповскому. Письмо произвело большое впечатление на Марию Домбровскую – она даже думала об опубликовании его в Польше.*

ЕЖИ ТИМОШЕВИЧ

* Прокоммунистический литературно-общественный еженедельник, издававшийся в Лодзи в 1945–1949 гг. – Пер.

представителей власти в лице царских губернаторов ее дополнительно отделяло национальное отличие и память о нескольких неудачных восстаниях, закончившихся жестокими репрессиями. Кроме того, на польских землях не было даже российских «земств», дававших обществу некоторое участие в местных органах хозяйственной администрации.

Довоенная польская интеллигенция несколько отличалась от русской и по своему составу. По разным причинам в период XII–XVIII вв. в Польше не сформировался многочисленный слой буржуазии. В XIX веке в польские города начали стекаться значительные массы деклассированной шляхты, бывших землевладельцев, лишившихся своих имений в результате экономических кризисов и конфискаций, массово проводившихся после каждого восстания. Потомки этих дворян все чаще искали себе занятия в среде представителей «свободных профессий» и составляли значительную, если не основную часть польской интеллигенции того периода. В связи с подобным общественным составом польской интеллигенции ее либерализм носил несколько более консервативный оттенок, нежели либерализм российский.

Иначе сложились социальные отношения в Галиции, находившейся под австрийским владычеством. Тамашняя интеллигенция не составляла элитарной группы с четко очерченными границами. Всеобщее бесплатное обучение и недорогое высшее образование привлекали в университеты значительные массы выходцев из крестьянских и даже рабочих семей. Карьера в администрации была открыта для всех: представитель любого общественного слоя мог достичь в административных учреждениях Галиции и даже в Вене практически любой должности, за исключением самых высоких постов, которые габсбургская монархия предназначала исключительно для титулованных лиц, происходящих из аристократических родов. Важнейшим центром культурной жизни был Краков, где, вокруг Академии наук и Ягеллонского университета, одного из старейших университетов Европы, при значительном участии местной аристократии, сформировалась своего рода интеллектуальная элита, задающая тон всей галицийской интеллигенции. Благодаря весьма ощутимой социальной дифференциации молодежи, выходившей из стен высших учебных заведений, и отсутствию социально-политических барьеров, галицийская интеллигенция сильно отличалась от варшавской. Она представляла собой замкнутую группу, имевшую единый «нравственный кодекс» и постоянно настроенную на критический тон по отношению к существующему общественному и политическому порядку.

В Познани, находящейся под прусским управлением, польская интеллигенция была менее многочисленной и не могла считаться особой социальной группой.

Ни в одном общественном слое военный и послевоенный период не привел к столь принципиальным изменениям, как в среде интеллигенции. 25 лет спустя не осталось почти никаких следов прежней элитарной интеллигенции, которую мы попытались описать в начале статьи. Собственно говоря, сохранились лишь все более немногочисленные ее представители, вскормленные в ее тепличной обстановке и зачастую с трудом приспособившиеся к изменившимся обстоятельствам.

Чтобы нагляднее представить происшедший переворот, рассмотрим его последовательные этапы.

Прежде всего следует рассказать, как совершилось польское «предательство клерков»² и как либеральничающие художники и ученые превратились в министров, генералов и даже высших полицейских чиновников. Определенные предпосылки этого процесса коренились уже в довоенной интеллигенции. Ее несколько пассивная склонность к исключительно духовной жизни объяснялась отнюдь не только свободным выбором жизненной позиции. Вольтеровская формула *«aimer et penser c'est la véritable vie de l'esprit»*³ была для многих лишь выражением обреченности и отказа от иных устремлений. Тогдашние политические условия вынуждали всех потенциальных государственных мужей, дипломатов и трибунов посвящать себя сочинению сонетов или историческим медитациям. Из осознания такой ситуации родился необычайный успех среди довоенной интеллигенции социальной доктрины Жоржа Сореля (1847–1922), вдохновившей как большевиков, так и фашистов. Этот успех апологета насильственных действий, который уже тогда насторожил и обеспокоил многих здравомыслящих людей, был как бы первым признаком того, что прежняя интеллигенция, из рядов которой вышло столько прославленных революционеров, не была, быть может, ни столь принципиальной в своем либерализме и гуманизме, ни столь созерцательной и мечтательной, ни столь монолитной в своих нравственных устоях, как это могло казаться со стороны. При первой же вспышке вооруженной борьбы за независимость в 1914 году значительная часть интеллигенции сразу поддавалась соблазну активных действий. В последующие годы строительство собственного государства в трудных послевоенных условиях почти полностью втянуло в себя довоенную интеллигенцию, которая сменила свою пассивную склонность к духовной жизни на вполне прагматическую жизненную позицию. Интеллигенция прежнего типа, для которой моральные и интеллектуальные проблемы являлись центральным пунктом интересов, сократилась до размеров немногочисленной, разобщенной группы людей, растерявших себя и не нашедших себе места в новой действительности. Именно этим, по-видимому, следует объяснять тот факт, что тиражи предназначенных для интеллигенции книг по-прежнему столь низки, тогда как из стен университетов ежегодно выходят тысячи и тысячи обладателей новеньких дипломов.

Социальное происхождение интеллигентов также изменилось. Уже в первые годы после окончания войны в Польше было четыре новых университета и определенное количество высших учебных заведений, привлекающих молодежь из всех общественных слоев. На протяжении последнего десятилетия много говорилось о том, что институты и университеты выпускают слишком много людей с высшим образованием. Лишь в последние годы, в связи с сельскохозяйственным кризисом и ростом стоимости обучения в учреждениях высшей школы, университеты стали труднодоступными для менее зажиточных слоев, в особенности для выходцев из крестьянства. Огромное большинство студентов стали составлять дети чиновников и представителей свободных профессий, что создало первые предпосылки для возникновения в будущем чего-то наподобие наследственной интеллигенции – однако пока что трудно оценить дальнейшие последствия этой новой тенденции к изоляции интеллигенции от прочих социальных групп. Пока что значительный численный рост интеллигенции привел к некоторому снижению ее уровня. Некоторые полагают, что снизился также уровень интеллигентской элиты, вынужденной приспособливаться к общему уровню своего

² «Предательство клерков» (1927) – классический труд французского философа и социолога Ж.Бенда (1867–1956), посвященный процессу «измены» интеллектуалов своим идеалам социальной критики и их отождествлению себя с определенным классом, нацией, государством и т.п. – *Пер.*

³ «Любить и мыслить – вот подлинная жизнь духа» (фр.) – *Пер.*

окружения. Этот аспект детально обсуждается в книге проф. Леона Хвистека «Проблемы духовной культуры в Польше» (Варшава, 1933).

Значительные изменения претерпел также профессиональный состав интеллигенции. До войны, особенно на территориях, аннексированных и управлявшихся Россией, основную часть интеллигенции составляли представители свободных профессий. Огромное большинство новой польской интеллигенции составляет чиновничество. В общественных дискуссиях о сегодняшней молодежи часто упоминается тот факт, что большинство выпускников высших учебных заведений стремится прежде всего найти себе место на государственной службе и нередко уже со школьной скамьи усваивает «психологию пенсионеров». Это явление нельзя считать некоей отличительной особенностью именно современной молодежи. Скорее можно полагать, что оно является следствием длительного экономического кризиса, а прежде всего «огосударствления» целого ряда сфер деятельности, ранее предоставленных инициативе отдельных граждан. Избыток представителей свободных профессий столь значителен, что правительство недавно сочло необходимым временно закрыть доступ в адвокатуру и законодательным путем обязать молодых врачей проработать несколько лет в сельской местности.

Преобладание чиновничества по сравнению с представителями других профессий привело к последствиям, значение которых трудно переоценить. Прежняя интеллигенция, основу которой составляли представители свободных профессий, была материально независима, чем в определенной степени объяснялась ее смелая и бескорыстная нравственная позиция, оказывавшая некогда столь сильное влияние на формирование общественного мнения и воспитание молодежи. Интеллигенция чиновничьего типа по самой своей сути не может ни отстаивать столь независимые позиции, ни самостоятельно представлять общественное мнение. По этой причине сегодняшняя интеллигенция не приняла в качестве эстафеты от старшего поколения роли авторитетной инстанции, вырабатывающей какую-либо позицию, а затем превращающей ее в общественное мнение.

Вышеперечисленные перемены привели к тому, что на протяжении последнего двадцатилетия интеллигенция не сумела сыграть той политической роли, на которую претендовала и которая, как казалось, была предназначена ей всей ее предшествующей историей. Уже первые выборы в сейм показали, что после длительной изоляции интеллигенция не сумела с легкостью приспособиться к нормам политической жизни демократической республики. Демократические партии слегка опасались и сторонились теоретиков и прекраснодушных идеалистов и – за исключением лидеров партий – предпочитали направлять в сейм испытанных местных партийных деятелей. Благодаря этому парламентские представительства этих партий не располагали достаточным количеством кандидатов на министерские должности и не могли создать чисто парламентские правительства. Прежняя интеллигенция, занятая непосредственно строительством армии и государственной администрации, с беспокойством следила за растущей ролью и влиянием некомпетентных народных избранников. Наиболее образованные ее представители не находили понятного простым людям языка и на митингах, как правило, терпели поражение в дискуссиях с деревенскими проповедниками и доморощенными народными трибунами. Таким образом, пути интеллигенции и демократических партий, еще не успевших вырастить собственной интеллигенции, необходимой для участия во власти, неожиданно разошлись. Это было одной из главных причин, по которым парламентская демократия в Польше потерпела фиаско. Результатом этих первых неудачных опытов стало то, что следующие ряды интеллигенции, даже вышедшей из народа, все чаще связывали свою судьбу с новозарождающейся бюрократией и все больше интересовались так называемыми «фашиствующими» течениями.

Здесь можно бы заметить, что, создав практически с нуля зачатки сильной армии и гигантской администрации современного государства, интеллигенция уже тем самым сыграла необычайно важную политическую роль. Некоторые даже полагали, что после ограничения прав парламента⁴ в Польше

⁴ Автор имеет в виду так называемый «майский переворот» 1926 года, который возглавил маршал Юзеф Пилсудский, основатель независимого польского государства, постоянно разоблачавший губительное влияние на молодую польскую государственность «парламентской говорильни», ширящейся коррупции и политиканства. В результате переворота были усилены позиции исполнительной власти и значительно ограничены права сейма – в частности, его влияние на армию. – *Пер.*

наступил период правления интеллигенции. Подобное мнение, однако, верно лишь частично. В начале своего формирования вооруженные силы и государственная администрация вышли из интеллигенции, но обратно уже не вернулись. В Польше вполне хватает образованных и неглупых чиновников, которые заполняют своими статьями страницы профессиональных периодических изданий и обсуждают в своих клубах сложнейшие экономические и административные проблемы, с которыми приходится сталкиваться современному государству. Нередко можно встретить высших офицеров, выходцев из рядов прежней интеллигенции, характеризующихся весьма широким кругом интересов. Как правило, однако, чиновники и военные принимают все меньшее участие в жизни остальной интеллигенции и все реже высказывают свое мнение по моральным и интеллектуальным проблемам, которые так занимали прежнюю интеллигенцию.

В результате всех этих перемен сам термин «интеллигенция» исчез сегодня из повседневной польской речи. Социальная группа, которую он обозначал, перестала существовать, но память о ней все еще слишком жива, чтобы употреблять прежнее название по отношению к иному явлению. Новые условия привели к появлению новых понятий – как, например, «работники умственного труда» и «профессиональная интеллигенция». Первый из этих терминов впервые был употреблен в законодательстве о социальном страховании и социальном обеспечении, где противопоставлялись понятия работников «умственного» и «физического» труда. При этом проводившаяся между этими понятиями граница была неясной и иногда довольно причудливой: так, почтальон относился к работникам физического труда, а его коллега, продающий почтовые марки – уже к работникам умственного труда. Второй из приведенных выше терминов, еще менее точный, означает лиц, профессиональная деятельность которых требует специального образования, но которые при этом не претендуют на общую широкую образованность и на наличие культурных интересов, выходящих за пределы их профессии. Из самого появления подобного термина в какой-то степени вытекает положительная оценка профессионализма и пренебрежительное отношение к прекрасности и дилетантизму старой интеллигенции. Прежнее выражение «интеллигенция» означало сплоченную группу с собственными независимыми критериями, позволявшими каждому члену группы безошибочно отличить своих от чужаков. Новые термины непосредственно свидетельствуют об обширности явлений, к которым они относятся, о нечеткости границ между ними и о необходимости использования *внешних* формальных критериев принадлежности к данной группе.

Перемены, произошедшие в среде польской интеллигенции, существенным образом углубляют разрыв между поколениями. Между старшим поколением, воспитанным в специфической нравственной атмосфере, характеризующейся четко иерархизированной шкалой ценностей, и младшим поколением, выросшим в смутное время переходного периода, существуют различия, выходящие за пределы возрастных различий.

Резюмируя наши рассуждения, можно сказать, что польская интеллигенция еще не вышла из переходного периода. За короткий исторический срок в 25 лет она пережила несколько серьезнейших потрясений. Прежняя интеллигенция сначала резко сократилась за счет исхода из нее людей действия, а затем многократно возросла за счет наплыва новых членов, вошедших в ее состав уже на основе иных, новых критериев. Радикально изменился ее социальный и профессиональный состав. До тех пор, пока не вымрет или бесповоротно не уйдет на покой довоенное поколение, польская интеллигенция будет по-прежнему состоять из двух, довольно сильно отличающихся друг от друга образований. Окончательное формирование широких масс молодой интеллигенции по самой природе вещей потребует более длительного времени.

Переходный, довольно трудно поддающийся определению характер сегодняшней интеллигенции привлек всеобщее внимание к самому молодому поколению, вместе с которым, как это обычно бывает после крупных потрясений, по-видимому, придет период стабилизации, уже намечающегося в других областях возврата к традиции, а также переоценки культурного наследия, доставшегося от предыдущих поколений.

Беседу вела
Катажина Беляс

Я ПРИШЛА С КРАСИВЫМИ «А» И «О»

Беседа с Ниной Андрич

— В вашем автобиографическом романе «Мы, раздвоенные» главная героиня, совсем молодая девушка, представляет подруге «меню свобод» женщины: брак обязательно нецерковный, бездетный, квартиры отдельные, невмешательство мужа в профессиональные дела... Откуда у вас такие взгляды?

— Уж точно не из дома, потому что мама была типичной женщиной XIX века — она считала брак необходимым и святым. Я с детства ходила в школы совместного обучения и очень быстро сориентировалась, что по всем предметам, кроме математики, успеваю лучше одноклассников. Такие результаты избавили меня от ощущения неравенства. Так что, слушая мамини рассуждения о предназначении женщины и о том,

что прежде всего я должна хорошо выйти замуж, я про себя думала: «Что она горюдит, моя добрая мама?»

— Почему брак обязательно должен быть нецерковным?

— Потому что если мы относимся к браку как к таинству, то, увы, ни муж, ни жена не могут позволить себе флирта, романа. Над таинством глумиться нельзя. Я выступала за союз толерантный, допускающий возможность ошибки, измены одной из сторон. Мистик Поль Седир считает, что Бог признает брак, в котором муж изменяет, а женщина нет. Но я не хотела быть жертвой.

Забавно, что когда я вступала в первый и пока единственный свой брак, мой муж, Юзеф Циранкевич, человек неверующий, но с большим уважением относившийся к моим взглядам, сказал: «Если хочешь, можем венчаться в церкви». А ведь в партии у него возникли бы чудовищные проблемы! И я, и мама оценили это предложение, но я не хотела.

— Зачем выходить замуж, чтобы жить отдельно?

— Я все это придумала еще в школе, не зная жизни. Я была слишком молода, чтобы знать — если мужчина на мне женится, то, в частности, затем, чтобы иметь возможность видеть меня в разных ситуациях, в том числе и в халате, чтобы ощущать запах тела... Этот принцип был ребяческим. Однако я отказалась от него лишь после выхода замуж. До этого я мучила своих женихов, а поскольку была самостоятельна и сама зарабатывала на жизнь, они ничего не могли со мной поделать.

После свадьбы я согласилась жить с мужем в одной квартире, но при условии, что в ней будут отдельные спальни, чтобы можно было на какое-то время расстаться.

— Невмешательство в профессиональные вопросы — принцип более бесспорный.

— Он был соблюден. В те времена, когда муж очень меня любил, он, проезжая мимо Театра Польского, снимал шляпу. «Вот мой самый опасный соперник», — говорил он. Несколько лет муж соперника терпел, потом это стало ему мешать.

— Зачем при такой позиции вообще заключать брак? Не достаточно ли просто жить вместе?

— Чтобы все-таки отмежеваться от этого «просто» — от связей действительно несерьезных. Если я вступаю в брак, то город знает, что я вышла замуж за господина Икс. Это важно, тем более, что я не взяла фамилию мужчины, который меня обожал, очень хотел на мне жениться и иметь со мной детей. Но я до конца осталась Ниной Андрич, добавив лишь, разумеется, «Циранкевич». Больше всего страдал от этого дипломатический корпус. Шеф протокола спрашивал, отдаю ли я себе отчет в том, что обижаю мужа, не становясь мадам Юзеф Циранкевич.

— Как это — мадам Юзеф?

— А вот так. Таковы международные формулы. Если женщина из хорошей семьи выходит замуж за известного политика, то с этой минуты становится — в моем случае — Госпожой Юзеф Циранкевич, т.е. женщиной Юзефа Циранкевича. Ей-богу! У меня до сих пор сохранились визитки, которые мне напечатали в 1947 году, сто визиток. Ну и что, что это было при ПНР? Когда я бывала в салонах за границей, говорилось «та femme», моя женщина. Французы говорят о женщине как о предмете, и это хороший тон.

— То есть вы взбунтовались.

— Я сказала шефу протокола: «Я известная актриса, меня зовут Нина Андрич. Если хотите, могу после „Андрич“ поставить дефис и добавить „Циранкевич“. И хватит».

Протоколу пришлось покориться. Муж делал вид, что его всякие буржуазные комедии не интересуют, но было ли это так в действительности?

Феминизм для меня никогда не сводился к девизам. Настоящий феминизм — это развитие самосознания, осмысление того, кто ты есть, того, что ты живешь не ради выхода замуж за господина Икс, а ради того, чтобы самостоятельно чего-то добиться. Тогда ты имеешь право сказать шефу протокола — я не хочу такой визитки. Я считаю, что отстояла свои принципы.

Домохозяйки считают, что это сделало меня несчастной. Ничего подобного! Но мы родные дети пани Дульской, будь то при коммунизме или суперкатолицизме.

— От домохозяек вам могло достаться за бездетность.

— Еще как! Ну что ж. Я не считала своим призванием рожать детей и знала это всегда. Во мне нет материнского инстинкта. А если бы у меня родился ненормальный ребенок? Или совершенно бесталантный? Меня это приводило в ужас.

Я всегда испытывала отвращение к беременности, зато как актриса непрестанно размножалась психически. Потому что, как говорит героиня моей пьесы «Зеркало»: «Когда ты по-настоящему звезда, то рождаются не дети, рождаются роли». После рождения Марии Стюарт я так устала, что, наверное, даже физические роды не измучили бы меня больше.

Роли это мои дочери — красивые, безумные, умные, глупые, разные. Я всегда чувствовала себя словно беременная, поэтому, когда мама предложила: «Ты только роди, а я воспитаю, всем займусь сама с первых дней», — я ответила: «Я ведь рожаю беспрерывно». Мама посмотрела на меня как на законченную сумасшедшую.

Об этом трудно говорить, это скользкая тема в католической стране.

Да, мне иногда доставалось. Но я отстояла свои принципы и здесь, и рада этому. Я не просыпаюсь ночью с мыслью: хорошо бы, если бы тут плакал какой-нибудь младенец или какой-нибудь подросток мне посочувствовал. Скорее всего, он бы мне вовсе не сочувствовал, начнем с этого — он принадлежал бы к другому поколению.

Но битвы я вела серьезные, и не только с мамой: позже муж откровенно страдал из-за этого — ему все-таки хотелось создать настоящий дом. А еще раньше женихи устраивали страшные скандалы. Сейчас я уже, к счастью, не могу иметь детей. Проблема перестала быть актуальной. Важно, что я ни о чем не жалею — как пела Эдит Пиаф.

— И все же вы написали стихотворение, посвященное нерожденной дочери.

— Той, от которой я избавилась, т.е., с точки зрения католика, которую я убила. Если католицизм говорит правду и она страдает — ну, тогда я прошу прощения. К этому я готова.

— *Почему вы написали дочери, а не сыну?*

— Потому что мне казалось, что это была дочка.

— *Читая стихи, можно подумать, что это метафора, ребенок, время которого уже прошло.*

— Никакая не метафора. Когда делаешь аборт, ты ведь убиваешь это создание. Я сознавала, что делаю что-то опасное. Феминистки говорят: «Отвяжитесь! Это моя матка...» Разумеется, моя, ну и что? Если в матке заключена жизнь, а я ее уничтожаю...

Кроме того, если ты видишь мужа в отчаянии, ты все-таки начинаешь задумываться. Когда я пару раз воскликнула «Слава Богу, выкидыш», он, наверное, подумал: «Я женился на чудовище». Подозреваю, что таким образом я убила его чувство. И поэтому, когда он уходил из дома, то не услышал от меня ни слова возражения, никаких упреков.

— *Ваши мемуары касаются межвоенной Польши, начала карьеры. Но детство, важные годы с 1917-го по 1927-й вы провели в Киеве. Как вы там оказались?*

— Я не хочу об этом говорить, потому что пишу вторую книгу. Но это произошло так: ребенком я была жутко крикливым. Мою прекрасную маму я страшно этими воплями утомила, поэтому она собрала два чемодана, и мы поехали к очень богатым родственникам в Киев. А это было еще при Российской Империи. Anno Domini 1917. И как только мы приехали, произошла октябрьская революция. Польша была, конечно, серьезным врагом, буржуазной страной, поэтому границы тщательно закрыли — и мы остались там на десять лет. Богатые родственники в один день превратились в нищих, а мама проявила характер, который, видимо, я от нее унаследовала.

Мама, как и положено даме, окончившей Институт благородных девиц, знала три языка. Так что в этом безумном государстве, которое создавало свои первые учреждения, она пригодилась в качестве переводчика. Благодаря этой работе она выкормила своего несчастного ребенка, который на чужбине орал уже поменьше.

— *Что вы помните о революции?*

— Помню город, переходивший из рук в руки — его занимали то красные, то белые. На площади происходили казни, которые мы, конечно же, не смотрели. Но я на всю жизнь запомнила кровь на снегу. Банды грабили дома, пришли и к нам. Мы с мамой жутко боялись. Я помню, как мама, еще молодая и очень красивая, попросила одного из бандитов не отбирать часы, память об оставшемся в Польше муже. И бандит забрал какую-то шубу, пальто, а часы оставил.

Меня записали в советскую начальную школу. Сначала преподавание велось на русском. Польски говорили только дома, тайком — ведь вот-вот должна была начаться война с враждебной Польшей. В этой школе я начала выступать. Читая стихи, я осознала, что обладаю над ровесниками определенной властью, что никто не вертится, не свистит, меня слушают. Я подумала, что являюсь существом необыкновенным, и что из этого следует сделать выводы. Еще я заметила, что после выступлений ко мне лучше относятся, дают на второй завтрак «паяк» побольше.

Я не хочу притягивать факты за уши, но уже тогда я поняла, что буду актрисой. Это меня немного отделяло от той серости, голода, нищеты, страха, расстрелов. Потому что гражданская война — это голод и страх. Но у голодающих было два абонеента: один — в прекрасную оперу, другой — в прекрасный драматический театр. Девочкой я видела все великолепные спектакли: «Фауста», Достоевского. Половину я тогда не поняла, но мне все равно очень понравилось.

Мама записала меня на тайные уроки религии — жизнью рисковали и она, и ксендз. Однажды политрук вызвал мать для беседы: «Ваш ребенок, видимо, ненормальный, потому что ходит в церковь». А мама ему: «А что я могу поделать? Такая уж уродилась». Он спрашивает: «Она верующая?», — а мама кивает озабоченно: «У меня такое впечатление». Политрук: «Так я с ней поговорю». На что мама, которая знала мой характер: «Пожалуйста, пожалуйста».

Это были роскошные беседы, мне было, кажется, восемь лет. Я сказала, что знаю, что Господь Бог существует, потому что я это чувствую. Мне ничего не могли сделать — я была слишком маленькой.

Потом, когда Украина начала поднимать голову, в школе стали преподавать не на русском, а на украинском. Таким образом, кроме французского

и немецкого, я знаю еще два славянских языка. Могу читать стихи по-украински.

— *Как вы оттуда выбрались?*

— Наш бедный папа разыскал нас через моего дядю, Чеслава Андрича. Дядя работал в МИДе уже при маршале Пилсудском. Для мамы Пилсудский был героем из героев. Еще в Киеве я запомнила: что-то, а с маршалом Польше повезло.

Так что папа нас нашел и стал добиваться нашего возвращения. Мы приехали в Польшу легально, поездом, после десяти лет Советского Союза. Это была последняя возможность вырваться оттуда. Уже начинался сталинизм.

Помню, в какой-то момент большей свободы на рынке в Киеве появились пирожные. Никогда не забуду вкус того «наполеона». Я ела и плакала от восторга, что нечто такое, на грани поэзии, может вообще существовать на свете. Мы вернулись в Польшу, в Брест на Буге, где у мамы был собственный дом с прекрасным садом. Мы вернулись к относительному благосостоянию.

— *А как ваша мама отреагировала на то, что вы решили стать актрисой?*

— Она сказала: «Только через мой труп». И в качестве такового продержалась до моего выпускного экзамена. Но я поехала в Варшаву сдавать экзамен в Государственный институт театрального искусства и сдала без всяких проблем. Только у меня было жуткое интонирование, как на восточных «окраинах» — ну, из-за «окраин» и из-за Киева. Два года, пока я справлялась физически, я одновременно изучала в университете психологию и философию.

— *Этому характерному «л» вы научились не в театре?*

— Что вы! Это с «окраин» — у всех, кто оттуда, прекрасный польский. Я пришла с красивыми «а» и «о», освещающими нашу шелестящую речь. В школе я работала только над тем, чтобы избавиться от излишне мягкого акцента.

— *То есть красиво выговаривать слова. В своих стихах вы подчеркиваете вес слова, цитируете философа: «В слове обитает бытие». Для вашего творчества это важный мотив.*

— Меня воспитали на литературе, а не на картинках. Польская романтическая литература поглотила меня полностью, поэтому Варшавское восстание я переживала — вопреки разуму — как событие важное и необходимое. Это был романтизм, мы сами защищали город, потому что, к сожалению, никто нам не помог.

— *Что вы делали во время войны, без театра, работая официанткой?..*

— Я была в Варшаве. Гетто сгорело при мне, потом вспыхнуло Восстание... Мы все потеряли. Честная горничная спасла кучку бижутерии и отдала нам после войны. Встречались тогда такие чудесные люди.

При мысли о ребятах из АК хочется встать на колени и целовать следы их ног. Я рада, что им нравилась, была их музой. Они говорили: «Пока

Андричка красится и нос пудрит, мы не можем проиграть». К сожалению, они проиграли.

Потом началась вторая оккупация, гораздо более изощренная, чем первая. Во время первой мы боролись за физическое выживание, оккупанты нередко бывали наивны — например, брали взятки и многих узников удавалось выкупить. Эти же, вторые, занимались пропагандой и взятки не брали, а водки у них было столько, что она никаким аргументом в переговорах не служила.

Очень тяжело было во время войны, но именно войне я обязана внутренней свободой и зрелостью.

— *Свободой?*

— Да. От театра. На самом деле это была замечательная идея судьбы, если говорить о моей скромной особе.

Когда у меня отобрали театр, я освободилась от профессионального наркотика. До этого я ходила перед театром на задних лапках — меня готовили в наследницы великой актрисы, пани Марии Пшибылко-Потоцкой, передо мной открывался мир... Мне было чуть больше двадцати — и такой груз на плечах. Меня угнетала жуткая ответственность.

В театре существует проклятие: «Чтоб тебе с подносом ходить» — нельзя брать в руки поднос, это к несчастью. А я, работая официанткой, ходила с этим подносом. И ничего плохого не случилось. К тому же в кафе моим первым клиентом оказался немец. Я попятилась вместе с подносом, но мои коллеги оказались так благородны, что сказали: «Иди в туалет, мы его обслужим».

Война была дикой и жестокой, но освободила меня от того, чтобы быть театральным животным, выращенным лишь для преодоления очередных барьеров.

— *Вы не тосковали без игры, без искусства?*

— Я начала писать. Стихи и дневник я писала с детства, еще в Киеве. Я вытаскивала эти записки, решила, что они не так уж плохи, стала приводить их в порядок, что-то менять. У меня было полно работы. Все военные испытания я переносила с достоинством, потому что у меня была новая профессия. Я продолжала вести дневник, чтобы записать то, что делалось во время оккупации. А также — это важно — понять, почему я не умираю без театра. Я, актриса *pur sens*, которую готовили в супер-, гиперзвезды. Когда кончилась война, я

уже была, хотя и тайком, поэтессой и писательницей. Войне я обязана тем, что стала человеком мыслящим.

— *Что это означало для театра?*

— Я не перестала любить искусство. Я его любила по-прежнему, но иначе: более трезво, умно, с ощущением дистанции. Я знала: ради того, чтобы ослепить толпу, я не пойду на то, что сделала женщина с очень большим коэффициентом интеллектуального развития — Шарон Стоун, которая в «Голом инстинкте» села на стул и продемонстрировала дырочку. После чего — необыкновенные аплодисменты и увеличение гонораров, словно раньше этой дырочки никто не видел.

— *А до духовной перемены вы были на это готовы?*

— Скорее нет. И все-таки меня воспитывали таким образом, что если ради дела нужно раздеться, значит нужно. Самое интересное, что моя мама, которая так боялась этого театра, после войны подгоняла меня: «Возвращайся на сцену, чего ты раздумываешь? Ты ничего не делаешь, а твои подруги уже читают стихи на торжественных собраниях. Ну и что, что одного Маяковского? Это тоже тренировка. А ты не тренируешься, голос потеряешь». Трудно поверить — мама заразилась театральным вирусом. Даже самый плохой менеджер был для нее хорошим и — успех, успех, успех...

Успех пришел с некоторым опозданием, но все-таки пришел.

— *Вы относитесь к роли очень серьезно. Может ли театр оказывать влияние на человеческое поведение, человеческую жизнь?*

— Девочкой я плохо понимала, что переживает студент Раскольников, но знала, что он борется с чем-то важным, что Соня его любит и поможет ему. Если на меня это так подействовало в возрасте девяти лет, то почему теперь своими ролями я не могу на кого-то повлиять? Я, например, показываю, что не надо быть таким амбициозным, как Леди Макбет, потому что проиграешь. Она могла остановиться на том, что она хозяйка прекрасного замка и первая дама своего государства, любимица короля. А убив короля, она превращается в обыкновенную преступницу.

Я не хвастаюсь, но я воспитала три поколения. Я знаю об этом от зрителей.

Актерство — миссия. Это прекрасно делает Анджей Северин, он прирожденный миссионер. Знакомит с «Дядями» французов, читает польские стихи. Это будущее актерства — не замыкаться в профессионализме «от сих до сих», в рамках должности. Ведь должность всегда можно потерять.

Моя публика — это люди, с которыми хочется вести диалог. Но если попадется кто-нибудь тупой, я за него тоже борюсь. Во всяком случае, какое-то время. Когда жизнь заставила меня выступить перед так называемой массовой, я не отказалась. Это был колхоз под Варшавой. Мы играли историю о Марине Мнишек и Самозванце, сцену у фонтана. Мой партнер, уже покойный Михал Павлицкий, сказал, что не выйдет на сцену, потому что никто ничего не понимает. Так что вышла я и объяснила публике, о чем пьеса. Рассказала, что Марина была гордой полькой, которая, став женой этого Самозванца, оказалась в Кремле и ограбила казну. Мама дорогая, как они обрадовались, что она взяла драгоценности — такая умная женщина! Потом они слушали, словно ангелы. Хлопали и даже зарезали для меня кабанчика. Я не ем свинину, но водки с председателем колхоза выпила. Я это сделала. Такая публика у меня была, может, раза два-три в жизни.

Иногда прекрасные встречи происходят даже в автобусе. Например, встает пожилая женщина, раскрывает объятия, целует меня в обе щеки и говорит: «Соланж». Для остальных пассажиров это ничего не значит, но мы с ней понимаем. Мне пишут воспитанники из маленьких городов, я знаю, что нескольких женщин вырвала из кухонного рабства. В этом смысле наибольший терапевтический эффект приносит Леди Макбет.

Были еще разные телевизионные роли, ставившие вопрос, стоит ли посвятить жизнь великой, безумной любви... Я пыталась защищать таких женщин, потому что сама испытываю слабость к такой любви. Люди до сих пор пишут мне по этому поводу.

— Вот именно, если бы не великая нереализованная любовь молодости к известному режиссеру и актеру, ваши роли оказались бы беднее?

— Конечно. Подобный опыт дает материал, почву, фундамент так называемым романтическим героиням — людям, сходящим с ума от

любви. В песенке для кабаре поется: «Это будешь не ты, это будет другая». И есть женщины, которые так думают, подражая мужчинам. Но в моем случае было известно, что другого не будет, что каждый другой будет всего лишь другим...

— Такое большое чувство уже не повторилось?

— Никогда. Это был мой учитель в профессиональном смысле, друг, значительно меня старше. Его портрет до сих пор висит в моей комнате. Наша любовь не могла быть реализована. Я обещала его жене, прекрасному сценографу, что не разобью их брак. Я сдержала обещание.

Потом были разные физические, интеллектуальные увлечения — ах-ах, такой милый, добрый, так меня любит, заслуживает взаимности. Но это не то же самое.

— Вы всегда повторяете, что обещали мужу не рассказывать о нем. Что скрывается за этим табу?

— Легко догадаться. В 1947 году, когда мы поженились, муж был лидером независимой Польской социалистической партии. Сталин ему обещал, что ПСП не тронет, потому что это исконно социалистическая партия. Как же так? Вождь мирового пролетариата будет ликвидировать социалистов? С чего бы это? Но муж в какой-то момент почувствовал, что это ложь. И страшно это переживал. Я тогда ему сказала: «Хочешь броситься в окно — пожалуйста, я тебя подтолкну, но вся ПСП в окно не бросится — ты отвечаешь за несколько сот людей».

Он попросил меня, если ко мне обратится «Лайф» или еще какой-нибудь «Матч», ничего не говорить на эту тему. Так что этим табу являются его переживания после ПСП. Ведь он уже умер и не может ничего объяснить.

— Вы много лет были женой премьер-министра. Какие выводы вы сделали для себя, побывав в мире политики?

— Что мне бы не хотелось попасть туда еще раз. Перестав бывать в политических салонах, я почувствовала себя свободной.

— Что было самым мучительным?

— Ханжество, ложь, болтовня о выдуманной действительности.

— Какой психической тактикой вы тогда пользовались, чтобы все это выдержать?

— Я избегала этого, как могла. У меня всегда оказывалась какая-нибудь премьера, генеральная репетиция или примерка костюма. Я просто увиливала. Поехала только в те страны, которые меня интересовали — Индию, Китай, Цейлон... Иногда я была очень полезна — например, в Камбодже при королевском дворе говорили только по-французски. Я говорила за мужа и за себя, потому что он знал только немецкий. Меня всегда спасал театр. Впрочем, теперь он меня тоже оберегает. Когда Шифман прислал в Китай телеграмму: «Пожалуйста, возвращайтесь, никто не ходит смотреть дублершу», — я за ужином так дико обрадовалась, что наша делегация остоленела. Они думали, что я так радуюсь подаркам от Мао Цзэ-Дуна. Юзеф страшно смеялся и не рассердился.

— Вы с отвращением рассказываете о Советском Союзе, о коммунизме. Это не мешало вам быть женой премьер-министра при том режиме?

— Как это не мешало? Мой брат погиб в лагере. Мы искали его, а нам лгали, что следы потеряны. Мой муж был жертвой этой политики.

Как я уже говорила, я вышла замуж за лидера неизвестной ПСП. А потом увидела, как его уничтожают собственные товарищи. Я вышла замуж за красивого худого человека, который на моих глазах растолстел, потому что мужчина таким образом помогает себе. Он ведь умер от какой-то болезни мозга, столько вынес. Я не считаю его человеком власти, это жертва Сталина. Достаточно прочитать, как чудесно описывает его Ян Карский.

Я бы и в другой раз вышла за него. Я придерживаюсь левых взглядов. Я могла бы выйти именно за левого, эта доктрина позволяет женщине работать. А я должна была и хотела играть.

— Если так, то вы не могли как-нибудь выйти из этой игры?

— Политик может из нее выйти только в смерть. Я уже говорила, что муж несколько раз задумывался над этим. Он ни в чем не виноват.

Что он мог сделать? Ну, мог еще бежать за границу. Родственная партия предложила ему это, но я сказала, что не поеду, потому что не умею играть на другом языке. Не все Набоковы. Меня бы эмиграция прикончила.

— Как актрисе вам помогало то, что вы жена премьер-министра?

— Это возбуждало животную, дикую зависть! Браку я обязана работой, но это тоже не была вина мужа.

Вы теперь видите мою повседневную жизнь. Половина вещей в этой комнате, ковер, комодики — все это подарки. Письменный стол — от деда. Я живу в трех комнатах, очень скромно обставленных. В спальне — мебель фирмы «Лад», купленная за гроши. Мой муж восхищался тем, что я так близко кормушки, а ничего не покупаю.

Это последствия детства, проведенного в советской России. Я знаю, какие состояния могут в один прекрасный день улетучиться, потому что горит город. Мой город тоже сгорел на моих глазах. Я сказала мужу: «Слушай, давай устроим дом так, словно завтра всему конец... Чтобы можно было спокойно выйти из квартиры». Я уже столько раз это делала...

Нам много раз предлагали виллу. «Зачем?» — спросила я. «Чтобы лучше вас охранять». «Нас не надо охранять, нас никто не тронет», — ответила я убежденно.

Я до сих пор живу не в собственной квартире — той самой, куда мы поселились в 1949 году. Я не выкупила квартиру. А теперь, спустя многие годы, отыскалась хозяйка дома...

gazeta
ПРОСВЕЩЕНИЯ

РОССИЯ НЕ БУДЕТ КАТОЛИЧЕСКОЙ

Беседа с отцом Станиславом Опелей

о. Станислав Опеля — начальник независимого Российского региона Общества Иисуса (Ордена иезуитов).

— В русской прессе, а еще чаще в высказываниях православных иерархов звучит определение «каноническая территория православия». Какое значение вкладывают в этот термин представители Московской Патриархии и какие последствия это имеет для других вероисповеданий?

— Как правило, представители Московской Патриархии считают, что территория бывшего Советского Союза — это исключительная сфера влияния православия. При этом само понятие «канонической территории» довольно сомнительно. Ничего такого не существует. Жители Западной Европы, начиная с Польши — в большинстве своем люди католического или протестантского вероисповедания. Однако ни одно из этих вероисповеданий не претендует на какую-либо свою каноническую территорию. На одной и той же территории действуют разные Церкви со своей иерархией. В том числе и православная Церковь.

Вскоре после назначения православного митрополита Северной Италии я был в Риме, где встретился с Иоанном Павлом II. Папа, смеясь, сказал: «Не вижу никаких препятствий — напротив, я был бы очень доволен, если бы резиденция митрополита находилась в Риме. Тогда контакт у нас был бы лучше».

Что значит это для других вероисповеданий? Прежде всего то, что Московская Патриархия желала бы давать разрешения, а скорее — отказывать в разрешении на создание любой, даже небольшой структуры иной Церкви или конфессии. 3 марта 1992 г. на первой встрече в Женеве католическая и православная стороны пришли к соглашению, которое обязывает их информировать друг

друга о возникновении новых структур. Однако в коммюнике для прессы, опубликованном по итогам встречи, был использован довольно расплывчатый термин — «взаимные консультации». Понятие «консультация» весьма растяжимо. Оно может ограничиваться информированием, а может означать и требование получения согласия Московской Патриархии на деятельность на этой территории. Впоследствии католическая сторона уточнила смысл этого термина в инструкции папской комиссии «Pro Russia» от 1 июня 1992 года. Инструкция объясняет, в чем должны состоять взаимные консультации. Но это документ только католической Церкви, и практически он обязывает лишь одну из сторон. Что касается другой стороны — можно лишь выразить пожелание, чтобы все происходило именно так.

— Вы сказали, что Московская Патриархия понимает под «канонической территорией» все земли бывшего СССР. Таким образом, к ней отнесена и традиционная сфера влияния римского католицизма, представленная многочисленной группой верующих, проживающих на территории прежней Речи Посполитой. Как вы интерпретируете папское решение об изменении границ ряда епархий в Литве, Белоруссии и на Украине и назначение новых епископов на эти территории?

— Новое епархиальное деление в западной части бывшего СССР и назначение новых апостольских администраторов отнюдь не было продиктовано желанием Папы отмежеваться от региона. К примеру, Московская Патриархия хочет по-прежнему иметь право решающего голоса в вопросе о православной Церкви на Украине. Поэтому назначение новой римско-католической иерархии

или создание новых структур епархий параллельно действиям православной Церкви. Кроме того, это создает хорошую почву для экуменического диалога.

Если уж говорить о диалоге, то нетрудно предвидеть длительные трудности. Термином «экуменизм» пользуются и католическая, и православная Церкви, однако, понимают они его по-разному. После нескольких месяцев пребывания в России у меня сложилось впечатление, что для православной Церкви экуменизм означает ни больше, ни меньше, как обращение в православие. А всякая деятельность [иных конфессий. — *Ред. «НП»*] по евангелизации, даже ограниченная лишь вопросами веры и богословскими размышлениями, прямо квалифицируется как прозелитизм. Поэтому я полагаю, что от обеих сторон потребуются много доброй воли и много терпения, чтобы экуменический диалог действительно осуществлялся. Скажем, в Загорске продают «Антикатолический катехизис», репринт издания 1916 года. Конечно, подобной деятельностью в православной Церкви занимаются лишь ограниченные, узкие круги, но тем не менее есть и такие тенденции.

— Не считаете ли вы, что взаимоотношения католиков и православных отягощены вопросом о греко-католической Церкви и об отношении православных к униатам?

— Униатская Церковь — проблема для всех православных, независимо от их открытости или закрытости по отношению к прочим вероисповеданиям. Для них греко-католическая Церковь — нечто вроде троянского коня. Принять назначение апостольских администраторов им не так трудно, как смириться с деятельностью униатской Церкви. Даже очень открытые люди в православной Церкви, когда дело доходит до отношений с Церковью униатской, придерживаются, мягко говоря, традиционных взглядов.

— Как вы оцениваете визит примаса Польши в Россию и Казахстан, в ходе которого были затронуты, в частности, экуменические проблемы?

— Мне кажется, визит примаса был важен для взаимного познания и помощи с польской стороны местной католической Церкви. Здесь, по-прежнему ощущается огромная нехватка священников. Не потому, что на территории бывшего СССР имеет место массовое обращение к религии, растет интерес к той или иной Церкви, но потому, что здешние католические общины сильно разбросаны. До 90-х годов у настоятеля церкви в Иркутске был, по-видимому, самый большой в мире приход — до самого Владивостока. При таких огромных расстояниях пастырские труды заведомо малоэффективны. За весьма продолжительное время священнику под силу появиться в какой-то местности лишь несколько раз. Например, в Казахстане, где я сам побывал, расстояния так огромны, что 11-12 священников просто не в состоянии посетить все малые общины верующих. Знаменитое польское село Вершина находится в 100 километрах от Иркутска. Священник всякий раз специально туда ездит. Если бы визит примаса мог содействовать тому, чтобы на эти территории прибыло больше священников из Польши, я думаю, одна из главных целей визита была бы достигнута. Причем лично я придерживаюсь той точки зрения, что это не обязательно должны быть исключительно польские священники.

— Как соотносятся трудности во взаимных контактах между католичеством и православием с диалогом, начатым обеими конфессиями после II Ватиканского собора? Встречи проходят, определена некая область общего духовного блага...

— Диалог между православием и католичеством содержит известного рода парадокс. Общего между этими двумя Церквями больше, чем между какими бы то ни было другими, и в то же время диалог между ними наименее продвинут. Тому, что создалось такое положение, несомненно, способствовала позиция православной Церкви — прежде всего те ограничения, которым она подвергалась при коммунизме. Участие православной стороны в экуменических встречах часто увязывалось с обязанностью вести пропаганду режима. Не было ни одного экуменического собрания, на котором не был бы затронут вопрос о «мире во всем мире». Не было ни одного заседания

Всемирного совета Церквей в Женеве, на котором не ставилась бы проблема «борьбы за мир». Вот одна из причин, по которым диалог католической Церкви с православной сильно отстает от диалога с другими вероисповеданиями, в том числе и нехристианскими, например, с иудаизмом.

— Как вы оцениваете деятельность отца Александра Меня? Я имею в виду прежде всего привлечение к православной Церкви интеллигенции и элементы экуменизма, содержащиеся в том, что он проповедовал.

— Деятельность отца Александра Меня имела большое значение, хотя, в общем, ограничивалась довольно узким кругом людей. Однако если в православии вообще есть элемент открытости по отношению к католической Церкви, то это в значительной степени заслуга отца Александра. Я поддерживаю контакт с людьми из его круга, в частности с теми, кто готовит к изданию собрание его сочинений, и ясно вижу, что с этими людьми действительно можно вести экуменический диалог, не пытаясь обратить друг друга в свою веру. После II Ватиканского собора нет никаких причин стремиться к обращению православных в католичество. У католической Церкви нет такого стремления, хотя кое-кто из православных не только полагает, что она стремится к этому, но и прямо говорит об экспансии католичества на «канонической территории» православия.

После смерти о. Александра Меня, связанные с ним круги, стали принимать разную направленность, внутренне разделились. Это нормальное явление. Однако я думаю, что зерно, посеянное отцом Александром будет давать плоды, например, в каком-нибудь центре, созданном здесь католиками, но открытом для всех инаковерующих. Прежде всего для тех, кому близка проблема веры, проблема Бога.

— В русской прессе нередко звучат обвинения в адрес польских священников, работающих на территории СНГ, в том, что они занимаются политической или ведут колонизаторскую деятельность.

— Разумеется, подобные утверждения сильно преувеличены. И все же я считаю, что мы, поляки, должны быть особенно внимательными, чтобы служение наших священников воспринималось не как колонизация католической Церкви в России, а как евангелизация. Именно поэтому, как я уже говорил, на этой территории должны работать священники не только из Польши. С другой стороны, очевидно, что католики в России — это прежде всего представители национальных меньшинств. Главным образом польского, немецкого, частично белорусского и украинского. Эти люди хотят, чтобы богослужение совершалось на их родном языке.

В Казахстане, Таджикистане, Киргизии, да и в Новосибирске поляки не знают родного языка. Пользуется им только старшее поколение, хотя чаще всего и оно знает лишь ежедневно читаемые молитвы. Неподалеку от Целинограда, где я исповедовал верующих, со мной приключился забавный случай, который говорит о многом. Меня сразу спросили, могу ли я исповедовать по-польски, по-немецки, по-русски и по-украински. Я ответил, что не знаю только украинского, хотя предполагаю, что смогу догадаться, о чем пойдет речь. Так вот, исповедь происходила следующим образом: поляки говорили вначале «Niech będzie pochwalony!» («Слава Иисусу Христу!»), немцы — «Gelobt», украинцы — по-своему, а потом все переходило на русский.

Поэтому я думаю, что именно этот язык будет общим. Собственно, так оно уже и есть. Разумеется, я исхожу из того, что будут сохраняться группы, требующие совершения литургии на своем национальном языке, что вполне понятно. Однако тут появляется очередной парадокс. Архиепископ Кондрусевич сообщил мне, что православная Церковь желает, чтобы католическое богослужение происходило исключительно на языках национальных меньшинств, а не по-русски.

Все это требует от национальных меньшинств большой зрелости. К примеру, московские поляки весьма отрицательно отнеслись к тому факту, что первая месса перед церковью свв. Петра и Павла на улице Мархлевского была отслужена по-русски. Думаю, это неправильное отношение:

большинство верующих знало исключительно русский язык или, по крайней мере, владело им лучше, чем польским. Конечно, я понимаю разочарование поляков, которые помнят, что эта церковь всегда была «польской», что построили ее поляки. Однако в настоящее время архиепископ не может создавать национальных приходов. Следует более всего подчеркивать универсальное, вселенское измерение католичества, так как на вселенский характер претендует как раз православная Церковь. Она стремится закрепить убеждение в том, что католическая Церковь — это Церковь польская, немецкая, украинская, французская, английская. Какая угодно — только не вселенская.

— Однако, с другой стороны, православная Церковь сохраняет церковнославянский язык богослужения, и любая робкая попытка изменить это наталкивается на враждебность Патриархии. Верно, что церковнославянский — это «lingua sacra», объединяющая православную Церковь, но вместе с тем он создает многие ограничения. Верующие плохо понимают архаичный церковнославянский, и, насколько я знаю, те, кто его отстаивает, делают это прежде всего потому, что он искони употребляется в Церкви, по приверженности к традициям. Православный, читая Библию в переводе на русский язык, имеет дело с текстом, который его Церковь не признает богослужебным...

— Кстати, и с переводом католических текстов на русский тоже немало трудностей, прежде всего терминологического свойства. В русском многому просто нет соответствий. Чтобы выполнить эту задачу, должен возникнуть коллектив переводчиков, специалистов, которых здесь пока нет.

В настоящее время вырисовываются две переводческие тенденции. Первая — перенять православную церковную терминологию, вторая — просто русифицировать латинскую. Думаю, у обоих решений есть свои плюсы и минусы. В польском и любом другом западном языке многие цер-

ковные термины заимствованы из латыни и даже из древнегреческого. Однако они употреблялись много веков, и потому сегодня уже не воспринимаются как иноязычные.

— Не кажется ли вам, что главной целью католической Церкви на территории бывшего Советского Союза должна быть новая евангелизация, а прежде всего «рекатехизация» верующих? Католики в России, словно по примеру православных, часто полагают, что достаточно лишь некоего эмоционального «вклада», чтобы стать христианином. При этом им сложно выразить основополагающие истины веры.

— Да, это область довольно запущенная. Даже священники — я имею в виду местное духовенство — мало этим занимаются. Не только потому, что у них нет времени. Еще недавно советское законодательство запрещало «пропаганду религии среди несовершеннолетних». Естественно, были попытки религиозного обучения вопреки запрету, но это были скорее отдельные случаи. В то же время следует подчеркнуть, что сейчас различные католические структуры пытаются наверстать упущенное. Особенную заботу об этом проявляет апостольский администратор. Самый яркий пример тому — создание в Москве колледжа св. Фомы Аквинского. Одна из задач колледжа — подготовка катехизаторов. Во время поездок по бывшему Советскому Союзу я имел возможность убедиться, что некоторые учителя польского языка, в частности в Казахстане, одновременно преподают основы Закона Божия. Священники, понимающие значение катехизации, для которых важна, так сказать, вдумчивая вера, уже поручают катехизацию монахиням и мирянам. Уровень подготовки и у тех, и у других — скромный, поэтому так важно, что здесь, в Москве, возник центр по подготовке катехизаторов, который имеет филиалы и в других городах на территории всей Российской Федерации.

Помимо этой основной катехизаторской миссии нужна катехизация в более широком смысле слова. Я надеюсь, что центр Общества Иисуса в

Москве играет в этом не последнюю роль. Здесь люди могут встретиться, побывать на конференции, посвященной проблемам веры и религии. Такого типа центр дает возможность русским - католикам и православным - заметить, что католическое богословие, в противоположность православному, развило то, что мы называем социальным учением Церкви. То есть то, чего у них здесь нет и что они считают излишним. Если бы началось гармоничное сотрудничество между православной и католической Церковью, обеим Церквям было бы чем поделиться: они могли бы познакомиться с католическим социальным учением, а мы, католики, могли бы научиться ценить молитвенную сторону веры. В православии это очень подчеркнуто, чтобы не сказать больше: временами оно ограничивается лишь молитвой, причем молитвой не вдумчивой, не медитативной, а лишь изустной.

— Кроме социального учения, могли бы в России найти благодатную почву какие-либо иные идейные течения католицизма? Я имею в виду христианский персонализм, философию ценностей, вообще всю ту идейную сферу, которая в Польше представлена кругом «Тыгодника повсехного», журналов «Знак» и «Вензь».

— Несомненно. Хотя должен сразу оговориться, что речь идет об узком круге восприятия. Центры Общества Иисуса в Москве и в Новосибирске безусловно создаются с ориентацией на университетскую среду. Образованные люди очень нуждаются в контактах с западной философией и западным богословием. Надо отдавать себе отчет в том, что это будут скорее небольшие группы.

Не стоит строить иллюзий. Католическая Церковь в России всегда будет Церковью меньшинства. Кроме того, сознание людей на этой территории сформировано православием — это касается и католиков. Поэтому не следует просто импортировать западные формы религиозного культа. Местным католическим общинам нужны формы религиозного выражения, соответствующие складу ума и чувствам живущих здесь людей. Формы, которые как бы произрастают из местной почвы.

Ясно, что многие формы в католической Церкви имеют вселенский характер и не следует их менять, но есть множество нюансов, которые позволят не ущемить гордости этих людей, гордости, которая и без того часто перерождается в националистическую ограниченность и ксенофобию. Республики бывшего Советского Союза неизбежно должны пройти через эту фазу. Они должны вдоволь нарадоваться своей свободе и суверенитету...

— А населяющие их народы — обрести свой национальный облик. Как вы оцениваете положение в католической Церкви, действующей на этой территории, с точки зрения постановлений II Ватиканского собора? Не кажется ли вам, что коль скоро и в Польше в этой сфере остается сделать еще очень многое, то уж здесь-то придется начинать с самого начала? Как местная католическая Церковь могла бы трансформироваться из иерархической в Церковь всех верующих?

— Я сформулировал бы это несколько иначе. Суть в том, чтобы, не ограничиваясь лишь институциональной формой католицизма, развить у людей чувство причастности к Церкви. В этой области еще многое предстоит сделать — кстати, не только в России. Надо отметить, что на территории бывшего СССР налицо довольно широкая дифференциация, если сравнить различные действующие здесь католические центры. Там, где удалось сохранить преемственность веры, она перегружена традиционными средствами проявления религиозности, молитвами типа розария, литании, вечерни. Все остается так же, как было до II Ватиканского собора, и нередко сводится к этим формам. Хочу решительно подчеркнуть, что я не критикую, а описываю фактическое состояние. Нередко те самые формы, которые позволили сохранить веру, становятся своего рода бременем, особенно для молодежи.

Я считаю, что не надо с водой выплескивать и ребенка, перечеркивая традиционные религиозные формы, как это делают некоторые священники из Польши. Больше пользы будет, если эти формы обогатить новыми, вводя их с ориентацией на молодое

поколение. Я имею в виду формы не только более привлекательные, но прежде всего воспитывающие. В Иркутске не было бремени традиции. Служащий там священник приступил к работе с людьми образованными, перед которыми проблема веры встала как проблема личная. Этот священник смог вводить новые формы проявления веры. В других местах сделать это гораздо труднее.

Приведу почти анекдотический пример. В одной деревне под Целиноградом священник призвал верующих соблюдать по пятницам пост, воздерживаться от мясной пищи. Одна из присутствовавших женщин, полька, упрекнула священника в неосведомленности: ее учили, что поститься надо по средам, пятницам и субботам. Она — свое, а ксендз — свое. Думаю, так они и расстались, не переубедив друг друга, на основании чего можно полагать, что еще некоторое время в католической религиозной жизни на этой территории будет сохраняться определенная двойственность. Это касается в основном польских и немецких общин. В некоторых азиатских приходах немецкие священники не позволили установить алтари лицом к прихожанам [как предписывает литургическая реформа II Ватиканского собора — *Ред.*]. Иногда это следствие традиции, а иной раз — просто традиционализма. Представитель литовских иезуитов специально ездил в Среднюю Азию, чтобы убедить одного из местных приходских священников, что II Ватиканский собор не был еретическим. У этого священника были отчетливые лефевристские настроения [французский кардинал Лефевр, ныне покойный, возглавил французских католиков-традиционалистов, не признавших ряда решений собора. — *Ред.*], и в этом духе он воспитал прихожан. Некоторые священники, руководствуясь своими пристрастиями, сумели, например, убедить верующих в том, что священник, курящий табак, совершает самый тяжкий грех, какой вообще может совершить духовное лицо.

— Много говорят о религиозном возрождении в России. Действительно ли это явление столь широкомащтабно и глубоко, как это представляет западная печать? Я сам сталкивался скорее с безразличным отношением к религии, независимо от того, кем называл себя мой собеседник — православным, мусульманином или иудеем.

— Это безразличие — одно из последствий коммунистической эпохи. Мне не кажется, что сейчас есть основания определять происходящее на территории бывшего Советского Союза, как религиозное возрождение. Да, конечно, люди принимают крещение, но вероисповедная практика оставляет желать много лучшего. Это относится и к Польше. Очевидные деформации в сфере нравственности — результат опустошений, произведенных коммунизмом. До войны поляки не воровали так, как сейчас. Во времена коммунизма кражи на производстве оказались возведены в ранг национальной добродетели. То же самое, если не хуже, — в России. Другая проблема, о которой мне говорят русские, — вопросы половой этики супружеской жизни, аборт. Этика труда деградировала. Должно пройти время, прежде чем люди поймут, что верить — значит жить по законам веры.

«WIEŻ»

Печатается с сокращениями

Беседу вел Мариуш Сельский

Андрей Базилевский

«НЕВОЗМОЖНОЕ НЕИЗБЕЖНО»

Всякий поэт — священнослужитель. Он ищет связи с неведомым, принимает тяжесть мира и разделяет его боль. У Яна Твардовского — поэта, который в 33 года стал священником, — это единство особенно крепко и гармонично. Ему, выпускнику естественно-математической гимназии, университетскому филологу, солдату Армии Крайовой, путь указала война: на фоне горя теряло смысл все, кроме веры. Таким, как он, нет покоя. «Господи, я не достоин сна» — он просит бессонницы, чтобы больше успеть. Поэзия Твардовского созвучна его деятельной человечности. Он — воин-добротворец, ратник Божий.

Сразу после рукоположения Твардовский был законоучителем в школе для детей-инвалидов — физически обделенных, но духовно зрячих. Его испытующий взгляд — это и взгляд ребенка. Есть у Твардовского книга стихов, иллюстрированная детскими рисунками. И эти картинки — более чем впаад. Он ведь и сам «верит Богу как дитя». И сам, как дитя, изумлен и восхищен чудом жизни, доверчиво благодарен необъятному миру. «Знаки доверия» — называлась одна из первых книг отца Яна. «Не бойся любить», «Не грусти» — не устает он призывать другими книгами.

Его поэзия раскрывает подлинную жизнь — без иллюзорных и суетных целей. Мягко, с улыбкой, словно невзначай, мимоходом, он, говоря о простом, приобщает к сокровенному. Не пугает риторикой, не поучает, не давит архаизмами. Это стихи вполголоса, вне патетики. Они не врываются, а тихо и прочно входят в душу. Поэт мыслит конкретно и афористично, обходится без «высоких каблучков метафор». Его заботит правда. Он — из тех, кто творит новый язык религии. Вот то самое дело, без которого вера мертва.

«Я пришел не затем, чтобы вас обратить в свою веру» — так он назвал свое избранное. Вот уже скоро три четверти века он «еретически» пытает религию мирскими парадоксами. Богословие и все, что с ним связано, — для него лишь часть реальности: даруя читателю-прихожанину духовное укрепление, он не требует от него ни единомыслия, ни аскетизма. Поэзия Твардовского лукава, стоически мудра и неоднозначна. Не только пастырь, отец-наставник, но и грешный, страдающий человек, он воспитывает красоту души, заражая тем, как сам видит мир.

Поэзия — общий дар, говорит Твардовский. Это слово «ничье и для всех», «пространство, в котором каждый мог бы отыскать себя». Особость его почерка — в возвращении к евангельской простоте. Крупный, сильный образ, действенная недосказанность — стиль Твардовского-поэта. Он не приемлет выпренности. Владя всеми оттенками слога и звука, он выбирает строгую свободу верлибра. Несомненно, среди польских священнослужителей (не исключая и Кароля Войтылы) это самый неожиданный поэт, способный удивляться и удивлять.

«Научи меня быть меньше малого» — его заветная просьба. Он чужд тщеславия. Но книги Твардовского выходят огромными тиражами. О нем написано множество ученых статей. В контексте всеобщего признания и почитания значим лейтмотив его поэзии — мысль о тщетности толкований слова: «Бога легче всего найти / когда не пишешь о Боге».

о. Ян Твардовский

ВЕЧЕР ПОЭЗИИ ЯНА ТВАРДОВСКОГО В СМОЛЕНСКЕ

10 февраля 2001 г. в библиотеке смоленского римско-католического прихода прошел вечер, посвященный творчеству свящ. Яна Твардовского. Программа была подготовлена организацией «Дом польский»: ее председателем Станиславой Афанасьевой и преподавателем польского языка, журналисткой Анной Лапиковой. Были приглашены филологи — преподаватели смоленских вузов, проректор православной духовной семинарии, местные поэты и любители поэзии.

Звучали стихи в исполнении автора (в записи). О Яне Твардовском как о поэте и священнике рассказали настоятель прихода отец Птолемеуш и врач Зеан Каган (прочитавший и свои переводы). Стихи в русских переводах читали заслуженный артист России Николай Коншин и Любовь Лымарь. С рассказом о поэзии Твардовского и чтением стихов в своем переводе выступил приехавший из Москвы Андрей Базилевский; он привез в подарок смолянам книги польских поэтов, выпущенные издательством «Вахзар».

Учащиеся школы польского языка Саша Таниюкевич, Дима Анощенко, Ксения Луканина, Сережа Никитин и другие читали стихи Твардовского по-польски и в переводах Анны Лапиковой.

*Материал предоставлен
«Домом польским» в Смоленске*

Веру не подменить знанием: «Бог слишком велик, чтоб уместиться в голове». Поэзия Твардовского — выражение христианства, освобожденного от того, что он назвал «терроризмом понятий». Он не излагает догмы, не истолковывает мир, но опознаёт его. Не создает знаки веры, а верует. «Веровать значит верить / и когда чудес не бывает»: прозревшему не нужны аргументы.

Отец Ян Твардовский говорит о себе, что он не поэт, а «священник, который пишет стихи». Слову «поэзия» он предпочитает слово «стихи»: оно ближе к земле, «не задирает носа и ходит пешком». Дерево его поэзии корнями прорастает в пульсирующую ткань жизни. В вертограде земном на всякой твари отблеск благодати и все достойно имени. Оттого поэт так тщательно подробен в запечатлении бытия. Для него Бог — не только Бог человек, но и кленов, незабудок, божьих коровок, скворцов, поросят... В пестроте природы раскрывается мир, выражающий волю Творца.

Поэт, замороженный драмой жизни, смиренно и благодарно прикасается к тайне творения. Заповедь Яна Твардовского — «писать такие стихи, которые помогают улыбаться и любить». По его разумению, поэт призван видеть мир ясно — не в трагическом конфликте, а во взаимодополнении противоположностей. Зримое определяет грань незримого, и лишь в парадоксе постижимо то, что превыше разума. «Вера непрочна / когда нет неверия». «Даже Бога который был бы похож только на Бога / не существует». Так в полноте видения сближаются сущности, разлученные логикой.

Совпадение имени поэта с именем легендарного «польского Фауста», чернокнижника Яна Твардовского, похоже на уравнивающую антитезу. Не гордыней и ревностью, не оккультными экзерсисами — но любовью, отзывчивостью, человечностью своей священник и поэт участвует в вечном чуде возрождения добра. Его работа на земле — заклятье мрака. Здесь глубочайшее смирение перед тайной в сочетании с неумной пытливостью. Здесь ключ ко многому, что кажется трагически неразрешимым. И даже: «Слава Богу есть смерть / чтоб нам узнать еще больше».

Поэзия Твардовского учит радоваться каждому мигу бытия и примечать знаки вечности, готовит душу к встрече с неведомым. Прощая человеку слабость, поэт напоминает: «Главное в жизни — не мешать Богу действовать через тебя». Везде на пути своем он встречает «улыбку Господа Бога», все у него пронизано мягким юмором нежданных сопоставлений. На его лице невозможна гримаса желчной иронии. И точно так же в его стихах нет ханжеской набожности, «формального» христианства. Им чужда клерикальная риторика.

Его стихи — запечатленное созерцание, молитва, сердечный разговор, по-детски искренний и простодушный. Это, по словам С.Аверинцева, стихи «умные и в то же время тихие, наделенные завидным иммунитетом против позы и фразы». Они адресованы всем, кто умеет удивляться, — верующим и неверующим (а веруем ли мы — знает только Бог). За пеленой внешнего Ян Твардовский видит вечную драму выбора. Он не дает забыть, что по вольной воле каждый может либо стать собою, либо предать себя. Вечность всегда с нами, говорит поэт, надо только жить, помня об этом, тогда и откроется то «невозможное», которое «неизбежно».

...Честь Вам и многая лета, дорогой отец Ян. Будьте здоровы, и пусть Ваш маленький сад посреди камней города расцветает и радует Вас, как радует и укрепляет многих Ваше слово.

Ян Твардовский

Перевел
Андрей Базилевский

ОЧЕРЕДЬ В НЕБО

СХОДСТВО

Эй любовь похожая только на любовь
правда похожая только на правду
счастье похожее на счастье
смерть похожая на смерть
сердце похожее на сердце
мальчишка у которого рот до ушей
похожий на меня каким я был когда-то

перестаньте вы наконец валять дурака
даже Бога который был бы похож только на Бога
не существует

УВЕРЕННОСТЬ В НЕУВЕРЕННОСТИ

Спасибо Тебе за то
что Ты не договаривал недосказанного
не заканчивал неоконченного
не доказывал недоказуемого

Спасибо Тебе за то
что Ты был уверен в том что ни в чём не уверен
верил в возможность невозможного
и не знал ответа на вопрос что дальше
спасибо за то что слёзы Тебе подступали к горлу
за то что Ты был такой как есть
и не сказав ничего столько сказал мне о Боге

ОЧЕРЕДЬ В НЕБО

Не всё сразу
сначала ты должен казаться святым
но не быть им

потом ты не должен ни быть
ни казаться святым
а в самом конце — стань святым
но не подай и вида
только тогда
ты будешь похож на святого

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Если бы у каждого было по четыре яблока
если бы каждый был силён как бык
если бы все были одинаково беззащитны в любви
если бы у каждого было то что есть у другого
никто никому не был бы нужен

Спасибо Тебе за то
что Твоя справедливость в неравенстве
то что есть у меня и то чего нет
даже то что мне некому дать
всегда кому-нибудь нужно
ночь существует чтобы наступил день
тьма чтобы светили звёзды
есть последняя встреча и первая разлука
мы молимся потому что другие молчат
умираем за тех кто умирать не хочет
любим потому что у других остыло сердце
и если одно приближается к нам другое от нас всё дальше
неравные нужны друг другу
вместе легче понять что каждый существует для всех
легче увидеть целое

НА ФОНЕ БОЛИ*

На фоне боли
 на фоне крови стекающей в ров
 на фоне ребёнка умершего от голода
 Христа которого прикладом гонят в лагерь
 как вульгарна красота
 как аморальна церковь с изящным букетиком на алтаре
 как беспардонны
 рифмованные
 гладко прилизанные
 стихи

НЕ НАДО

Не посыпайте религию сахаром
 не подчищайте ластиком
 не обряжайте в розовые тряпки
 ангелов парящих над войнами
 не отсылайте верующих к лазейкам комментариев
 Я пришел за утешением — не за тарелкой супа
 хочу наконец преклонить голову
 у камня веры

РАСКАЯНЬЕ ОТШЕЛЬНИКА

Я был так занят собой ждал
 чтоб никто не пришёл ко мне
 всегда просил только один билет — для себя
 мне даже сны не снились
 ведь спят для себя а видят сны для других
 я плакал непрофессионально
 для плача нужны два сердца
 Бога защищал так рьяно что дал по морде человеку
 думал у женщины нет души а если есть то три четверти
 в сердце устроил тайную радиостанцию
 передававшую только мою программу
 приглядел себе малометражку на кладбище
 начисто забыв что в небо возносятся парами а не гуськом
 даже скромняга ангел и тот не стоит отдельно

ВЕРЮ

Верю в радость ни с того ни с сего
 в ангела павшего с неба чтоб
 поиграть в снежки
 в сердце которому нужно всё и еще
 чуть-чуть
 верю в улыбку
 над тем кто придумал конец концов
 а потом ещё спрашивает «зачем» и
 «что дальше»
 в мать исчезающую за калиткой сада
 в истинного Бога
 чьё бытие не требует доказательств
 в Бога который терпеть не может о
 себе теорий

БОЛЬШЕ НИЧЕГО

«Бог мой» написал он. И
 зачеркнул подумав
 настолько же мой насколько я
 згонист
 Написал «Бог людей» но
 прикусил язык вспомнив
 что ещё есть ангелы и камни
 похожие в снегу на зайцев
 Наконец написал просто «Бог».
 Больше ничего
 И то написал слишком много

СВЯТОЙ НЕДОТЁПА

Он любил — никто не хотел его
спешил — но никто не ждал
он стучался — открывал другой
бежал распахнув своё сердце — дорога оборвалась
он всё тосковал о ком-то у калитки сада
— не любит плюнет пошлёт
гадали ему по ромашке

и было вокруг так пусто
будто только ради приличия
мир ему обронил
во веки веков аминь

ПРИЯТНО*

Приятно встретить старую беду
— слушай старуха — сказать
— да что с тобой такое
похорошела
не хлюпаешь носом
уже не похожа на чёрта хмурого от рожденья
раны затянулись
дожди тебя приумыли
в этакую ведьму и влюбиться недолго
пока сам живой

СПАСИБО*

Спасибо Тебе за то, что у Тебя были руки, и ноги, и тело
за то, что Ты был дружен с грешной Магдалиной
за то, что Ты взашей прогнал торговцев из храма
за то, что Ты не был числом равнодушным и совершенным

Стихотворения Яна Твардовского в переводе на русский язык составили внушительную часть книги «Польская поэзия: XX век. Антология». [Т.1.] Вислава Шимборская, Ян Твардовский, Збигнев Херберт, Тымотеуш Карпович, Томаш Глюзинский. М.: Вахазар, 1993. - (Коллекция польской литературы.) Большая часть текстов приводится по этому изданию. Стихотворения, отмеченные*, впервые публикуются в русском переводе. (Ред.)

Станислав Грабовский

СВЯЩЕННИК ЯН ТВАРДОВСКИЙ — ПОЭТ

Круг его верных читателей — десятки тысяч людей. В Польше, где половина населения не покупает в год ни одной книги, — это феномен, загадка на грани метафизики. Чем объяснить такую необычайную популярность автора, который обрел славу уже как poeta emeritus*?

Поэзия отца Твардовского на первый взгляд кажется, можно сказать... несложной, легкой и приятной. Но читаешь ее вновь и вновь, и всякий раз перед тобой открываются новые значения. Это стихи о Боге, о наших с Ним отношениях, и в то же время о человеке, о его сомнениях, колебаниях, страхах, искушениях, чувствах. Поэзия эта ставит перед нами множество вопросов, на которые не может быть категорических ответов.

Известна ли поэзия о. Яна на русской языковой территории? Несомненно, существование этой поэзии — не секрет для знатоков польской литературы, однако на русском литературном рынке до 90-х ее просто не было. Положение отчасти изменил первый том антологии «Польская поэзия: XX век», выпущенный в 1993 г. московским издательством «Вахазар» под редакцией Андрея Базилевского. Скромно изданная книга знакомит русского читателя с творчеством пяти поэтов: Яна Твардовского, Виславы Шимборской, Збигнева Херберга, Тымотеуша Карповича и Томаша Глюзинского.

Избранное Яна Твардовского под заглавием «Очередь в небо», вошедшее в антологию, охватывает 127 стихотворений 1937-1993 гг. и имеет, по замыслу составителя, репрезентативный, целостный характер. Русский язык хорошо передает мысли и незамысловатый с виду стиль поэта. В сборник включены и такие известные произведения, как «Спасибо Тебе за то что Ты есть...», «Признание», «О улыбке во храме», «Справедливость», «Вечность», и те, что менее популярны, но столь же интересны.

Переводы Твардовского для этой книги сделали Сергей Аверинцев, Андрей Базилевский, Анатолий Гелескул, Георгий Ефремов, Марина Осмоловская. В целом — удачное вступление на русский рынок автора, который до этого за границей был известен в основном на Западе.

Парадоксально, но связи Яна Твардовского с русской литературой до сих пор совершенно неизвестны, никто никогда ими не занимался. А стоило бы. Правда, тогда пришлось бы полистать, к примеру, подшивку «Кузни молодых», довоенного журнала гимназистов, где Ян Твардовский дебютировал в 1932 г. и с которым он был связан почти до конца существования журнала. Там, быть может, с некоторым удивлением, мы обнаружили бы, скажем, стихотворение «Восток» (вновь опубликованное лишь в 2000 г. в книге «Мамина тетрадка»), где есть и такой фрагмент:

*А на лугах колышутся деревья,
всё как вчера, как раньше, как в России,
вьется лозою вечер... но Он не придет...
нет Его... и откуда Он...
по ночам, словно ветви,
из тихих церквей вырастают кресты золотые,
наклоня пруды при дороге
к серебряным ликам скорбных икон***

Увлеченность русскими поэтами открыл в юношеской лирике Твардовского мэтр «второго авангарда» Юзеф Чехович. В рецензии на его книжный дебют «Возвращение Андерсена» (1937) Чехович заметил:

* Заслуженный, в почтенном возрасте, поэт (лат.). — Пер.

** Здесь и далее стихи — в переводе А.Базилевского. — Ред.

«Спокойствие — чуть-чуть русское, слегка окрашенное всеединством («все едино»), напоминает тональность некоторых стихов незабвенного Александра Блока и сказок Андерсена, стоящих вопреки тому, что пишется об их тенденциозности, вне добра и зла (томик Твардовского даже назван «Возвращение Андерсена»), и выражается это не только в пейзаже, который служит поэтическим предлогом, но и непосредственно, в форме рефлексивных высказываний».

Напомним: Ян Якуб Твардовский родился 1 июня 1915 г. в Варшаве, в семье железнодорожника Яна Твардовского и Анели Марии, урожд. Кондерской. Несколько недель спустя, по распоряжению русского начальства железных дорог, его семье, как и тысячам других жителей Царства Польского, пришлось выехать в Россию — шла I Мировая война. Когда они покидали столицу, в предместья уже входили первые немецкие части.

Через три года семья Твардовских вернулась в Польшу и поселилась в Варшаве на улице Электральной. Окончив начальную школу, маленький Янек с 1927 г. учился в естественно-математической гимназии им. Тадеуша Чацкого. В 1935 г. получил аттестат зрелости. Профиль школы — быть может, благодаря тому, что там были замечательные учителя-словесники, — не помешал Твардовскому в развитии его гуманитарных дарований. В начале 1932 г. Ян начал сотрудничать с журналом «Кузня молодых», где поместил более десятка стихотворений, вел рубрику «Литературный справочник», публиковал рассказы, интервью с писателями, статьи, очерки. Это был важный этап его творческого становления, хотя теперь поэт пренебрегает своими ранними текстами.

Сразу после гимназии Ян Твардовский начал учебу на факультете польской филологии Варшавского университета и незадолго до войны окончил его. В 1937 г. книжная лавка Ф.Хёзика тиражом 40 экземпляров отпечатала его первый сборник «Возвращение Андерсена»; ныне это раритет (репринт, изданный LSW в 1999 г., вызвал большой читательский интерес). Автор, высоко ценивший поэзию Ю.Чеховича (он сам о своем книжном дебюте говорит: «Это был томик весьма чеховичевский»), послал ему эту книгу, благодаря чему в посмертных бумагах мэтра отыскалась цитированная выше рецензия на стихи Твардовского под названием «Спокойствие и беспокойство» (в 1972 г. опубликована Тадеушем Клаком в книге «Созидающее воображение»).

После начала войны поэт остался в Варшаве, участвовал в подпольном движении. В Варшавском восстании сражался на Воле (район Варшавы. — *Пер.*), был ранен, лечился в повстанческом госпитале, а после поражения, как и десятки тысяч варшавян, скитался по тогда еще оккупированной стране. Одно время он жил под Радомом и именно там — как свидетельствует, в частности, его письмо к поэту Яну Болеславу Ожугу — окончательно решил посвятить себя служению Богу и Церкви. Из стихотворения, напечатанного в подпольном «Месенчнике литератком» в мае 1943 г., можно сделать вывод, что уже тогда у Твардовского установилась с католической Церковью тесная связь.

В конце войны он поступил в духовную семинарию в Чубине под Блонем, а в августе 1945-го вместе с другими семинаристами был переведен в Митрополицию духовную семинарию Иоанна Крестителя в Варшаве. Одновременно приступил к изучению богословия в Варшавском университете. В январе 1948 г. он защитил магистерскую диссертацию, посвященную поэме Юлиуша Словацкого «Час мысли», а несколькими месяцами позже, 4 июля, был рукоположен в сан священника.

Духовное служение Ян Твардовский начал приходским викарием в Прушкове-Жбикове под Варшавой.

вой, где оставался три года. Писать не прекращал — ни в семинарии, ни в Жбикове. Тогда были созданы произведения, которые со временем вошли в «канон» его поэзии, например, цикл «Над старой Библией», впервые опубликованный в «Тыгоднике повсехном» № 11 за 1951 год.

Следует подчеркнуть, что стихи свои, хоть и редко, но с 1946 г. довольно регулярно Твардовский публиковал в краковском «Тыгоднике повсехном». Сразу после войны он печатался также в катовицкой «Одре» (первое стихотворение подписал собственным именем, остальные — псевдонимом «Антоний Деркач») и «Тыгоднике варшавском», ликвидированном новой властью в 1948 году.

В 1951-м отец Ян вернулся в Варшаву. Был викарием в церкви св. Станислава на Жолибоже, затем в церкви Матери Божией Неустанной Помощи на Саской Кемпе, в церкви Всех Святых на Гжибовской площади. С 1948 г. он исполнял также обязанности законоучителя в специальной школе в Прушкове и детском доме в Кошайце, в варшавской гимназии им. А.Совинского на Воле, а позднее — в лицее св. Станислава, которому Варшавская курия дала статус подготовительного факультета Высшей митрополичьей духовной семинарии. В 1959 г. Твардовский стал настоятелем церкви сестер визитанток и оставался им вплоть до пенсии. Краковское Предместье, 34 — до сего дня его адрес. Туда приходят письма от читателей, туда направляют свои стопы друзья и любители его творчества, которое со временем расширилось, включив в себя комментарии к Евангелию, проповеди, предисловия к поэтическим книгам, статьи, рецензии, произведения для детей и даже переводы.

В 1959 г., благодаря помощи Ежи Завейского, вышла первая книга Яна Твардовского, скромно озаглавленная «Стихотворения», — под одной обложкой со стихами другого священника, Павла Хайнча.

Эта, ныне уже легендарная книга, изданная познанскими палотинами, снискала положительные отзывы критики и признание читателей. Читателей поначалу было немного. Цензура следила за тем, чтобы пресса, контролируемая партийным концерном «Праса-ксёнжка-рух» (аналог советской «Союзпечати»). — *Ред.*), не печатала религиозных стихов. Долгие годы отец Ян мог публиковаться только в католической периодике, поэтому известность и слава не могли сопутствовать ему изначально.

В 1970 г. в католическом издательстве «Знак» увидела свет вторая книга — «Знаки доверия», которая через год по настоянию читателей вышла вторым изданием (по тем временам — событие). Это был том зрелых стихов, свободный от недостатков первого сборника: так и хочется сказать — хербертовский. Книгой «Знаки доверия» в польскую поэзию XX века вошел автор, безусловно владеющий поэтическими средствами, а главное — твердо знающий, в чем его задача: «творить новый язык веры». Дружившая с поэтом Анна Каменская писала по прочтении «Знаков доверия»: «Перед каждым поэтом стоит некая задача. Как только он отыщет свою задачу и начнет ее выполнять — его поэзия тут же становится динамичной и подлинной». Нечто подобное произошло и с отцом Твардовским. Его стихи стали появляться в светских антологиях. Поэта приглашали высказываться в журнале «Поэзия», о нем делали радиопередачи.

В начале 70-х слава Яна Твардовского вышла за пределы Польши. Первые переводы его стихов были опубликованы в антологии Карла Дедциуса «Worte in der Wüste», а через несколько лет «Знаки доверия» перевел энтузиаст этой книги

доктор Альфред Лепфе. После немецких появились переводы на английский, а со временем — на русский, белорусский, украинский, болгарский, словацкий, албанский, иврит, венгерский, французский, итальянский, голландский, финский, эсперанто и другие языки.

В 1973 г. в среде учителей Закона Божия и родителей произвела фурор книга отца Твардовского «Тетрадь в клеточку. Беседы с детьми и не только с детьми»; подряд вышли два издания, а в период военного положения — третье, факсимильное. Это чтение для всех — о Боге, Матери Божией, Иисусе Христе, вере и молитве, где особенно ценен ее язык. Вот как писал о «Тетради» Станислав Зелинский: «Удивительная книга, уже через несколько предложений она поражает и восхищает ясностью мысли, простотой формулировок, точностью бережно употребленного слова».

В 1979 г. в издательстве LSW («Народном издательском кооперативе») вышел том «Избранной поэзии» Яна Твардовского, получивший премию ПЕН-Клуба. Изданный в 1982-м, опять-таки в LSW, сборник «Счет взрослому» принес еще одну премию и дальнейший рост интереса к поэту. Это было началом того, что годы спустя назовут «настоящим разгулом твардовщины». У поэта по-прежнему были трудности с цензурой, но читатели терпеливо ждали его новых стихов, которые время от времени можно было найти не только в «Тыгоднике повсехном», «Пшеводнике католицком», католическом журнале «В дрозде», но и в «Литературе», «Поэзии», «Творчости».

В 1986 г. вышло большое избранное Яна Твардовского — «Я пришел не затем, чтобы вас обратить в свою веру»; к 2000 г. оно выдержало чуть ли не десяток изданий (проверить не так легко) — таким образом, на сегодня разошлось примерно полтораста тысяч экземпляров этой книги! Даже наши нобелевцы Чеслав Милош и Вислава Шимборская не могут рассчитывать на такие тиражи. А с тиражом этой книги Твардовского может соперничать лишь тираж книги для детей «Прутья и прутики» (первое издание в 1987 г.), написанной... опять-таки отцом Яном. Настоятель, воспитатель, законоучитель, проповедник, выступающий перед детьми... У отца Твардовского богатейший опыт катехизаторской работы с детьми и молодежью. Собственные поэтические и прозаические тексты не однажды помогали ему в этой работе. Так одна за другой рождались книги «Дети на Крестном пути», «Прутья и прутики», «Каштан для миллионера», «Кубок с одной ручкой», «Отец Ян Твардовский — детям», «Два ослика», «Не только ворона ходит удивленно», «Сколько солнца в подсолнухе?»...

Вот уже добрых два десятка лет популярность его поэзии стремительно растет. Но вряд ли кого это удивляет больше, чем самого автора, человека скромнейшего из скромных, священника, который считает необходимым пояснить, что писание для него — «все же некая аномалия» и он «может себе это позволить только на отдыхе».

Как измерить весомость сказанного поэтом, который умеет растрогать сердца закоренелых грешников, как пройти равнодушно мимо его главной идеи, которая проще простого: «Я, священник, верю Господу Богу, как дитя».

Господь Бог, «стократ святой, крепкий и улыбчивый», для отца Твардовского не поспешил на талант. Анна Каменская даже назвала отца Яна «придворным поэтом Иоанна XXIII» — однако не против ли воли самого Твардовского? Он называет себя духовным лицом, слугой алтаря, учителем Закона Божия, проповедником, исповедником, а будучи в хорошем настроении, замечает, что... иногда пишет стихи.

И никогда он не заботился об официальном признании своего творчества, не записывался ни в какие союзы. Всего лишь несколько лет назад получил членский билет Объединения польских писателей.

Пожалуй, первыми феномен его поэзии попытались разгадать журналисты, искавшие названия для своих текстов о Твардовском. Таких названий было найдено немало: «Лучший религиозный поэт сегодняшнего дня», «Поэт улыбающегося Христа», «Первый поэт среди священников», «Пастырь и поэт малых мира сего», «Несравненный мастер остроумных концовок», «Один из крупнейших современных польских поэтов», «Благодетель польской лирики», «Большой поэт малых слов»...

Однако титулы, присвоенные отцу Яну, не слишком приближают нас к тайне его поэзии — ими не объяснить, почему около двух миллионов людей самых разных профессий и в возрасте от десяти до ста лет купили его поэтические книги? Почему в прошлом эти книги частенько пропадали из библиотек, почему читатели их переписывали и они ходили по рукам в зачитанных рукописных и машинописных копиях? Почему их чтение (или встреча с автором в сутане) объединяет всех — без различия возраста, образования и вероисповедания?

Очевидно, важнее всего — высокий артистизм этой поэзии, ясный и чистый кодекс ценностей, который она предлагает. Тоска по нерушимым принципам и то, что нет противоречия между позициями священника и поэта, — а именно в этих ипостасях прежде всего воспринимают Яна Твардовского.

Отец Ян идеально воплотился в двух труднейших, имеющих огромное прошлое ролях. Поэтому, как мало кто другой, он имеет моральное право на оба почетных титула. Ему безоговорочно верят *на слово* — и как священнику, и как поэту. Он вправе давать оценки, выносить приговоры, порицать и хвалить — это право дано ему полной трудов жизнью, посвященной Богу и людям, а также литературе, — пишу это с трепетом, ибо отец Твардовский с уничижением относится к своим литературным успехам, ему чуждо тщеславие художника.

И самое важное: Твардовскому никогда не приходилось отречься от того, что он написал, говорить что-нибудь вроде: «Простите, я ошибся». Немного в современной польской литературе авторов, для которых стремление к истине и художественности были бы единственными критериями.

У отца Яна — как в Библии: «Но да будет слово твое: «да, да»; «нет, нет»».

Уже много лет его жизнь пастыря, который время от времени пишет стихи, воспринимается как... житие святого. Поэт Чеслав Мирослав Щепаняк записал такой случай, рассказанный отцом Адамом Бонецким: «Когда-то, много лет назад, — я, кажется, еще даже не был клириком, а может, и был, не помню, — стоял я на улице Краковское Предместье с отцом Бозовским, моим духовником. Мимо, прошелестев сутаной, проехал на велосипеде отец Твардовский, которого я тогда не знал. И Бозовский сказал: «Смотри, святой на велосипеде проехал»».

В одном из тысяч писем, полученных отцом Яном, какая-то женщина писала: «Во здравие Ваше я ношу крапиву под рубашкой».

В его отношении к миру легко заметить нечто, что можно назвать героической наивностью — или наивным героизмом. Как в таких словах: «Я живу в прекрасном мире: грешники каются, атеисты жаждут уверовать, влюбленные любят, люди читают...»

Однако наивность и простота Твардовского временами бывает слегка коварна, в ней есть тонкая ирония (что было заметно еще до войны, например, в «Литературном справочнике» из «Кузни молодых»), хотя поэт всю жизнь с иронией в себе боролся. Может, потому он и не любит возвращаться к чтению советов, которые давал довоенным адептам поэзии.

Любого читателя, даже того, кто впервые читает его стихи, Твардовский поражает богатством тематики, интенсивностью, неподдельностью выражения. Он умеет признаваться в сомнениях и разочарованиях. Он разъясняет читателям, раз уж они следуют за ним как за пастырем, что путь к Богу — не гладкая автострада, а горная тропа, изобилующая крутыми поворотами и острыми камнями. Он неустанно напоминает, что важнее всего в жизни любовь, что без любви веры нет. Бывает, мы не соглашаемся с ним, стремимся

возразить, не хотим признать его правоту; особенное сопротивление и полемический импульс вызывает его необычайное смирение, заключенное хотя бы в таких словах: «У алтаря угасну искра вслед за искрой / останутся ботинки как стоптанное сердце».

Настоящего поэта узнают по сквозным мыслям, постоянным темам, метафорам, ключевым словам. В лирике Яна Твардовского таких слов немало: Бог, Иисус Христос, Мать Божия, вера, ангел, слеза, сон, богословие, любовь, одиночество, сердце, фотография... Полный список был бы очень длинным.

Обратим внимание на мотив Матери Божией. Поэт относится к числу ее горячих почитателей. В его поэзии то, что священо (Богоматерь), совершенным образом претворяется в земное (мать любого из нас), что свидетельствует о поэтическом мастерстве, о том, сколь глубоки размышления поэта и о материнстве Пресвятой Девы, и о материнстве всякой земной матери, которая здесь, на земле, в хлопотах у домашнего очага часто обретает святость, хотя даже не подозревает об этом.

В самом общем смысле, суть поэзии Твардовского — Бог и природа.

«Я верю не столько в Святую Церковь, сколько в Святую Церковь грешников», — поэт показывает: коль скоро мы пребываем в кругу божественного присутствия, бояться нам нечего. А где он, Бог? Твардовский пишет: «Я уж думал, увижу Тебя, великого, / а Ты подмигнул мне в поле, как простенький мак».

Поэзия, да и проза отца Яна (например, «Тетрадь в клеточку») населена «всякими неверующими деревьями» и цветами, а уж развернутый в ней bestiary так обширен, что попытка выписать все названия жучков, птиц и животных вряд ли увенчается успехом. Но важнее всего, пожалуй, вопрос: почему поэт так заботливо склоняется к миру природы? Что он хочет доказать точностью своих наблюдений в духе Милоша: «Ничего нельзя выразить иначе, нежели через деталь. Если есть деталь, надо открыть деталь в детали». Юмор, присутствующий в невероятном разнообразии и неповторимости природы, и вытекающая из этого уверенность в том, что «Бог так велик что он есть и его нет», — не единственные парадоксы этой лирики. Однако надо помнить и о том, что говорил поэт о своем творчестве — хотя бы на торжествах по случаю присвоения ему почетной докторской степени Люблинского католического университета (1999): «Некоторые видят в них [стихах] только божьих коровок, синичек и мотыльков. Но, пожалуй, эти некоторые видят слишком мало и не то, что нужно». Ему принадлежат и такие строки:

*Прекрасны леса и горы
и розы красой пленяют
но из чудес природы
я — лишь траву почитаю*

*Ни плодов ни колосьев
низенькая негустая
травка — моя сестричка
кармелитка босая*

«И выбежал я на луг», — читаем мы в другом стихотворении. А «луг» — разве не синоним... рая? Мы без труда обнаружим на лугу все, что видели наши библейские прародители: траву, деревья, камни, родник, растения, залитые солнцем, колеблемые ветром, расцветающие весной, а когда наступает зима — замирающие, по сути сокровенные, и вновь неизбежно возрождающиеся весенней порой, живущие в вечном движении, в трепете, шепоте, зове. Поэт все это видит во время летних вылазок на природу под Варшавой: в Глосков, Липково, Свинёпас, Каменчик...

С деревенским пейзажем Ян Твардовский накоротке с детства — и помнится ему: «на колокольне, как на восьмом этаже, / сидит щегол, одетый в кардинальский пурпур».

Как поэту удастся привести в движение весь этот мир природы, населенный и персонажами, к примеру, из мира Библии, — как он организует поэтическое слово?

Поэт Марек Скварницкий (выступавший в «Тыгоднике повшехном» под псевдонимом «Сподек») писал о поэтике Яна Твардовского: «Это свободный стих — нерифмованный, не разбитый на строфы, использующий пунктуацию от случая к случаю, чаще всего вовсе ею пренебрегающий, часто — стих

прозаизированный, поразительно ясный в своей ритмике простых интонаций, опирающихся на полные предложения, которые никогда не бывают стилистически вычурными или деформированными. То есть это стих, как принято говорить, «современный», и в то же время в нем нет словесных игр и выкрутасов, которые отличают деформированную, как правило, речь современной поэзии».

Критик Анджей Суликовский замечал, что Ян Твардовский чаще всего использует два типа высказывания: молитвословие и параллелизм, так называемое «перечисление». Однако, обращаясь к древней молитвенной традиции, он вводит в канон молитвословия новые мотивы. Возносится не общая единодушная молитва, а прежде всего личная мольба, просьба, важная для самого поэта, обретающая дополнительный смысл за счет того, что она оказывается в оппозиции известному читателям литургическому тексту, благодаря чему звучит свежо и неожиданно. Взять хоть те же известные строки, открывавшие книгу «Стихотворения» (1959): «Боже, стократ святыи, крепкий и улыбчивый...» («Мольба»)

Другая форма высказывания, к которой имеет склонность отец Твардовский, — перечень, наподобие считалки. Пример — стихотворение «Погоди»:

*Ах ты не веришь — любовь говорила
в то что при дипломе поглупеешь
что талант станет нудной обузой
что из двух зол можно выбрать третье
что можно существовать без денег
что перепелка селится в одиночку
что кора черемухи пахнет миндалем
что покойница как живая приходит во сне
в новой модной юбке с разрезом на боку
в то что у всякого лося жена лосиха
в лучшее худшее
в девочку со спичками
в небо и в ад
в дьявола и Бога
в квартиру через год*

*погоди вот я тебя шарахну
тут же во всё поверишь*

Стоит задаться и вопросом о поэтических средствах. Писатель, рожденный в «неволле», писатель, на чьих глазах до и после войны рождались поэтические школы и направления, чтобы затем умереть естественной или насильственной смертью, смотрит сегодня вполне отстраненно, если не скептически, не только на свой творческий путь, но и на современную литературу вообще. Он отвергает метафору, пользуется языком прямо-таки бедным, прозаизированным. Так же, как поэты прошлого — Стафф или Ивашкевич. Твардовский произносит *очищенное слово*, за которым — весь опыт минувшего столетия, вся мудрость священника, но и человека — одного из нас.

Он остается верен только парадоксу. О роли парадокса отец Ян высказывался не раз, подчеркивая: «Парадоксы по-человечески передают величие, немислимость Бога. Часто к Богу ведет то, что кажется абсурдом». Приведем некоторые из множества парадоксов, рассеянных по его лирике: «Знать всё — это не понять ничего», «Куда мы идем все вместе, чтоб умереть в одиночку», «Любовь — это одиночество, соединившее близких».

Вальдемар Смащ, один из знатоков поэзии Яна Твардовского, цитирует швейцарского богослова: «Не может быть иной любви, кроме надежды на единение всех людей во Христе. Такая безграничная надежда христианством не только дозволена, но и предписана, — а затем пишет: — Я убежден, что именно таким видением дел мира, человека и Бога, веры, надежды и любви, благодати и спасения обусловлено то, что поэзию отца Твардовского принимают самые широкие круги читателей». С этим нельзя не согласиться.

Лешек Шаруга

ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Можно спорить о том, когда точно закончился пээнеровский эпизод в истории Польши: одни назовут 4 июня 1989 г., когда прошли выборы в Сейм, другие — 22 декабря 1990-го, день, когда Рышард Качоровский передал Леху Валенсе президентские регалии, хранившиеся в эмиграции. Но одно не подлежит сомнению: с концом ПНР сопряжены важные перемены не только в политической, но и в культурной жизни Польши. Прежде всего кончилось разделение (особенно тягостное в литературе) на отечественное и эмигрантское творчество. Другой важный знак перемен — отмена цензуры. Наконец третий, тоже существенный фактор культурной жизни — возрождение провинции, а тем самым — децентрализация.

Как обычно в таких случаях, и критика, и читающая публика ожидала, что литература неким особым образом откликнется на перемены в общественной жизни. Не случайно на страницах литературного журнала «бруЛион» («черНовик»), возникшего в независимом издательском деле еще в середине 80-х, разгорелась дискуссия, лозунгом которой стал вопрос: «Не новые ли скамандриты?» Вопрос потому не случайный, что именно поэтов «Скамандра» считают теми, чье творчество после 1918 г. открыло историю литературы независимой Польши. После 1989-го часть критики сочла такой группой именно писателей, сплотившихся вокруг «бруЛиона», редактируемого поэтом Робертом Текели. В начальный период деятельности эти писатели бунтовали как против того, что можно назвать речью официальной, так и против того, что отличало речь оппозиционную. Чрезмерная насыщенность политикой, идеологизация обеих сфер культурной жизни — и официальной, и подпольной — раздражала молодых, провоцировала на шутовство, заметное и в их литературных произведениях, и в деятельности таких групп, как вроцлавская «Оранжевая альтернатива», чьи хэппенинги осмеивали не только власть, но и порой сверх меры напыщенное «ветеранство» «Солидарности». После 1918 г. скамандриты, говоря словами Яна Лехоня, декларировали, что весною им хочется встретить

весну, а не Польшу. Подобной реакции ожидали и от молодых писателей после 1989-го. И действительно, во многих младопозитических выступлениях декларировалось отмежевание от политической и исторической проблематики. Молодые не хотели Польши, не хотели политики, не хотели истории. А поскольку все внимание критики было сосредоточено именно на молодых, критика решила — похоже, поторопившись, — что вся современная литература от современной Польши отвернулась, занялась личными, частными делами, что самое существенное для нее — не великие общественные и идейные проблемы, а познание малой родины и демонстрация независимости от всего мира. Словно подтверждением этого диагноза стало опубликованное в «бруЛионе» стихотворение-манифест трех Мартинов: Барана, Сендецкого и Светлицкого, — в котором они отвечали старшему коллеге-поэту, сетовавшему, что они отделились от больших вопросов, прямо и жестко: «за окном ни х... нет идей». Демонстрации или скорее ребяческие выпады такого типа, с использованием вульгаризмов, желание морально шокировать — подобно, к примеру Мануэле Гретковской, снабдившей героиню своей прозы двумя клиторами, — вызывает ассоциации не с 1918 годом, а скорее с манифестациями младопольской литературы рубежа XIX-XX вв., которая первоначально ставила одной из своих целей вызвать шок у «мещанина». Вот только на нынешних «филистеров» эти избитые приемы впечатления, пожалуй, не производят. Точно так же не потрясла ни широкую публику, ни тем более профессионалов вышедшая в 1991 году антология молодой поэзии под названием «przyszli barbarzyńcy» (то есть и «варвары пришли», и «будущие варвары»).

Дело, в частности, в том, что сегодня настоящих филистеров уже нет. Или — еще нет. А потому и «варвары», которые вроде бы должны им угрожать, попадают не в цель, а мимо. Старшее поколение, кажется, более точно оценивает ситуацию. Тут хороший пример, с одной стороны, поэзия Тадеуша Ружевица, а с другой — проза

Писатели «бруЛиона» на фотографиях Войцеха Вильчика

Мартин Светлицкий

Мартин Баран

Мартин Седлецкий

Мануэла Гретковская

Тадеуша Конвицкого, прежде всего роман «Чтиво», которым этот выдающийся писатель приветствовал обретение независимости. В обоих случаях мы имеем дело с изображением деградировавшего мира, лишённого внутренних связей, атомизированного. Современный сад, где можно встретить Сына Человеческого, в стихотворении Ружевича выглядит ужасающе:

*я увидел его в парке
между голым деревцом
привязанным к колышку
жестянкой от пива
и гигиенической прокладкой повисшей
на кусте шиповника*

(«Я видел Его»)

В этом мире Сын Человеческий — ханыга со свалки, лежащий на скамейке в парке, — вызывает отвращение:

*я уходил в замешательстве
ретировался
бежал
дома я умыл руки*

Герой стихотворения повторяет жест Пилата, он не хочет принимать на себя ответственность за этого человека, отворачивается от него, бросает его, поскольку приходит к выводу, что

*человек — это несчастный случай
отход производства
природы
человек
это ошибка*

— а пользуется этот человек «словом которое жжет/калечит заражает». То, что когда-то имело форму и цвет — а оно имело форму и цвет в мире ушедшем, каким он был до рождения современности, — теперь превратилось в бесформенную магму, в размазанное нечто, уже известное нам по роману Ежи Анджеевского «Месиво». Просто теперь, когда лопнули связи системы, которая прежде маскировала реальность, убожество человечества обнаружилось во всей своей полноте.

Именно так, а не иначе выглядит мир и в романе Конвицкого. «Чтиво» провоцирует уже самим своим названием. Повествователь словно говорит нам: вы не хотите литературы, и она вам не нужна, довольно с вас и чтива. И Конвицкий пишет свое чтиво, историйку с приключенческим сюжетцем, с вплетенным в него любовным романом, с маленьким «польским адом», а происходит все на фоне пейзажа самого большого в Европе базара возле варшавского Дворца культуры и науки, в мире, обратившемся в ничто, лишенном структуры, в мире, где нет ни складу, ни ладу: такова реальность, возникшая после коллапса прежней системы.

Здесь доминирует ничтожество. Как пишет Ружевиц:

*молодые не знают
где очутились
где Рим где Крым
(о! бля! где бабки?)
(«на окраине поэзии»)*

Оба писателя вписывают это разведывание современности в определенную картину, истоки которой лежат еще в межвоенном периоде, во времени до свершившегося апокалипсиса, в той эпохе, когда система ценностей казалась стабильной, а общество могло само в себе разобраться. Ныне самосознание человека расшатано, система ценностей подверглась распаду, размыванию. Нет ничего удивительного в том, что Мартин Светлицкий, один из самых известных поэтов, дебютировавших около 1989-го, пишет, что новая эпоха, которая порождена недавним прошлым, — это «концентрационный сад». Что означает этот термин, насколько он описывает сознание тех, кто вошел в сознательную жизнь в конце 80-х?

После 1989 года, и даже раньше, в литературе, особенно в дебютантских поисках, проявились две позиции, первую из которых можно определить как отход от общественно-политических проблем, а вторую — как стремление к переоценке этих проблем. Дело в том, что польская действительность — по разным причинам: из-за цензурных запретов, но также и из-за отсутствия дистанции по отношению к происходящим событиям — не была литературой вполне развешана и названа. Это касается буквально всех возможных областей: как психологического шока, вызванного испытаниями войны, так и драмы выселений и депортаций; как последствий перемещения границ, так и того факта, что было полностью замещено население во многих местах, особенно в крупных агломерациях, что повлекло за собой изменение их облика. Надо помнить, что после войны мы заселяли территории, «оставшиеся от немцев» и «оставшиеся от евреев», переживали трагедию утраты родных земель на востоке и что (быть может, кроме Познани и Кракова, где прежние жители преобладали) миграции населения вызвали огромные перемены в характере больших городов: одна только послевоенная Варшава — это 80% пришлого населения.

Говорить обо всех этих вещах литература либо не могла, либо не умела. Об утрате земель на востоке говорить было нельзя — во всяком случае нельзя было говорить об этом прямо. Поэтому герой романа Конвицкого, чувствуя себя чужим в пространстве, центр которого обозначен громадой Дворца культуры и науки, кружа в «Малом апокалипсисе» вокруг этого дворца, вспоминает утраченные пейзажи Новой Вилейки и Вильна, но призывать их может только во сне, в бреду, в неясных видениях. Прямо говорить об утрате писатель начнет лишь на более поздней стадии — в книгах, изданных уже после 1989 г.: «Чтиво», «Бохинь», «Утренние зори», «Памфлет на самого себя».

Но тему эту поднимает не только Конвицкий. Мы находим ее в известном, весьма реалистическом романе Терезы Любкевич-Урбанович «Божья подкладка», где автор критически наблюдает прошлое (роман экранизирован в телесериале Изабеллы Цивинской). Обнаружим мы ее и у писателей более молодого поколения: в повести Александра Юревича «Лида», получившей премию Чеслава Милоша, в стихах Павла Хюэлле, в произведениях Казимежа Браконецкого, Збигнева Доминьяка или

Тадеуша Жуковского, который в стихотворении «Элегия о путешествии на восток» пишет:

*За окнами вагона монотонный
балет сосен, берёз и несжатых хлебов
(...)*

*Мама, не возвращаешь ли ты меня,
чтобы еще раз родить?
Вместе с нами в прошлое прибыло небо,
и земля та же самая; только пчёлы
русского языка иначе носят
пыльцу слогов.*

*(...)
За окнами автобуса —
Радунь. И застыл балет пейзажа.
Над горизонтом верных деревьев, как
руки,
возносит каменные башни костёл моего
крещенья.*

Конец путешествия на кресы?

Ответ на этот вопрос неизбежно сложен. Пейзажи утраченных земель, некогда составлявших важный элемент культурного ландшафта Речи Посполитой, никогда не исчезнут из коллективной памяти, ибо в них укоренены поэзия романтиков, проза Сенкевича, творчество Ивашкевича (ограничимся лишь этими примерами). Вопрос в том, как с этими пейзажами дальше жить, не разжигая вражды, не пробуждая призраков прошлого: в конце-то концов эта проблема важна не только с литературной точки зрения. Вопрос о том, конец ли это путешествия «на кресы» (бывшие восточные окраины Польши), — с этой точки зрения, вопрос принципиальный, потому что он связан с отношением к восточным соседям нашей страны, которые нередко усматривают угрозу в самом использовании понятия «кресы». Однако публикаций на эту тему немало — достаточно назвать хотя бы замечательные «Кресы» Яцека Кольбушевского в серии «Это и есть Польша». Так сохранять ли по-прежнему этот термин, уже исторический, но глубоко укорененный в польской литературе, или говорить лишь о «литературе пограничья»?

Вопрос этот — не только теоретический, он находит зеркальное отражение в целом созвездии произведений, посвященных узнаванию и называнию территорий на западе и севере Польши. Упомяну в этой связи гданьские романы Павла Хюэлле «Вейзер Давидек» и Стефана Хвина «Ханнеман», вступающие в диалог с немецкой литературой, которая описывает утраченные пейзажи на востоке, а также мифологический нижнесилезский роман Ольги Токарчук «Дом

дневной, дом ночной», верхнесилезские книги — «Два города» Адама Загаевского и «Дом, сон, детские игры» Юлиана Корнхаузера, щецинскую прозу Артура Даниэля Лисковацкого и Инги Ивасюв, наконец, творчество Эрвина Крука, связанное с опытом обживания Вармии и Мазур (в частности «Мазурскую хронику»), или поэзию авторов из культурного содружества «Боруссия» в Ольштыне, поднимающих проблему наследия прежних обитателей Восточной Пруссии. Среди авторов «Боруссии» — такие имена, как Казимеж Браконецкий, Збигнев Хойновский, Алиция Быковская-Сальчинская, в чьем стихотворении «К историку» мы читаем:

*а в конце остается
ничья земля
земля истертая
словно маленький
только что искалеченный
бог*

Уже две эти группы произведений: посвященных проблематике утраты и проблемам наследия людей, которые покинули территории, отошедшие к Польше, — показывают, насколько сложен узел проблем общественного самосознания, с которыми сталкивается литература после 1989 года. И если Анджей Завада назвал книгу своих эссе «Бреслав», соединив в заглавии немецкие и польские знаки истории города, то это указывает и на открытость позиции, готовность к диалогу с прошлым, и на устремленность в будущее, которое должно стать сферой общности, а не разделения и тем самым определить европейское измерение польского опыта.

Может показаться, что появление именно этой проблематики лишь после 1989 г. — своего рода парадокс. Его невозможно объяснить только прежними цензурными ограничениями. Конечно, и раньше эта тема, урезанная и сведенная к минимуму, появлялась в творчестве таких авторов, как Корнель Филипович, Тадеуш Ружевиц, Владзимеж Одоевский или Катажина Суходольская. Однако это были отдельные произведения, не собранные в отчетливое целое. Сегодня, когда обретает голос поколение писателей, выросших при новой действительности, тематика укоренения в новых пейзажах становится своего рода необходимостью, отвечает на вопрос о собственном месте человека на земле. Чтобы понять, какво это место, надо обратиться и к прошлому, разобраться с накопленным наследием, определить свое к нему отношение —

тем более что из-под осыпающейся штукатурки все еще проглядывают надписи на иных языках.

Но это не единственный подход, который можно обнаружить в новейшей литературе. В ней раздаются и голоса, которые явно отмежевываются от этой проблематики, скажем, как в стихотворении Милоша Беджицкого «Ашьлоп», которое было знаменито в начале 90-х. Название стихотворения — это слово «Польша», записанное наоборот. Но тут важна не Польша, а жизнь, погруженная в поток «мнимых красот»:

*жизнь, эпопея распада тела!
ты уж думал, всё наконец вошло
в гладкую колею, а тут — в зеркале
щерится двойной подбородок. Отец
твердит, что на пороге тридцати я
должен
прекратить писать, иначе стану
«таким же м...ком, как Херберт», но как
тут не
творить мнимые красоты, когда
каждым
нервом ощущаешь, как дрябнет основа*

Вот именно: жизнь, бренность, экзистенциальная драма, которой противопоставлен созидательный жест, — все же темы более существенные, нежели «Польша» или «Ашьлоп», которые, в сущности, не имеют значения, поскольку и так «в конце остается ничья земля».

Почти тридцать лет назад Ян Блонский в очерке «Поляк — каким его видят и как он о себе мечтает» писал: «А что же она вообще такое, эта литература, если не образ поляка и польского духа? Более того — она представляет собою такой образ даже тогда, когда ничего подобного не предлагает». Эта универсальная формула позволяет всегда относиться к литературе как к зеркалу национального самосознания. Но единственного ли типа самосознания? Всегда ли понимаемого одинаково? Наверняка нет. В конце концов, одно дело — польский дух у Гомбровича, другое — у Конвицкого, а третье — у Казимежа Брандыса.

А как-никак эти писатели сознательно ставили польское начало в центр своих интересов. Гомбрович даже хотел, чтобы его произведения содействовали изменению польского духа, тому, чтобы преодолеть его «провинциальность» и «косность». Милош в «Поэтическом трактате» писал об историчности, которая нам «суть уничтожает», словно желая, хоть и не будучи тогда до конца в этом уверенным, выволить польский дух из-под гнета истории. Вот только история эта по-прежнему имела право решающего голоса, ибо

она в конечном счете решала, кто такие поляки и кем бы они хотели быть. Так что, когда Милош Беджицкий в нынешний переломный период требует оставить позади страну «Ашьлоп», Польшу, прочитанную задом наперед, такой жест столь же значим, как и метафора из стихотворения Мартина Светлицкого, говорящая, что новые пространства польской жизни — это «концентрационный сад». Но, с другой стороны, для героя последнего романа Парницкого «История о трех метисах» (1992) возвращение в Польшу — одна из основных жизненных проблем.

В историю погружены крупнейшие романы старших писателей последнего десятилетия: «Автопортрет с женщиной» Щипёрского, «Горизонт» Мысливского, «Остров палача» Терлецкого. С историей и ее влиянием на современность бьются герои «Оксаны» Одоевского. Историчностью пронизаны последние произведения Херлинга-Грудзинского. История, весьма специфически понятая, укорененная в романтическом переломе, определяет самосознание повествователя в цикле мицкевичевской прозы Ярослава Марека Рымкевича. Урок, преподанный Мицкевичем, велит ему произнести в комментарии к стихотворению «К матери Польше»: «Это стихотворение, которое всего лишь говорит: вы должны знать, где живете. Политики и их наемники-журналисты обманывают поляков, утверждая, что им больше ничего не грозит. Но Мицкевич предостерегает». И действительно, вера в то, что история остановилась, опасна и неразумна. Но должен ли из этого вытекать катастрофизм?

Когда эти вопросы ставятся сегодня, они звучат иначе, нежели двадцать лет назад. И по-другому отвечает на них литература, которая, хочет она того или нет (а иногда она демонстративно не хочет), всегда вписана и в ближайшую, и в отдаленную традицию. Вполне очевидно, что то, как литература видит Польшу и поляков, зависит от определения, прочтения пространства, в котором реализуется польский дух. Следовательно, можно сказать, что эта литература заново разведывает свое место на земле. Больше, чем прежде, она отдает себе отчет в многомерности польского начала и определяет его по отношению к собственной «провинции», к новой государственности, к глобальному миру и многокультурной истории. И если еще недавно Марцель Райх-Раницкий, «патриарх» немецкой литературной критики, порицая познавательную активность польской словесности, восклицал, что

она воспеваает деревню и захолустье, то до известной степени он был прав. Да, это деревня, но деревня, известная по работам Мак-Люэна, — деревня глобальная, которая, независимо от своего положения на карте мира, всегда составляет его центр. С «захолустьем» у нее мало общего.

Такой же деревней предстает Нью-Йорк в драме Януша Гловацкого «Антигона в Нью-Йорке» и тот же Нью-Йорк в рассказах Изабеллы Филипяк из книги «Смерть и спираль». Такая же деревня — мир «Галицийских рассказов» Анджея Стасюка и пространство последних произведений Ольги Токарчук. Такова Варшава у Магдалены Тулли и Париж в эссе Кшиштофа Рутковского. Все это многокультурные пространства, имеющие богатую и разнородную традицию, подобно Гданьску Павла Хюэлле и Стефана Хвина, Щецину в романе Лисковацкого «Eine Kleine», Вармии и Мазурам в творчестве Казимежа Браконецкого, Гамбургу в прозе Януша Рудницкого или местностям, о которых идет речь в стихах Яцека Подсядло и рассказах Наташи Герке. Современный поляк — это (если воспользоваться названием популярной книги Мануэлы Гретковской) «Световидец». Он везде дома, а если он живет в маленьком провинциальном городе или деревушке, то чувствует себя «гражданином мира», свободным от комплекса «провинциализма», потому что знает, что его провинция не отличается от прочих; знает, что на земном шаре, хотя бы по причине его формы, никакого привилегированного центра нет. И хотя это знание не всегда артикулировано, все же оно сильно укоренено в литературе, особенно в творчестве молодых авторов. «Львов — везде», как еще в 80-е годы написал в известном стихотворении Адам Загаевский. Войцех Венцель обнаруживает на поэтическом пути тождество своей провинции и пространства Святой Земли.

Будучи «гражданином мира», герой этой литературы не отказывается от своего облика, хотя, быть может, понимает его иначе, нежели его предшественники. Это важно, поскольку в произведениях последнего десятилетия можно прочесть стремление переопределить, заново очертить формы польского духа. В этой литературе сказывается кризис прежних самоопределений, причем, по-видимому, кризис этот имеет позитивный характер: это поиски новой формы польского начала. Не то чтобы это было явлением совсем уж новым. Эдвард Бальцежан обращал на него внимание еще в 80-е годы, когда, размышляя

о поэзии Яна Польковского, писал: «Поэт (...) стремится сообщить о своем жадном интересе к Польше, он наркотически погружен в польскую тему: Польша — его частная жизнь, его самочувствие». Изменилось ли что-нибудь с тех времен?

Безусловно, укрепилась «приватность» ощущений. Можно даже рискнуть и сформулировать тезис о том, что чувство сопричастности, которым герой этой литературы окружает «свое» сообщество, менее обусловлено национальными детерминантами, нежели личными связями, неким родом сочувствия, уходящего в глубины истории, пересекающего границы регионов и государств и даже выходящего за пределы планеты, как в стихотворении Браконецкого «Отчизны»:

Он спрашивает разве мы не братья по городу

*по крещенью по вере в ближайшую родину
показывает мне фотографии родителей
которые умерли от тоски в Германии
я показываю ему фотографии мамы и бабушки*

по возвращении из Киргизии

Но зачем

*если везде один и тот же
отработанный пафос бренности
и хаос малой и великой памяти*

а то что нас объединяет — вне земли

Формула, предписывающая искать свое место в мире, сегодня больше акцентирует понятие «мир», чем понятие «свое», что не значит, будто «свое» не имеет значения.

Быть может, универсальность экзистенциального опыта сильнее заявляет о себе в поэзии и эссеистике, чем в прозе, хотя без сомнения и здесь она довольно отчетлива: будь то романы Ольги Токарчук, «Эсфирь» Хвина, «Funebre» Петра Шевца или «Слезы» Гжегожа Струмыка — везде текущее время вписано во «внеземной» ритм. Чувство общности с «иными» — как, скажем, в «Словах чужака» Свицерского — не противоречит собственному самосознанию. С той только разницей, что это уже самосознание не изолированное, не сосредоточенное исключительно на собственном «я». Это самосознание, открытое новому опыту.

Ежи Помяновский

УЧЕНЫЙ, СОЛДАТ И ПРЕМЬЕР

Когда в 70-е годы я познакомился в Риме с Эдвардом Щепаником, он был директором программы сельскохозяйственного планирования и сельскохозяйственной политики ФАО — того отдела ООН, где не переливают из пустого в порожнее, но, напротив, наполняют пустые амбары всех голодающих и, что самое главное, дают советы, помогающие людям наполнять их самостоятельно. Он был добродушным и скромным человеком, внешне выделяющимся лишь тем, что не расставался со своей шапкой-пирожком из серебряного каракуля. Ходили слухи, что он получил ее от президента Пакистана вместе с высшим орденом этой страны за то, что спас Пакистан от голода и сделал его житницей Азии. Действительно, Щепаник был там в составе международной комиссии ученых сразу же после раздела Индии, когда миллионы мусульманских беженцев обрушились с юга на истощенную, полупустынную страну. Благодаря внедренным комиссией новым методам агротехники и новым сортам зерна вскоре Пакистан смог прокормить не только свое в несколько раз увеличившееся население, но и более 2-х миллионов беженцев из Афганистана.

Эдвард Щепаник

В то время в международных организациях было не слишком много поляков, а уж тем более эмигрантов — ведь назначения зависели от правительств! Чтобы занять такую должность, Щепаник действительно должен был сделать нечто особенное. По мере того, как наша дружба крепла, я узнавал о нем вещи вроде бы простые, но совершенно не вяжущиеся как с его внешностью кабинетного ученого, так и с общепринятым образом польского патриотического деятеля, помешанного на национальной идее.

Родился Щепаник в провинциальных Сувалках в 1915-м, и уже в 1936-м закончил с отличием знаменитую Главную торговую школу в Варшаве; сегодня он является ее почетным доктором, а кандидатуру его предложил в 1995 г. Лешек Бальцерович. После защиты диплома он отправился в Лондон — изучать экономику в местном университете. В этом же университете, уже после войны, он получил вторую магистерскую степень и докторат по... философии. Это подтверждает непопулярную истину о том, что без гуманитарной закалки нельзя быть ни настоящим интеллигентом, ни даже хорошим технарем. После окончания университета Щепаник возвращается в Польшу и становится ассистентом проф. Эдварда Липинского, корифея польской экономики, который в 70-е и 80-е годы возглавил великий бунт пээнэровской интеллигенции.

Затем начинается война, и Щепаник, успевший закончить артиллерийское офицерское училище, идет на фронт. После поражения польской армии он, в числе других интернированных, оказывается в Литве, что спасает его от смерти в Катynie; когда же Литву оккупирует Советский Союз, он попадает в лагеря на Кольском полуострове, а оттуда — в армию Андерса. В ее составе Щепаник сражается в Италии, и именно он, будучи уже капитаном, отдает своим батареям команду: «Огонь!» перед решающей атакой поляков на Монте-Кассино. Описание этой битвы, вышедшее из-под пера нашего ученого, благодаря своей сдержанности кажется мне одним из самых впечатляющих примеров хорошей польской прозы.

После войны Щепаник сразу же возвращается к научной деятельности. Где, спросите вы? В Гонконге. Он пишет новаторские работы об экономической теории и практике маоизма, о перспективах рыночной экономики в странах Южной Азии и поражениях приказной экономики в Восточной Европе. Десятки статей и дюжина книг сделали его международным авторитетом. Именно из Гонконга его пригласили в уже упомянутую пакистанскую комиссию, а впоследствии — в ФАО, где он проработал 14 лет. Однако по прошествии этого срока он не вышел на пенсию: разумные англичане предложили ему кафедру в Суссексе. Он отправился туда тем более охотно, что совсем рядом, в Лондоне, был расположен политический центр польской эмиграции. Кроме того, там действовали польские научные институты, нуждавшиеся в его авторитете и помощи. Щепаник стал председателем Польского научного общества на чужбине и деканом польского университета в Лондоне, а также председателем всемирного Согласительного совета по исследованиям польской диаспоры.

Словно бы всего этого было мало, он вошел в состав эмиграционного правительства, обосновавшегося в Лондоне со времен войны. Официально западные союзники перестали признавать это правительство вскоре после загадочной смерти генерала Сикорского, после Варшавского восстания, Ялты и признания Востоком и Западом правительства ПНР. Однако правительство в изгнании не сделалось клубом смешных пенсионеров. В его распоряжении была т.н. Национальная казна, существовавшая за счет добровольных взносов многочисленных эмигрантов (прежде всего из США), что давало возможность помогать Польше и беженцам из нее. И именно Щепаник возглавил *Polonia Aid Foundation Trust*. А недостатка в нуждавшихся не было — одних только польских солдат, сражавшихся на Западе, осело в Англии 150.000. Правительство эмигрантов создало и содержало вполне работоспособный университет, а также сеть научных институтов, прежде всего исторических. Оно помогало, пока могло, весьма активной польской прессе. Конечно, оно придерживалось анахронических довоенных политических концепций, дулось на Гедройца и «Культуру». И все же в переломный момент, в 1989 г., оно, не колеблясь, увидело в создателях Круглого стола — новых правителях новой Польши — ее полноправных представителей и передало им знаки государственной власти. Эдвард Щепаник был в то время премьером — последним премьером польского эмиграционного правительства.

Правительство это завершило свое существование 22 декабря 1990 г. Ну, а Щепаник продолжает преподавать. Теперь он профессор политэкономии. Совсем недавно в Гожуве-Велькопольском вышла его работа, посвященная истории факультета экономики и торговли лондонского Polish University College — его колледжа.

Антоний Кучинский

О ПОЛЯКЕ, КОТОРЫЙ СИБИРЬ ОПИСАЛ И С ПУГАЧЕВЫМ ВОЕВАЛ

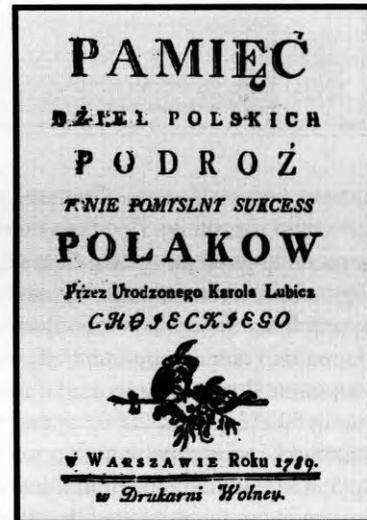
Литература, созданная ссыльными, или, как ее все чаще называют, «сибирская» литература имеет в истории польской словесности долгую традицию. Она началась так же давно, как и связи поляков с землями, расположенными за Уралом. Жители Речи Посполитой Обоих Народов заселяли сибирские просторы еще с конца XVI века. Многие из них без вести пропали в тайге и тундре. Имена других увековечены в старых летописях, и лишь немногие оставили описание своей ссыльной жизни. Чем глубже мы погружаемся в историю польских связей с Сибирью, тем меньше встречаем ее описаний.

Это прошлое — время чрезвычайно запутанное, растянувшееся до безграничности сибирских просторов. Его восстанавливают старопольские мемуары — важнейший памятник присутствия поляков в Сибири. По общему мнению многих ученых, как русских, так и польских, эти мемуары — один из важных элементов знаний о зауральских территориях. Историограф Сибири найдет в польских мемуарах много важных сведений о культурном пространстве и о людях, которые там жили.

Несомненно, такого рода важный исторический источник — мемуары Кароля Любича-Хоецкого «Память дел польских. Путешествие и неудавшийся успех поляков», изданные в Варшаве в 1789 г., а затем, с уже измененным названием: «Поляк-конфедерат, через Москву в Сибирь препровожденный. С приложением сведений о бунте Пугачева» — в 1790 г. Два современных издания этих мемуаров, снабженных критическим обзором, вышли в Гданьске в 1992-м и во Вроцлаве в 1997 г. Известно также, что эти мемуары выходили по-русски: в первый раз — в «Киевской старине» (1883) в переводе выдающегося киевского историка Владимира Антоновича; во второй, под заглавием «Поляк-конфедерат в Сибири», со вступительной статьей Николая Серно-Соловьевича, — в «Русском архиве» (1886). Эти издания несомненно свидетельствуют о ценности записок Любича-Хоецкого не только как одного из первых описаний Сибири поляком, но и как источника сведений о территориях к востоку от Урала.

Автор мемуаров попал в российский плен как участник Барской конфедерации. Барская конфедерация была вооруженным союзом польской шляхты, созданным в 1768 г. в г. Бар на Подолье для защиты независимости Речи Посполитой, привилегий шляхты и католичества. В подавлении конфедерации, продолжавшемся до 1772 г., принимали участие главным образом русские войска, а также войска Речи Посполитой, верные королю. После подавления повстанческого движения на Украине и Подолье бои охватили другие земли Речи Посполитой. После того, как конфедерация была разгромлена, соседние державы, то есть Пруссия, Австрия и Россия, произвели первый раздел Польши.

По некоторым оценкам, около 15 тысяч конфедератов были сосланы тогда за Урал, в большинстве случаев в разные сибирские гарнизоны, хотя известны и случаи, когда их направляли в крестьянские хозяйства в Сибири. В 1770 и 1771 гг. в России были изданы распоряжения тогдашнего военного министра Захара Чернышева, приказывавшего разослать конфедератов по гарнизонам Омска, Оренбурга, Семипалатинска, Тары и Тобольска. Известно также, что немногочисленные контингенты этих ссыльных попали даже в военные гарнизоны Иркутской губернии, а также в так называемые рудничные

Генерал Михельсон,
руководивший подавлением
пугачевского бунта

батальоны в Забайкалье. Об их судьбе у нас нет более точных сведений, однако ссыльные более позднего периода, попавшие в Сибирь после поражения Барской конфедерации, не раз вспоминали, что встречали в сибирских городах «сильно постаревших конфедератов». Видимо, следует упомянуть также о том, что один из героев романа «Бунтари в Сибири» Маргариты Ямшиковой (псевдоним — А.Алтаев), который вышел в Москве в 1929 г., — конфедерат по фамилии Левицкий.

Конфедерат, чья судьба известна нам более подробно из оставленных им мемуаров, — это Кароль Любич-Хоецкий. Из взятого русскими войсками Кракова начался его путь в ссылку — через Москву, Казань, Тобольск, Тюмень и другие сибирские города. Затем он был зачислен в военные отряды и в их составе участвовал в стычках с повстанцами Емельяна Пугачева. Хоецкий дошел до самого Казахстана, где его отряд должен был преградить дорогу калмыцким ордам, уходившим в Китай. Он соприкоснулся с казаками, которых тогда называли киргизами, и дал краткое описание их жизни: как выглядят юрты, одежда, домашнее хозяйство, каковы их обычаи. Он отметил, что уже тогда — а это был конец XVIII века — российские купцы устраи-

вали на берегу Иртыша большие ярмарки. На эти ярмарки съезжались местные коренные жители, ведя меновую торговлю. Проезжая по степям, Хоецкий имел возможность делать наблюдения этнографического характера — это был первый рассказ поляка о казаках, а упоминание об аулах по берегам Иртыша свидетельствует о северных рубежах расселения казахов, которые со временем, вследствие русской экспансии, отодвинулись южнее. «Провинция киргизских татар миль на сто простирается. Народ этот живет в пустынной степи, без всяких построек, хлеба они не едят и никакого земледелия не знают. И только молоком и мясом питаются. Скота у них очень много, так как один хозяин может иметь 5000 баранов, 2000 крупного рогатого скота, 1000 или более коней, 300 или 400 верблюдов. Жилье их похоже на шатры и покрыто войлоком. У них особые деревянные изгороди, которые они ставят в круг, а затем покрывают войлоком. Навверху ставят стропила из жердей, которые также войлоком накрывают, оставляя отверстие для выхода дыма от очага, который горит посередине. У них есть железные котлы, в которых они варят мясо, и маленькие мисочки, деревянные, китайские, из которых, когда сварится мясо, они пьют бульон, а потом само мясо едят. На одном месте живут они недолго, ибо большое количество скота требует травы для выпаса, так что кочуют они с места на место, забирая с собой дома свои, которые перевозят на верблюдах. [...] Никаких денег они не знают и не берут их, ибо все нужные им вещи на скот выменивают. С москалями постоянно на ярмарках торгуют и, бывает, более десятка тысяч скота к Иртышу пригоняют. Переправляются к ним москали за Иртыш и там за разные товары приобретают скот, баранов и коней с большой выгодой».

Территории, по которым путешествовал Хоецкий, были весьма дифференцированы в физико-географическом и климатическом отношении. Неоднократно упоминал он о сибирских морозах — о холоде, досаждавшем на стоянках и в пути, от которого спасались с помощью тулупов или, покупая «бурки» у татар. В Соликамске, знаменитом своими солеварнями, «умерло семеро наших поляков, которых далеко за городом в могилах мы похоронили», — пишет Хоецкий, отмечая при этом недоброе отношение тамошнего воеводы к полякам. Зато автор доброжелательно отзывался о сибиряках, которые часто оказывали помощь нуждающимся в ней. С симпатией он писал также о казанском губерна-

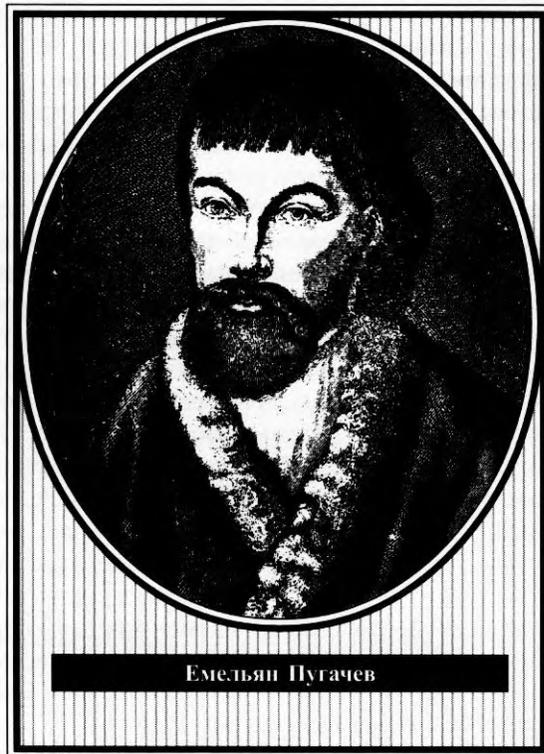
торе Андрее Самарине, сообщая, что был он «человеком гуманным и замечательным: некогда был в Польше послом, а жена его — дама куда благоразумная, при императорском дворе воспитанная». Автор не скрывает также симпатии к коменданту Тары и пишет, что «это был человек высокой культуры, а на нашем польском языке говорил столь хорошо, что и истинный наш поляк лучше говорить не может [...] Был он человеком весьма воспитанным и человечным. Мы бывали у него довольно часто». Автор замечает также, что «генерал-губернатор тобольский [...] человек прекрасный, но гордый и надменный. Это был человек, обладающий огромной властью и большими полномочиями; немного умел говорить по-польски. Наши поляки десятками являлись к его столу, ибо стол у него был не только великолепный, но и открытый, где очень много гостей помещалось».

По словам автора, это были необыкновенные люди в этом необыкновенном краю, где и простой народ дарил ссыльным симпатией. Но автор встречал также людей неотесанных, враждебно относившихся к ссыльным, нетерпимых и алчных. Так что бывало по-разному. Историки в целом согласны, что период колонизации Сибири и превращения ее в место ссылки и каторги характеризовался применением телесных наказаний, беззаконием и произволом. Отдаленность от центров власти тут особенно давала о себе знать.

Все вышесказанное представляет собой лишь небольшой фрагмент из рассказа мемуариста, где отразились и судьба ссыльного автора, и его мнение об отношениях между ссыльными и административной властью в Сибири. Мы видим, как относятся конфедераты к своим угнетателям, а угнетатели — к ссыльным. При этом у поляков нередко возникало чувство неодобрительного изумления, соединявшееся со стихийным сопротивлением, например когда их пытались насильно обратить в православие. Кроме отрицательно оцениваемых взаимоотношений властей со ссыльными, мы встречаем на страницах воспоминаний и положительные оценки, относящиеся к некоторым русским офицерам. Речь идет о конкретных случаях, когда те обходили суровые распоряжения и дружески относились к ссыльным. Автор мемуаров запечатлел проявление человеческих чувств у тех, кому была вверена дисциплина и строгость со ссыльными. Таким образом, в повествовании существуют два разных образа русского чиновника и офицера. Образ сатрапа, носителя зла и всяческих пороков, и образ человека, проникнутого гуманизмом и пониманием идеалов свободы.

Мемуарист писал также о богатых лавках в сибирских городах и низких ценах. Его восхищали ландшафты: огромные леса и широкие реки. Он был свидетелем удивительного явления — белых ночей. Автор пишет также о степях, песчаных пустынях и недостатке воды, что становилось причиной падежа коней и смерти среди солдат. Его возмущало отсутствие равного для всех доступа к источникам воды в степных местностях — источниками могли пользоваться только офицеры. Бывало, что партия ссыльных делала переход в разгар суровой зимы, а военная экспедиция в казахские степи с целью удерживать калмыков, бегущих в Китай, или бои с отрядами Пугачева постоянно грозили смертью. Те, у кого не было теплой одежды, кому не хватало еды или питьевой воды, заболели, а нередко и умирали.

Кароль Любич-Хоецкий не оставил без внимания также поселения немецких колонистов в Поволжье, а в заметках об этнической структуре Казани он подчеркивает, что в городе живет не так много татар. Казань, по словам автора, — город довольно большой, прежняя столица сибирских татар; взятый

Емельян Пугачев

русскими после тяжелых сражений, в ходе которых была уничтожена часть крепостных стен. Описывая город, Хоецкий сообщает, что «более всего из тесаного камня дома ставятся, на наши европейские строения совсем не похожие, ибо это уже азиатская часть света [...] Есть также несколько церквей в той крепости; прежде то были мечети, теперь в церкви превращенные и внутри переделанные, но снаружи видно, что это строение азиатское и некогда было мусульманским. А из крепости выйдя, вправо и влево — город, деревянными и каменными домами довольно обширно застроенный. В самом же том городе, длинной деревянной стеной окруженном, одни только живут москали. Татарам же только одна слобода отдана, да и то далеко за городом, для их проживания. Город этот прежде был собственностью казанских татар, однако очень мало их в Казани находится, так как москали весь этот город уже собственным народом заполнили. Имеют и татары мечеть на своей улице, где живут, довольно красиво выстроенную. Но, за Казань выехав, одни только татарские села находишь».

На страницах этих записок есть заметки и о других городах: Соликамске — «городе, названном так от соли [...] порядочном, из одних только деревянных домов составленном, однако каменных церквей в нем несколько находится». Автор мало пишет о Верхотурье, но его восхитила Тюмень — «город куда больше и великолепнее Верхотурья и куда богаче всякою торговлею и купцами. Что же касается провианта, то гораздо больший в нем имели мы достаток [...] Удобная у нас была жизнь в Тюмени, где покупали мы дешевые китайские материалы, кожи лосиные, из которых одни шили себе штаны, а другие — жупаны». Был Хоецкий в Тобольске, Таре и Омске. О последнем он писал, что была там «крепость из земляных валов довольно крепко выстроенная, в которой были казармы, а за крепостью городок, из деревянных домов состоящий, в которых жили казаки с женами, а повинностью их было стеречь границы». В Омске Хоецкий был зачислен в один из полков, начав свою солдатскую службу, изобиловавшую множеством событий. Были и тяжелые походы, и стычки с местными киргизами, а также бои с отрядами Емельяна Пугачева.

Есть в мемуарах Хоецкого и другие сведения этнографического характера — о народах, с которыми он сталкивался во время своих странствий. Он описывал их домашнее хозяйство и обычаи, отмечал экспансию православия и изгнание местных племен с занимаемых ими территорий, расшатывание древних культур под напором пришельцев. Прибавим, что это явление характерно не только для Сибири, оно известно повсеместно и типично для коренных культур всего мира, сгинувших в водовороте цивилизации. Таким образом Сибирь утратила частичку себя самой, что отмечал и польский историк уже в конце XVIII века.

Мир далекой Сибири и ее разнообразные культуры Любич-Хоецкий постигал во время медленных этапов и долгих стоянок, определяемых по воле конвоя, а потом по воле командиров отрядов, где он служил. Отдельные главы воспоминаний содержат сведения о том, как конфедератов забирали из Кракова и препровождали в Киев и Казань, об этапе в Сибирь, о службе в омских гарнизонах, о боях с отрядами Пугачева и его поимке, наконец, о побеге в Польшу. Побег сопровождался захватывающими и опасными приключениями: он проходил по территориям, где стояли русские войска. Мнение автора о Пугачевском бунте в принципе совпадает с оценками ученых более позднего времени, анализировавших его в более широком контексте. Хоецкий не только охарактеризовал формы, которые принимало восстание, но и упоминал о потерях обеих сторон. Он писал, что в стычках гибли и поляки, которые служили в российских частях, воевавших с Пугачевым. В глазах мемуариста эта война приобретала поистине варварские формы, да такой она и была. Воюющие стороны грабили, крошили противника, вырезали гарнизоны крепостей, обращались к самым жестоким формам войны. Сведения о боях с отрядами Пугачева, этнографические заметки, описание городов, природы и господствовавших в то время за Уралом общественных отношений — все это делает воспоминания Хоецкого важным историческим источником. Не случайно ученые, занимающиеся польско-сибирскими отношениями XVIII в., используют его мемуары в научной работе.

Ян Стшалка

ЛОВУШКА ДЛЯ МУХ

Асар Эппель — прозаик загадочный, а появление крупного писателя неизбежно вызывает у критиков желание обнаружить его творческую родословную. Ленивый или поверхностный читатель, вероятно, ограничится утверждением, что «Эппель — это Бабель сегодня», или предположит, что его рассказы возникли из увлечения творчеством Марка Шагала. Хотя подобных родственных связей не постеснялся бы никто из пишущей братии, но все же думается, что этот след ложный — что, впрочем, в послесловии к польскому изданию «Травяной улицы» убедительно доказывает автор переводов Ежи Чех. Разумеется, Асар Эппель создаст великолепные портреты еврейских обитателей старомосковской слободы Останкино, но делает это иначе, нежели Бабель, воспевший одесскую Молдаванку. Это правда, что под пером Эппеля рождаются фантазмагорические образы, но выдержаны они в совершенно иной колористике, чем произведения великого выходца из Витебска. Это образы темные, мрачные, напоминающие по смертным маскам.

Так кто же он, Асар Эппель? И как вообще Эппель стал Эппелем? — если перефразировать вопрос, который автор «Травяных улиц» задает по поводу одного своего героя, «одинокой, доброй души», чья тоска и сиротство могут найти себе утешение лишь в игре на скрипке. «Каким вообще образом Семен стал Семеном? Трудно сказать. Это был очень редкий молодой человек... — говорит рассказчик и дальше поясняет: — Он был сам по себе. Но не от озлобления, не от желания уберечься, не от дурного характера. Он был одинок генетически».

Асар Эппель отличается от Семена прежде всего тем, что он уже давно никакой не «молодой человек». Действительно, цикл органически связанных друг с другом рассказов «Травяная улица» он опубликовал, когда ему уже было за шестьдесят, что для дебюта возраст довольно поздний.

Ибо «Травяная улица» — это первая опубликованная книга Асара Эппеля, за которой последовали другие, в Польше еще, к сожалению, не переведенные. Однако уже за много лет до этого дебюта его имя было известно как в России, так и в Польше: в течение десятилетий Эппель неутомимо знакомил русских читателей с польской литературой, переводя, в частности, поэзию Тувима и Галчинского, а также прозу Бруно Шульца. Для Эппеля, как и для целого поколения русских интеллигентов-шестидесятников, польская культура стала окном, через которое в душную империю проникал живительный воздух свободы. А после лет, проведенных в непритязательном, хотя и ознаменованном успехами, ремесленном труде в цехе переводчиков, Асар Эппель вошел в число самых интересных на сегодня русских прозаиков. Но почему же — самых интересных? Потому ли, что он — подобно Семену — «одинок генетически» и ни на кого не похож, что он «сам по себе»? Или же потому, что его творческая мастерская, художественная выразительность ставят его — как пишет уже упомянутый выше польский переводчик — где-то на полпути между прежними реалистами и сегодняшними русскими постмодернистами? Причем похоже, что писатель все-таки ближе к старым реалистам, чем к сегодняшним литературным звездам. Ибо какой же постмодернист сумел бы так тщательно восстановить прошлое, вплетая в ткань фантастики столько деталей пошлой и пошурой советской действительности 40-х и 50-х годов? Кто из них мог бы вменить себе в заслугу столь абсолютный слух к подлинному, живому языку московской улицы?

«Травяная улица» — это путешествие в страну детства. Однако этому возвращению не сопутствуют ностальгия, умиление или сожаление о безвозвратно утраченных пейзажах молодости. Молодость, отмеченная страданиями, унижениями, нищетой и страхом, вызывает лишь ненависть автора, смешанную с отчаянием: «Будь же оно

проклято, это детство, будь она проклята, эта школа... Или, лучше сказать, детство-детство, будь ты проклято. Школа-школа, будь проклята и ты. Будете прокляты все вы, зачем-то ставшие учителями, будьте прокляты вы, зачем-то ставшие учениками, будь проклят и я, и я, наконец!» Ибо школа была тоталитарной системой в миниатюре, с ее вездесущим культом Макаренки, с насилем и презрением к слабым или «особо одаренным» и явным привкусом антисемитизма. Поэтому она и заслуживает лишь проклятия — как и весь мир, в котором довелось жить рассказчику.

Его «малой родиной» была отвратительная московская слобода, тянущаяся от Марьиной Рощи до Останкина, а точнее — несколько улиц, где проживала в основном еврейская беднота. В этом пейзаже доминируют грязные, битком набитые бараки и вонючие, настолько загаженные сортиры, что в них зимой и войти-то невозможно. Только немногочисленные обитатели этих травяных улиц тоскуют о любви, поэзии и красоте — как тот же Семен. Но красота — редкая гостья в этих местах, а если нет красоты, то что же спасет мир? Аллегорией России, которую покинула красота, становится мимоходом упомянутая рассказчиком судьба Дрезденской галереи. Герою рассказа «Бутерброды с красной икрой» открывается сказочный мир любви — благодаря одной даме (приехавшей, между прочим, из оккупированной Восточной Германии), которая помогла ему преодолеть пронизывающие все его существо «паршивые окраины» и «эротичку предместий». После этого рассказчик встречает знакомого паренька, который застенчиво советует ему «сходить на Дрезденку» — «там гольшей много». Среди захваченных Красной Армией дрезденских шедевров была и «Сикстинская мадонна», которую, как мы помним, почти боготворил Достоевский, ибо полотно Рафаэля было для него олицетворением абсолютной красоты и духа христианства. Однако спустя несколько лет Дрезденская галерея вернулась-таки в ГДР, так что между Мадонной и блистательной любовницей возникает некая таинственная связь, ибо обе они воспринимаются в советской России как пришельцы из иной цивилизации. Итак, Дрезденская галерея вернулась в Германию, к искреннему сожалению примитивных, жаждущих порнографии обитателей «травяных улиц», которые

боготворили от силы портреты Ленина и Сталина, украшая ими свои бараки.

Но путать красоту с порнографией или с портретом Вождя — это не первородный и не единственный их грех: это бесчеловечные, изголодавшиеся, вульгарные люди, занятые писанием доносов друг на друга... Они бывают бессмысленно жестокими и с садистским упоением мучают ближних — как, например, герой рассказа «Темной, теплой ночью». В этом миниатюрном этюде на тему садизма Эппель проявляет всю мощь своего мрачного таланта. Ради забавы мальчишка до смерти испугал беззащитную старушку и довел ее тем самым до безумия. Они таковы и не могут быть другими — потому что из Кремля пугает их своими «тараканьими усищами» Иосиф Виссарионович, а вскоре недалеко от Останкина появятся гитлеровские орды. Много ли стоила человеческая жизнь в ту эпоху?

Позволим себе привести пространную цитату из поразительного рассказа «Июль». Его герой — одинокий, безымянный мужчина, совершенно чужой в этой слободе. Все дни он проводит в наблюдении за бесчисленными в это время года тучами мух. Мухи докучают людям, и те придумали против них хитроумные ловушки. «И поэтому посреди обеденного стола стоит стеклянная ловушка — натуральный вымысел безмятежного девятнадцатого века, когда многолюдная смерть кого бы то ни было — а в данном случае мух — не навела ни на какие мысли, в данном случае о многолюдной, скажем, смерти людей».

Действительно ли девятнадцатый век был таким уж безмятежным, как это представляется герою рассказа? Может, и был, но на его исходе уже появились пророки, подметившие опасную аналогию между смертью насекомого и массовым уничтожением, скажем, людей.

*Жил на свете таракан,
Таракан от детства,
И потом попал в стакан,
Полный мухоедства...*

Графоманский стишок капитана Лебядкина снискал в России необычайный успех, о чем свидетельствует хотя бы упомянутое выше стихотворение Осипа Мандельштама о кремлевском таракане. Тридцать лет назад Рышард Пшибыльский, великолепный знаток творчества Достоевского — но и поэзии Мандельштама — в своем эссе «Ставрогин» доказывал, что стихотворение Лебядкина было для Достоевского аллегорией России. В особенности той России, приход которой он предвидел вместе с наступлением XX века, то есть России под игом «шигалевищины». «Лишение человека индивидуальности, которое является одной из основных тем романа [«Бесы»], нашло свое выражение в превращении людей в насекомых», — пронзительно заметил Пшибыльский, напомнив, что Ставрогин, Шатов или Петр Верховенский неоднократно сравнивают свое существование с судьбой жалкой «червяшки». А Лебядкин, шут гороховый, предчувствовал, что всех их ждет столь же жалкий конец на дне стакана, где они будут пожирать друг друга. «Образ, созданный Достоевским, был поистине достоин его таланта. Перед нами люди, которые уничтожают собственное «я», потому что веруют в пустоту. Перед нами люди, которые после превращения в насекомых гибнут либо — как Петр — исчезают с лица земли российской. (...) Все попадают на дно стакана». Превращение человека в насекомое — это также навязчивая идея Франца Кафки. Когда пражский затворник описывал трагическую историю Грегора Замзы, в ту же эпоху Николай Олейников в гротескных и абсурдных строках, как и подобает оберниту, возвращался к судьбе несчастного таракана из стихотворения Лебядкина.

Таракан сидит в стакане.

Ножку рыжую сосет.

Он попался. Он в капкане.

И теперь он казни ждет.

Но вернемся к безымянному герою рассказа «Июль». Наблюдая массовое уничтожение мух, он размышляет: «Словом, что ни делай, в воде,

побившись о стекло, будешь обязательно и, побарахтавшись в ней и погудев тревожно, оцепенеешь в конце концов и заплываешь в белой мути, заплываешь в черном своем лапсердаке...» Да, именно в черном лапсердаке — ибо если уничтожение личности грозило в то время каждому, то более всего — евреям, которых обвинили в том, что они разносят тиф и потому должны быть истреблены. Невозможно жить с мыслью о массовых казнях мух, одетых в черные лапсердаки, невозможно жить, когда ты сам превратился в последнюю из мух, и еще вспоминать при этом смерть дочери, которая умерла хоть и в больнице, но задыхаясь при этом от недостатка воздуха в легких — как если бы она умирала в газовой камере. «И все кончилось. И не осталось никого», — думает герой и кончает с собой, утопившись в пруду, где дно похоже на дно стеклянной ловушки. Мы даже не узнали ни его имени, ни имени его дочери — как и имен миллионов других жертв двадцатого века. «...Вспомни хоть адрес — Генерал-губернаторство, Люблин, Гродская, 19, владение Ваксмана». Значит, это был кто-то близкий нам, полякам!

Так кончается мир: где-то далеко от Москвы в газовых камерах умерщвляют миллионы собратьев обитателей травяных улиц, а гораздо ближе — в лагерях или на фронте — гибнут очередные миллионы жертв другого тоталитаризма. У тех, что еще живут, уже давно нет ни лиц, ни имен, они полностью лишились индивидуальности: «Таракан попался в стакан...»

Сборник заканчивается невероятной силы рассказом «Сидящие во тьме на венских стульях». Герои этого рассказа мертвы — как мертвые предметы — и, разумеется, безымянны. Сломленные голодом — ибо продолжается война, которой сопутствуют нищета и голод, — физическими страданиями и стужей, они скатились на дно стакана и уже не пытаются бежать из стеклянной ловушки. Их дочь поглотил лагерь, потому что она опоздала на работу, а сыну суждено погибнуть в окопах под Москвой. За умирающими людьми, сидящими на венских стульях, внимательно наблюдает галка, прилетевшая сюда из предместий Москвы, откуда ее спугнул грохот орудий. Умная галка понимает,

что женщина и мужчина на венских стульях — это уже не человеческие существа, «потому что люди не лают»... Хотя галка «быстро разобралась, что [старый человек] не лает, а кричит», но этот крик показался ей необычным: «...все было какое-то свалочное и никчемное...» Судьба человеческой мертвечины удивляет даже животное, но ненадолго, ибо сообразительную птицу охватывает сожаление и огорчение, что она улетела с поля боя, а «не осталась с воронами и не вспрыгнула на лицо лежавшему в снегу молодому человеку». Мы догадываемся, что это был уже мертвый сын тех людей, в которых погасла последняя искорка человеческого достоинства. «А там, куда летали вороны, человечесины было сколько угодно...» Человечина — это ведь что-то вроде свинины, телятины или говядины, о которых никто на «травяных улицах» уже давно не помнил.

Олейников заканчивает свое стихотворение о таракане жутким пророчеством:

*На затоптанной дорожке
Возле самого крыльца
Будет он, задравши ножки,
Ждать печального конца.*

*Его косточки сухие
Будет дождик поливать,
Его глазки голубые
Будет курица клевать.*

Асар Эппель — несомненно, писатель отдельный, «сам по себе». Но при этом он вовсе не «одиночек генетически», ибо принадлежит к кругу писателей, которые предостерегают человека, чтобы он не отказался от собственного «я» и не позволил себя завлечь притягательной силой пустоты. Иначе замороженность пустотой станет для него стеклянной ловушкой, на дне которой его ждет смерть. Неразрывно связанный с историей и культурой России, Асар Эппель тем самым оказывается в самом центре драмы, терзавшей человечество в двадцатом веке. Исчезнет ли эта драма вместе с минувшим столетием? Быть может, но при условии, что в человеке пробудится совесть, а душу его охватит раскаяние. Садистский герой рассказа «Темной теплой ночью», много лет спустя вспоминая о своей жестокости, не может понять, почему он замучил старую женщину. «Господи Боже мой, прости мне, как простил — если простил — наказание kota в Ленинграде (...) Прости мне, Господи, и странную шалость, жуткую выдумку уходящего детства, которую я позволил себе (...) Но давно я не улыбаюсь, вспоминая отчаяние той женщины, ее беспомощность в ту ночь, ее жестоко угаданные мной паранойю и одиночество...

(...) Только не знаю, за кого молить Внемлющего мне — я ведь не знаю, как ее зовут, и тогда не знал. А спросить теперь уже совершенно не у кого».

Ян Стишалка, род. в 1961 г. Публицист краковского «Тыгодника повшехного». Занимается проблематикой Центральной и Восточной Европы. Печатался в таких газетах как «Жечпосполита», «Стампа» и «Русская мысль».

Лешек Шаруга

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В первом за этот год номере варшавского (но созданного в 80-е гг. в Париже) ежеквартального журнала «Зешиты литерацке» («Литературные тетради») была опубликована статья Яна Котта «Полвека польской эссеистики» (написанная в 1990 г. по-английски как предисловие к изданной в Америке антологии). В ней автор пишет:

«В польской литературе последних пятидесяти лет самым громким и действительно своим голосом говорили поэзия и эссеистика. Или, говоря иначе, в поэзии и эссеистике опыт последних десятилетий нашел свое отражение и оценку, в высшей степени польскую и одновременно универсальную. Пожалуй, не случайно так много польских поэтов занимались в эти годы эссеистикой как равноправным видом творчества. И не только Чеслав Милош: среди авторов этой антологии — Виттлин и Ивашкевич из поколения, рожденного еще в XIX веке, Александр Ват, родившийся в 1900-м, на рубеже двух столетий, Херберт, дата рождения которого относится к межвоенной Польше, и, наконец, самые младшие — Баранчак и Загаевский, родившиеся в первые два года ялтинского послевоенного порядка. Эссеистика и поэзия говорят от первого лица, даже если это первое лицо скрывается за всяческими стилистическими трюками. В польской поэзии этих лет лирический субъект упорно и многократно оказывается субъектом эпическим. (...) Поэзия очень часто, а польская эссеистика — всегда — говорит о реальном мире. Опыт, запечатленным как шрамы от батога на коже, в высшей степени личной биографией они свидетельствуют об этом мире. (...) Поэты романтизма и модернизма зачастую повторяли, что художник — «изгнанник» в своей собственной стране. Он всегда «чужак». Но эта «чуждость», которая, словно плащ, всегда была лишь костюмом художника, стала будничной и обычной для десятков и сотен миллионов добровольных беглецов из домов «резни» или хотя бы всеобъемлющей скуки. (...) Выбирая эмиграцию, писатель не только соглашается быть «немым» среди чужих; еще труднее решиться отрезать себя — никто из нас не знал, на какое время, — от родины и тех, кто читает тебя на родном языке».

Характеризуя составленную им антологию, Котт пишет:

«...этот том польских эссе был бы пуст, если бы в нем не говорилось о пустом месте, оставшемся после истребления еврейского народа на польских землях. Вот уже два века нравы, одежда и, что, пожалуй, еще важнее, иначе проявляющаяся живая вера отличали хасидов от всей прочей еврейской общины. Обычаям и легендам южных окраин старой Польши посвятил свои книги «На высокой полонине» Станислав Винценц. По почтению и почти что нежности к исчезающим культурам я мог бы сравнить их только с «Печалью тропиков» Леви-Стросса, ибо наряду с «Хасидскими повестями» Мартина Бубера это одновременно запись памяти и надгробный камень. О той «ране», стыдливой и затянувшейся, но временами все еще болезненной, какой стал для поляков еврейский геноцид, говорит драматическое эссе Яна Блонского со взятым у Милоша названием «Бедные поляки смотрят на гетто»».

Как бы дополнением к эссе Я.Котта служит подборка высказываний о посмертно изданном в книжной серии «Зешитов литерацких» сборнике эссе Збигнева Херберта «Лабиринт у моря», третьем после «Варвара в саду» и «Пейзажа с удочкой», признанном одним из крупнейших литературных событий последнего времени. Павел Ключовский, объясняя свое прочтение, пишет:

«Почему лишь теперь, два года спустя после смерти поэта, мы, наконец, получили эту замечательную книгу? Почему поэт затягивал с ее изданием? Время интеллектуальной, нравственной и эстетической восприимчивости человека ограничено. С античностью Херберт встретился в ранней молодости, она сформировала поэта и дала ему критерий величия — и он всю жизнь стремился заплатить ей свой долг и свидетельствовать свою любовь к ней. Тому, кто стремится к совершенству, трудно расстаться с темой. Известно, что Херберт хотел написать еще несколько эссе — в частности о Фермопилах, том

месте, где пали прославленные триста бесстрашных и где помещена надпись: «Прохожий, пойди и скажи Спарте, что, верные ее законам, мы упокоились здесь». Но сама античная тема слишком глубоко укоренилась в душе поэта, чтобы он мог хоть когда-нибудь с ней расстаться и сказать, что он воздал ей все по справедливости. Завершение и совершенное исполнение, пожалуй, вообще не были ему суждены. (...) Эссе об Акрополе и «душеньке», т.е. о величии в сопоставлении с нашим писклявым и ничтожным «я», — это лучшее доказательство в пользу тезиса, что ирония Херберта обращена в сторону субъекта, а не объекта поклонения. Херберт всегда предпочитает посмеяться над собой, а не над предметом своей любви. Он идет против течения эгалитарных поползновений нашей эпохи, ибо наш эгалитаризм слишком часто вырастает из мстительности. (...) Херберт лечит от мстительности, учит мужеству, справедливости и великодушию. Мстительность подсказывает человеку, чтобы он отомстил тому, что выше его, за то, что оно не дает ему покоя и неустанно призывает одолевать препятствия. Мстительность говорит, что если классическое гуманистическое воспитание не спасло XX век от варварства, то его следует высмеять. Херберт, наоборот, утверждает, что если античность не спасла нас от варварства, то, видимо, либо она вообще не была усвоена, либо усвоена плохо. Говорят, что если голова ударяется о текст и слышен пустой звук, то это не обязательно свидетельствует, что пуст текст, — возможно, пуста голова. Расписанное на множество голосов повествование Херберта о встрече с классиками исходит из предпосылки о том, что голова пуста, а классики полны мудрости и красоты. Преклонение перед античностью? За этим истертым шаблоном скрывается множество чепухи и недоразумений. Надо уметь точно различать и определять. Херберт ненавидит помпезность, монументальность и торжество величия, т.е. все, перед чем в античности преклонялся, например, Муссолини. Вопреки грубым империалистам, Херберт славит колыбель Европы, хрупкую и филигранную миносскую цивилизацию, жизнь которой была игрой и развлечением. (...) Греция Херберта — это Греция мифов, культов и трагедий, что, кстати, сводится воедино, ибо миф составляет сценарии как культам, так и трагедии. В мире Херберта, как и в мире трагедии, время стоит на месте, а драмы Антигоны, Марсия, Минотавра или Ореста постоянно возобновляются в новых поколениях и новых костюмах».

А вот слова Адама Загаевского:

«Необычайное очарование эссеистики Херберта в значительной мере придает его угол зрения. Мы всегда на полпути между предметом — будь то наскальные росписи из Ласко, храм в Пестуме, малоизвестный голландский художник Торренций, Крит или греческий пейзаж — и личностью рассказывающего. Эссеистики Херберта не было бы без этой встречи. Он никогда не писал о себе — всегда о том, чем он восхищался и что открывал; его никогда не интересовало сочинение чего-нибудь вроде изысканного туристического путеводителя или исторического труда — он всегда представлял читателю и себя самого. Но представлял он себя иначе, нежели делают обычно авторы путевых очерков: он всегда показывал себя несколько иронически, комедийно, словно исходя из уверенности, что в своих путешествиях он видит и описывает вещи столь великие, столь неопровержимо прекрасные и величественные, что вынужден уравнивать их описанием недорогого ужина, заурядного бифштекса, поездки на пароходике, ошибок, усталости, моментов равнодушия. Перед соборами Херберт ставит свою домашнюю мастерскую, несет с собой свое несовершенство. Он отправляет в путешествие по легендарным краям не высокомерного профессора археологии, а мистера Пиквика. В этом-то и есть поэзия — в сопоставлении недвижимых шедевров и подвижного путешественника, искренне пишущего о том, что его захватывает и что ему время от времени нравится меньше. (...) Некоторые страницы этой прозы, например приезд на Крит, принадлежат к самым прекрасным из написанных по-польски; Херберт-странник обладает даром записывать свои первые минуты в чужих городах с такой проникновенностью, что одновременно говорит нам, как мы познаём незнакомый город и как мы живем на Земле между сном и явью».

Совершенно по-иному находит свое место между реальным и воображаемым Станислав Лем: в замечательном цикле «Лесных рассуждений», публикующемся во вроцлавском журнале «Одра», он старается вывести из современного состояния науки ее возможные в будущем последствия. Этот тип эссеистики, на вид далекий от словесности, погруженной в культурные традиции, представляется отличным дополнением поисков Херберта и других авторов, выводящих свои размышления о природе

человека и его творений из прошлого. Лем, одаренный самоиронией и с изумлением обнаруживающий, как его самые фантастические — как казалось много лет назад — идеи ныне воплощаются в жизнь, не щадит предостережений перед динамичным развитием технологии. В «Лесных рассуждениях. ХСVIII», помещенных в февральском номере журнала, он констатирует:

«Технологические перевороты происходят сейчас с таким ускорением, что размах перемен в жизни нашей цивилизации, уже становящийся нашим уделом, не слишком поддается наблюдению. (...) Под рубрикой «Биотех» как в биржевых бюллетенях, так и на страницах научной периодики, появляются котировки крупных, главным образом американских, предприятий. Если 30 лет тому назад я был предтечей технического вторжения в вопросы наследственности жизни, если в своих эссе я предполагал, что мы сумеем усвоить конструкторские методы жизни и достичь порога саморазвивающейся эволюции, если в фантастических произведениях я злорадно показывал разнообразие безумств, в которые способен воплотить человек свой плагиат естественной эволюции, то одновременно я совершал непростительную ошибку, ибо вообще не отдавал себе отчета в том, что наследственное вещество двух миров: растений и животных, а значит, и людей, — почти немедленно после расшифровки кода наследственности обретет товарную ценность. Нынешнее положение дел таково, что — в то время как экологи, гуманисты, интеллектуалы, Церкви возражают против авантюризма ученых, которые, расшифровав геномы дрожжей и человека и не удовлетворившись этим, начинают складывать из нуклеидовых кирпичиков хромосомы, каких еще не было, — достаточно открыть журнал вроде «Сайенс», чтобы увидеть полосные рекламы могущественных фирм, таких, как «Герон», «Циферген» (компания, занимающаяся обработкой протеиновых чипов) или лабораторный комплекс «Кендро». Такого рода учреждения множатся с необычайной быстротой, одновременно подвергаясь разветвлению по специализации: на фармакогенетику, электромолекулярную и катализную биологию... — не буду продолжать перечисление, а то от такого наводнения голова может закружиться. (...) Напор геномного товара в конечном счете уже настолько необратим, что этически обоснованные протесты оказываются напрасными. Одновременно проводятся научные конференции, на которых обсуждается следующая фаза исследований, уже выходящих за рамки генома человека («beyond the human genome»). Кого изумляет, а кого и пугает та легкость, с которой государства одно за другим (например Великобритания или Италия) дают разрешения на экспериментальное клонирование материнских клеток человеческих зародышей. По сути дела неизвестно, что стоит за такими шагами законодателей — доверие к ученым или крупный капитал. Мне кажется, что извержение этой биоиндустриальной деятельности — производная обоих названных факторов. В то время как общество (например в Германии) опасается генетически улучшенных помидоров и свеклы, ведущие исследователи уже говорят о следующей главе познания архитектоники жизни, озаглавленной «proteom project». Ибо гены невероятно искусным и почти еще неизвестным образом управляют миллионом аминокислот, представляющих собой особого рода живое вещество. Никто еще не знает, что станет будущим этапом подобных работ. Мне кажется, что нас несет в будущее стремительный поток, который в этом третьем тысячелетии может оказаться для наших судеб Ниагарой».

По каким-то непонятным мне причинам эссе Станислава Лема не входят в состав важнейших антологий польской эссеистики. Между тем представляется, что «зондирование» будущего, далекое от безумств «футурологии» и опирающееся на уже заметные тенденции развития человеческой мысли и предприимчивости, столь же важно и интересно, как и прочтение уроков былых времен. Проекция будущего так же важна, как прочтение прошлого, — обе картины взаимообусловлены, обе, кстати, не дают особых оснований для оптимизма: они открывают нам величие природы и мощь творческих сил человека, воплощенную в его делах, но в то же время обнаруживают человеческую слабость, все чаще выражающуюся в обычном корыстолюбии, по-ученому называемом получением прибыли. Лем ясно предостерегает: эта прибыль может оказаться в конечном счете потерей — утратой человечности, той есть той ценности, которую стремится спасти в своей эссеистике Збигнев Херберт.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

■ На экраны польских кинотеатров вышел фильм «Канун веснь», снятый Филипом Байоном по мотивам романа Стефана Жеромского. В анонсах говорится, что его тема — это страсть к женщинам и к истории. Режиссер добавляет, что, по его мнению, сегодня уже нельзя воспринимать роман классика, как политический текст. Филип Бай-

Матеуш Дамецкий в роли Цезаря Барыки

он видит «Канун весны», как историю взросления Цезаря Барыки; об этом он и снял свой фильм. Действие фильма начинается в Баку в 1914 г., а заканчивается в Варшаве в 1923-м. Когда мы впервые видим Цезаря Барыку, он учится в бакинской школе, в конце же фильма он уже вполне взрослый юноша. Его жизненный багаж — это опыт русской революции, польско-большевистской войны, различные идейные увлечения, пережитые дружбы и влюбленности. Для Байона главное — лично-историческая канва этих событий. Для Жеромского, надо думать, дело обстояло несколько иначе.

■ Вторая премьера, которой с интересом ожидают зрители, — новая экранизация романа Генрика Сенкевича «В пустыне и пуще». Фильм снял южноафриканский режиссер Гэвин Худ. Написанный более ста лет назад роман польского классика, повествующий о драматических приклю-

чениях двоих детей, неожиданно захваченных вихрем антиколониального восстания в Судане, режиссер представил как универсальную историю о созревании, об эволюции от состояния невинности к жизненному опыту. «Возможно, этот фильм будет отличаться от того, что вы знаете из книги, — говорит Гэвин Худ, — но я просто пытался найти собственную интерпретацию. Для меня это интересная история о детях, которую можно смотреть всей семьей, а единственной трудностью был поиск нужного соотношения между реальностью и фантазией».

■ Осенью должны начаться съемки фильма и телевизионного сериала, продолжающего необычайно популярный в свое время цикл «Ставка больше, чем жизнь», героем которого был польский шпион в гитлеровском мундире. Предполагается, что фильмы будет снимать Владислав Пасиковский («Псы», «Псы-2»).

■ Пять лет назад, в марте 1996 г., в Варшаве скончался кинорежиссер Кшиштоф Кесьльевский («Кинолюбитель», «Три цвета», «Декалог»). Чтобы почтить память выдающегося художника, была открыта выставка фотографий, сделанных во время работы Кесьльевского над трилогией «Три цвета». Их автор — Петр Якса-Квятковский. Снимки воссоздают моменты работы режиссера, а также показывают его в минуты одиночества на съемочной площадке. Одновременно с этим в Польше был опубликован перевод книги американского кинокритика Аннет Инсдорф, посвященной польскому режиссеру, а в варшавском кинотеатре «Варс» состоялся двухнедельный показ его фильмов.

■ Режиссер Кшиштоф Градовский заканчивает работу над очередной, четвертой серией приключений пана Кляксы, придуманного Яном Бжехвой доктора философии, химии и медицины, несравненного красноречивого и путешественника. Предыдущие серии пользовались у зрителей боль-

шим успехом (последняя была снята в 1988 г.), и продюсеры надеются повторить прежний успех. Последний фильм о забавном профессоре и его товарищах носит название «Триумф пана Кляксы» и представляет собой сочетание мультипликации с элементами игрового кино. Адресован он, разумеется, детям — в возрасте от пяти до ста лет.

■ Сто лет назад родился Ян Пшибось, выдающийся поэт польского авангарда, сформировавшегося в 20-е годы. «Если бы не было Пшибоса, — написал критик Михал Гловинский, — полностью изменилась бы общая картина польской поэзии XX века. Программный авангардист стал ее выдающимся классиком».

Ян Пшибось, 1932

■ Выставкой автографов, акварелей и рисунков Циприана Камиля Норвида в Национальной библиотеке в Варшаве открылись торжества «Года Норвида». В этом году исполнится 180 лет со дня рождения поэта. В программу празднования «Года Норвида» включен также массовый рок-концерт, в ходе которого, в частности, Чеслав Немен вернется к своему знаменитому хиту «Памяти Бема траурная рапсодия» с музыкой на слова великого поэта.

■ Малгожата Незабитовская и Вальдемар Кучинский вдохновились примером довоенной публикации и подготовили «Книгу десятилетия независимой Польши. 1989-1999». «Наша публикация, — говорит Незабитовская, — это портрет страны и ее жителей, итог успехов и ошибок, зеркало, в котором мы можем увидеть, какие мы на самом деле. Это еще и свидетельство, которое останется будущим поколениям».

■ «От Бердичева до Лафитов» (изд. «Czapen») — так озаглавлен сборник эссе Ежи Стемповского, в который включены некоторые путевые заметки, написанные автором во время путешествий по Европе — главным образом послевоенной. Для Стемповского, одного из самых выдаю-

щихся польских эссеистов, который называл себя «неторопливым прохожим», путешествия были способом существования, созерцания окружающего мира, его оценки. Европа, пережившая II Мировую войну, становится для Стемповского континентом разбитых надежд и памяти о жестоких испытаниях, выпавших на долю людей. Стемповский путешествует, чтобы создать картину времени, наблюдаемую глазами очевидца.

■ Варшавские городские власти совместно с Польским братством кавалеров Гутенберга организуют в столице фестиваль «Библиомания» — праздник книги, подобный проводившимся когда-то ежегодным книжным ярмаркам. Фестиваль продолжится с апреля по июнь и будет сопровождаться авторскими вечерами и литературными дискуссиями, а также многочисленными выставками. Вся программа получила название «Европейя» и предназначена в основном для молодежи.

■ Ансамбль песни и танца «Мазовше» посвятил специальный концерт столетию со дня рождения Миры Зиминской, многолетнего художественного руководителя коллектива, скончавшейся несколько лет назад. Это первое после длительного перерыва выступление «Мазовше» в Варшаве.

■ В варшавском кинотеатре «Иллюзион» состоялся вечер, посвященный Булату Окуджаве. Были показаны три документальных фильма, посвященных поэту, а его песни исполнял Олег Погудин в сопровождении гитариста Михаила Радюкевича.

■ В Поморской филармонии в Быдгоще началось празднование «Года Падеревского». Для одних Игнаций Падеревский (1860-1941), пианист и премьер-министр независимой Польши, — это главным образом политик, другие же ценят его прежде всего как вдохновенного виртуоза, признанного исполнителя Шопена и композиторов-романтиков. А ведь он был еще и композитором, а также заслуженным педагогом и филантропом.

В варшавском Большом театре открылась выставка графики Марка Шагала. На ней представлено 280 работ, которые позволяют проследить излюбленные темы и мотивы художника, повторяющиеся также в его живописи, — библейские сюжеты, жизнь в еврейских местечках в России, фантастические композиции с животными.

В этом году лауреатами премий им. Леоны Шиллера, присуждаемых Союзом польских театральных деятелей за достижения в области театрального искусства, стали актер Гжегож Квас, кабаре «Мумиё» и ежемесячник «Рух театральный».

Самым интересным спектаклем, показанным в последнее время, критики почти единодушно признали «Изглаживание — Auslöschung» — инсценировку последнего прозаического произведения австрийского прозаика и драматурга Томаса Бернхарда (1931-1989), поставленную на сцене Драматического театра режиссером Кристианом Лупой. «В этом спектакле, — пишет критик, — Лупа касается важнейшей проблемы, оставленной Европе в наследство XX столетием, — чувства вины». На основе монолога авторства Бернхарда Лупа написал собственную пьесу с более чем десятком действующих лиц и действием, которое разворачивается в нескольких планах. Спектакль продолжается два вечера.

Всемирная премьера последней пьесы Славомира Мрожека «Преподобные» состоится в генуэзском «Театро Стабиле», и лишь позднее пьеса будет показана на сцене краковского Старого театра. «Преподобных» в Генуе ставит Ежи Штур, великолепный актер, все чаще занимающийся режиссурой, который в этом сезоне работает в

«Театро Стабиле» в качестве постоянного режиссера. Пьеса Мрожека затрагивает такие темы, как терпимость, еврейский вопрос, проблемы Церкви.

Подведены итоги конкурса работ польских фотожурналистов за 2000 год. Главная премия присуждена Петру Яновскому из «Газеты wyborчей» за репортаж «Интифада».

Хотя Яцек Куронь уже несколько лет назад отошел от активной политической жизни, он по-прежнему остается в числе самых популярных лиц в общественной жизни Польши. Анджей Титков в посвященном Куроню телевизионном фильме показал бывшего создателя харцерских отрядов, бывшего оппозиционера, члена Комитета защиты рабочих (КОР) и, наконец, бывшего министра в двух правительствах «Солидарности» как неисправимого оптимиста, верящего в то, что нравственность лежит в природе общества, что жизнь можно организовать лучше, разумнее и справедливее.

Так Анда Роттенберг попраша гася с галерей

В отставку с поста директора варшавской художественной галереи «Захента» подала Анда Роттенберг. Заявив о своем решении, она сообщила, что в ближайшем будущем займется организацией Музея современного искусства.

В «Новой Польше» № 2/2001, в статье Януша Мацевского «Враг вражды» было ошибочно указано, что Ян Юзеф Липский был награжден орденом «Virtuti Militari». В действительности он был награжден Крестом Храбрых.

Сообщаем также, что замечательная книга Михаила Геллера «История Российской Империи» была опубликована в Польше не издательством «Ведза повшехна» (как было ошибочно указано в предыдущем номере «Новой Польши»), а издательством «Ксёнжка и ведза». Книга эта была переведена Эугениушем Мелером и Тадеушем Качмарским.

Редакция

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

А.Поморский об антологии **Н.Астафьевой** и **Вл.Британишского**

Е.Едлицкий: Стоит ли быть демократом?

М.Вильк: Иду дальше Карельской тропой

К.Бурнетко: Газетный киоск

Д.Ольбрыхский: Как ужиться с соседом?

А. Ермонский: Вы Гомбровича не читали?

Я. Видацкий: О Юлиуше Мерошевском

М.Клецель: Лукасинский в Шлиссельбурге

Р. Пшибыльский: Об **И.Бродском**, **А.Ахматовой**, **О.Мандельштаме**

К. Яновская и **П. Мухарский:** Беседы к концу столетия с
П.Герцем, **Б.Скаргой** и др.

Наши за границей: **А.Северин**, **Ю.Хурвиц**, **П.Слонимский**, **В.Пшоняк**,
З.Рыбчинский, **Я.Котт**, **А.Холланд**, **Р.Полянский**, **Л.Унгер**, **А.Кшивицкий** и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, **Стахуры**, **Шимборской**, **Бялошевского** и др.

в переводах

Бродского, **Базилевского**, **Астафьевой**, **Британишского**,
Горбаневской, **Свяцкого** и др.

Журнал «Новая Польша» распространяется бесплатно.

Допущен к распространению на территории Российской Федерации решением
Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.

(Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № 77-1063 от 03 ноября 1999 г).

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРЕДСТАВЛЯЕТ
ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ
РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Dialog

Ежемесячник, посвящённый современной драматургии.

**NOWE
KSIĄŻKI**

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи о издательском деле, анонсы, библиографии.

**НОВАЯ
ПОЛЬША**

Новый ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культура, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвящённый современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

ruch muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, её теории и практике. Выходит раз в две недели.

L I T E R A T U R A
na świecie

Известнейший ежемесячник содержащий обзор произведений иностранных авторов.

Biblioteka Narodowa. Zakład Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax 6082488, tel. 6082374

Бесплатный экземпляр